РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН, выходит с 1976 г. 6 раз в год.

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

2

2021

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD

The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer-reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by "Electronic Scientific Library" (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

2
2021

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал.А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е.В. к.филос.н., в.н.с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л.С. д.и.н., декан исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)
Валентей С.Д. д.э.н., профессор Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)
Дынкин А.А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН (Москва, Россия)
Кокошин А.А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва, Россия)
Полтерович В.М. академик РАН, руководитель научного направления "Математическая экономика" ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва, Россия)
Торкунов А.В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И.О. д.э.н., директор Института Африки РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Байсингер Марк Р. (Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)
Буторина О.В. д.э.н., зам. директора Института Европы РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Войтоловский Ф.Г. д.полит.н., директор ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, член-корр. РАН, профессор РАН (Москва, Россия)
Габов А.В. д.ю.н., г.н.с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Гарбузов В.Н. д.и.н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)
Глинчикова А. Г. д.полит.н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)
Дискин И.Е. д.э.н., с.н.с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)
Кондаков И.В. д.филос.н., в.н.с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)
Либман А.М. (Libman) профессор Мюнхенского университета им. Людвига и Максимилиана (Мюнхен, Германия)
Наумкин В.В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)
Нестик Т.А. д.психол.н., г.н.с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)
Паин Э.А. д.полит.н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)
Петренко В.Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Порфирьев Б.Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Ремингтон Томас Фредерик (T. Remington) профессор Гарвардского университета (Кембридж, США)
Синеокая Ю.В. д.филос.н., заместитель директора Института философии РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Тихонова Н.Е. д.социол.н., г.н.с. Института социологии РАН (Москва, Россия)
Фомин-Нилов Д.В. к.и.н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)
Хабриева Т.Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)
Чубарьян А.О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)
Яковлев А.А. к.э.н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2021
© Составление. Редколлегия журнала “Общественные науки и современность”, 2021

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-014-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314, Москва, 105082
Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049
Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons@jes.su.
Адрес в Интернете: https://ons-journal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS, Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Feodor Voitolovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Thomas F. Remington Professor of Political Science at Harvard University (Cambridge, USA)

Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)

Natalya Tikhonova Doctor of Sciences (Sociology), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2021

Publisher: Russian Academy of Sciences
Executor under the contract No 4У-ЭА-014-18 ООО «Integration: Education and Science» Rubtsovskaya nab., 3-1, office 1314, Moscow, 105082
Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia. Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons@jes.su.
Website: https://ons-journal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Савельев А.Г., Нарышкина О.М. Продление СНВ-3: конец или начало? 7

ПОСТCOVID-19: ИННОВАЦИИ И РИСКИ

Мамедьяров З.А. Влияние последствий пандемии COVID-19 на мировую экономику и инновационное развитие 21

Селянин Я.В. Информационные и биотехнологии в США: катализирующий эффект COVID-19 36

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Рогинко С.А. Климатический поворот США: цели и средства 53

Петровская Н.Е. Молодежный рынок труда в США 66

РОССИЯ И МИР

Крайнов Г.Н. «Догоняющая модернизация» России: прошлое и настоящее 79

Шестопал Е.Б. «Они» и «мы»: восприятие своей и других стран российскими гражданами 90

ДИСКУССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Шилов В.В. Социология и история: общее, особенное, перспективы 103

Жаворонков А.Г. Кант, Ролз и проблема публичного применения прагматического разума 114

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Крылов Г.Л. «Силы народной мобилизации» («Кувват аль-хашд аш-шааби») как фактор изменения военно-политической обстановки в Ираке после 2014 года 126

CONTENTS

PROBLEMS OF INTERNATIONAL SECURITY

Savelyev A., Naryshkina O. The New START Extension: The End or the Beginning? 7

POST-COVID19: INNOVATIONS AND RISKS

Mamedyarov Z. The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Global Economy and Innovative Development 21

Selyanin Y. U.S. Information and Biotechnology: Catalyzing Effect of COVID-19 36

WORLD ECONOMY

Roginko S. America's Climate Turn: Goals and Means 53

Petrovskaya N. Youth Labour Market in the United States 66

RUSSIA AND THE WORLD

Krainov G. Russia's «Catching up Modernization»: Past and Present 79

Shestopal E. «They» and «We»: Russian Citizens' Perception of Their Own and Foreign Countries 90

DISCUSSIONS IN SOCIAL SCIENCES

Shilov V. Sociology and History: General, Special, Perspectives 103

Zhavoronkov A. Kant, Rawls and the Problem of Public Use of Pragmatic Reason 114

MIDDLE EAST

Krylov G. Popular Mobilization Forces (Quwwat al-Hashd ash-Shaabi) as a Factor Influencing Security and Political Situation in Iraq after 2014 126

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 2. С. 7–20
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 2, pp. 7–20

DOI: 10.31857/S086904990014052-9

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
PROBLEMS OF INTERNATIONAL SECURITY

Оригинальная статья / Original Article

Продление СНВ-3: конец или начало?

© А.Г. САВЕЛЬЕВ,
© О.М. НАРЫШКИНА

Савельев Александр Георгиевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), saveliev@imemo.ru

Нарышкина Ольга Михайловна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), olga.alexandria@gmail.com

В статье представлен анализ вероятных целей и позиций России и США по контролю над ядерными вооружениями. Администрация США ставит целью договоренности с РФ по контролю над всеми ядерными арсеналами сторон, включая тактическое ядерное оружие (ТЯО). Предусмотрено привлечь Китай в переговоры по ядерным вооружениям на двусторонней или многосторонней основе для установления контроля над китайским ядерным арсеналом – без сокращения ядерных арсеналов. Вероятная позиция России на переговорах – решение проблемы ПРО, стратегических высокоточных неядерных вооружений и космических вооружений. Авторы считают, что без высокого уровня доверия между сторонами вряд ли можно говорить о благоприятных перспективах продолжения диалога по контролю над вооружениями в обозримом будущем.

Ключевые слова: контроль над вооружениями, ядерное оружие, договор СНВ-3, переговоры, ядерные боезаряды, тактическое ядерное оружие, противоракетная оборона, стратегические высокоточные неядерные вооружения, космические вооружения.

Для цитирования: Савельев А.Г., Нарышкина О.М. (2021) Продление СНВ-3: конец или начало? // Общественные науки и современность. № 2. С. 7–20. DOI: 10.31857/S086904990014052-9

The New START Extension: The End or the Beginning?

© A.G. SAVELYEV,
© O.M. NARYSHKINA

Alexander G. Savelyev, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), saveliev@imemo.ru

Olga M. Naryshkina, Moscow State University (Moscow, Russia), olga.alexandria@gmail.com

Abstract. The article provides an analysis of the likely goals and positions of Russia and the United States on nuclear arms control. The U.S. administration aims to reach an agreement with Russia to control all of the parties' nuclear arsenals, including tactical nuclear weapons (TNW), as well as China's involvement in nuclear arms negotiations bilaterally or multilaterally in order to establish control over China's nuclear arsenal - without reducing its nuclear arsenals. Russia's likely position in the negotiations is a solution of the problems of missile defense, strategic high-precision non-nuclear weapons and space weapons. The authors believe that without a high level of trust between the parties, there are little good prospects for the continuation of the arms control dialogue for the foreseeable future.

Keywords: arms control, nuclear weapons, New START, negotiations, nuclear warheads, tactical nuclear weapons, missile defense, strategic precision-guided non-nuclear weapons, space weapons.

For Citation: Savelyev A., Naryshkina O. (2021) The New START Extension: The End or the Beginning? *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 2, pp. 7–20. DOI: 10.31857/S086904990014052-9 (In Russ.).

3 февраля 2021 г. Россия и США обменялись дипломатическими нотами о вступлении в силу соглашения, продлевающего действие Нового Договора о СНВ (в России принято называть этот Договор СНВ-3) на последующие пять лет. Это произошло за два дня до истечения срока действия данного Договора, подписанного президентами РФ и США Д. Медведевым и Б. Обамой в апреле 2010 г. и вступившего в силу 5 февраля 2011 г. Сам Договор в Статье XIV предусматривает возможность его однократного продления на срок «не более пяти лет» после совместного рассмотрения вопроса и достижения согласия. Следует отметить, что до окончания президентских выборов в США и прихода к власти администрации Дж. Байдена перспективы продления Договора выглядели более чем сомнительными. На протяжении почти всего 2020 г. администрация Д. Трампа «обставляла» свое согласие на его продление такими условиями, что даже оптимисты приходили к печальному выводу, что Россия и США останутся без последнего соглашения в сфере ограничения стратегических вооружений на неопределенный период времени в будущем. Теперь, по крайней мере, на последующие пять лет стороны будут иметь высокую степень предсказуемости развития стратегических ядерных арсеналов с реальной возможностью проверить выполнение принятых на себя обязательств в соответствии с действующим Договором.

Факт продления Договора СНВ-3 поставил новые вопросы перед политиками и экспертным сообществом двух стран. Главный из них —рассматривать ли упомянутое достижение как начало нового периода отношений России и США в сфере контроля над вооружениями или же его следует считать завершением процесса и новых договоренностей ожидать не приходится. Не претендуя на полноту освещения всех нюансов проблемы, все же попробуем оценить, какие подходы могут лежать в основе будущих договоренностей по контролю над ядерными вооружениями, и насколько они приемлемы для возможных новых соглашений между сторонами.

Аргументы против продления СНВ-3 в США

Продление СНВ-3 как бы подвело определенную черту под обсуждением вопроса, насколько Соединенные Штаты были заинтересованы в сохранении этого соглашения. Однако сам факт отнюдь не означает, что аргументы противников СНВ-3 полностью утратили свою силу и перестали оказывать влияние на политику безопасности США. Напротив, администрации Дж. Байдена, возможно, уже в ближайшем будущем придется учитывать настроения части военно-политического истеблишмента страны при выработке своей позиции по дальнейшим шагам в области контроля над ядерными вооружениями.

Известно, что с самого начала новая американская администрация дала ясно понять: контроль над вооружениями будет находиться среди ее приоритетов. Об этом заявили как президент Дж. Байден, так и Госсекретарь США А. Блинкен [*Blinken* 2021].

В России продление СНВ-3 в целом было воспринято положительно как в официальных, так и в экспертных кругах. Однако в США высказываются сомнения, стоило ли идти на безоговорочное его продление без каких-либо дополнительных условий. В этой связи Госдепартамент США 3 февраля 2021 г. опубликовал документ, в котором названы «мифами» аргументы противников продления Договора [New Start… 2021]. Среди перечня таких «мифов», который приводит и «разоблачает» Госдепартамент, присутствуют явно надуманные и непонятно кем высказанные мнения. Например о том, что СНВ-3 якобы представляет собой реликт «холодной войны» и не соответствует существующей стратегической ситуации. Кроме того, Госдеп привел аргументы противников соглашения о том, что продление этого Договора позволяет Китаю продолжать наращивание своего ядерного арсенала, а России – сохранять превосходство в тактическом ядерном оружии. Легко увидеть, что подобные «мифы» не имеют никакого отношения ни к самому Договору СНВ-3, ни к факту его продления. Поэтому «развенчание» их не составило особой сложности для дипломатического ведомства США.

Тем не менее ряд аргументов противников Договора потребовал от Госдепартамента достаточно обоснованных возражений и даже частичного признания их справедливости. Одной из таких серьезных претензий стали упреки в адрес американского руководства в неиспользовании в полной мере согласия РФ на заморозку всех ядерных арсеналов сторон «в обмен» на продление СНВ-3 на один год. Как известно, такое согласие было выражено в опубликованном 20 октября 2020 г. документе МИД РФ [Заявление МИД… 2020]. Россия достаточно четко дала понять, что с ее стороны речь идет именно о политическом обязательстве, которое не должно сопровождаться никакими дополнительными требованиями. Несмотря на позицию Москвы, американская сторона интерпретировала его как принципиальную готовность РФ заключить отдельное соглашение о «заморозке» количества всех ядерных боезарядов сторон. Это соглашение, по мнению США, должно было включать в себя предоставление соответствующей информации и выработку мер контроля за его выполнением. Отказ администрации Дж. Байдена продолжить давление на РФ в пользу заключения подобного соглашения противники сейчас и ставят ей в вину.

В качестве «оправдания» своим действиям Госдепартамент США заявлял о нехватке времени на выработку названного соглашения, поскольку с инаугурации нового президента США и до истечения срока действия СНВ-3 оставалось чуть больше двух недель. Также Госдеп говорил о том, что Россия отказывалась вести переговоры по этому вопросу, считая, что выработка соглашения о контроле – «дополнительное условие» для продления СНВ-3, что для РФ «неприемлемо». По мнению Государственного департамента, продление СНВ-3 предоставляет Соединенным Штатам необходимое время для решения вызывающих озабоченность проблем в данной сфере.

В своих заявлениях Государственный департамент совершенно не упоминал проблемы, которые могут вызывать (и вызывают) озабоченность российской стороны. Все разоблачаемые им «мифы» имеют непосредственное отношение к интересам безопасности США. Госдепартамент даже не намекал, что американская сторона будет готова хотя бы рассмотреть позицию России по ряду вопросов, которые Москва уже неоднократно поднимала в ходе официальных и неофициальных контактов на протяжении целого ряда лет. Эти озабоченности нашли свое отражение в ряде официальных документов РФ – Военной доктрине, Стратегии национальной безопасности и других.

Пока неясно, насколько серьезно руководство США готово к конструктивным переговорам по всему комплексу проблем стратегической стабильности. Тем не менее, если

с новой американской администрацией все же начнутся обсуждения о возможных новых соглашениях в области контроля над ядерными вооружениями, то стороны для достижения практических результатов будут вынуждены не только обсуждать, но и со всей серьезностью принимать во внимание обоюдные заинтересованности и претензии для необходимого компромисса. В противном случае говорить о перспективах успешного продолжения политики контроля над этими вооружениями просто не приходится.

Возможные подходы к контролю над ядерными вооружениями администрации Дж. Байдена

Исходя из первых заявлений представителей новой американской администрации, в своей политике контроля над ядерными вооружениями она намерена сосредоточиться на двух основных направлениях. Первое – достичь договоренности с РФ по контролю над всеми ядерными арсеналами сторон, включая тактическое ядерное оружие (ТЯО). Второе – вовлечь Китай в переговоры по ядерным вооружениям на двусторонней или многосторонней основе для установления контроля над китайским ядерным арсеналом, полной информации о его состоянии и перспективах развития [Renewing America's… 2021]. Симптоматично, что ни в первом, ни во втором варианте задача сокращения ядерных арсеналов пока не ставится. Речь, прежде всего, идет о согласовании системы контроля (верификации) и обеспечении предсказуемости развития ядерных сил РФ и КНР.

США–Россия

При кажущейся логике и даже простоте подхода к контролю над всеми ядерными арсеналами России и США, успех в достижении подобной договоренности более чем сомнителен. Соединенным Штатам еще до вступления в официальный диалог с РФ придется решить ряд непростых вопросов, напрямую связанных с изначальной позицией страны как предмета обсуждения.

Если отвлечься от политики и допустить, что Россия и США в принципе договорились об установлении контроля над всеми ядерными боезарядами, имеющимися в их арсеналах, сторонам придется решить целый ряд крайне сложных проблем. Они носят не только и не столько технический характер, сколько имеют военно-политическую и военно-стратегическую основу. В частности, по нашему мнению, стороны должны будут еще до начала переговоров обсудить, будут ли они «приравнивать» тактическое ядерное оружие к стратегическому в новой договоренности. Если нет, то по каким критериям данные вооружения могут быть разделены на эти две категории? По мощности боезаряда или все-таки по характеристикам носителя, на котором этот заряд может быть развернут?

Во всех предыдущих договорах с США, включая СНВ-3, речь, прежде всего, шла о носителях, что с военно-стратегической точки зрения вполне обоснованно и принято обеими сторонами. Однако остается открытым вопрос: может ли такая же логика быть применена к ТЯО? Следует особо подчеркнуть, что когда речь идет о «ядерном оружии», то под этим словосочетанием подразумевают ядерный боезаряд, развернутый на том или ином носителе. В сфере стратегических вооружений такими носителями стороны определили межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и тяжелые бомбардировщики (ТБ). Перечисленные системы в основном и подлежат соответствующему контролю. В случае с ТЯО спектр носителей ядерного оружия резко расширится. В него должны быть включены многие образцы ракет (как баллистических, так и крылатых) и значительный перечень авиационной техники, в обычное время выполняющих конвенциональные задачи, то есть служа средствами «двойного назначения». До определенного периода времени «ядерные функции» могла выполнять

и тяжелая артиллерия. Таким образом, контроль над ТЯО должен означать установление контроля над широким спектром обычных вооружений сторон, способных стать носителями ядерного оружия. С практической точки зрения подход выглядит нереальным.

Исходя из вышеизложенного, напрашивается логический вывод: у сторон остается единственная возможность установить контроль над ТЯО – контролировать только ядерные боезаряды и отказаться от контроля над их возможными носителями. В этом случае речь должна идти уже не о контроле над «ядерным оружием», а о контроле над ядерными боезарядами. Вся система «контроля над ядерными вооружениями» распадается, как минимум, на две части – отдельно контроль над стратегическими вооружениями и отдельно – контроль над ядерными боезарядами. Очевидно, что переход от контроля над носителями ядерного оружия к контролю над ядерными боезарядами – достаточно сложная задача. Она потребует значительного времени для выработки и согласования специфических мер, позволяющих получить полную уверенность сторон в выполнении принятых ими обязательств.

Даже со стратегическими вооружениями, охваченными Договором СНВ-3, при ближайшем рассмотрении не все просто. В соответствии со сложившейся практикой российско-американских соглашений в сфере контроля над вооружениями все ядерные средства сторон делятся на две крупные категории: развернутые (то есть готовые к применению) и неразвернутые[1]. По каждой из этих категорий вводятся отдельные ограничения. Например, Договор СНВ-3 устанавливает уровни 700 единиц для развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых тяжелых бомбардировщиков, а также отдельный уровень 800 единиц для развернутых и неразвернутых носителей. Установлен уровень 1550 единиц для боезарядов на развернутых стратегических носителях. Однако о разрешенном количестве неразвернутых боезарядов в Договоре ничего не говорится [Договор… 2010]. Возникает еще один вопрос: какие ядерные боезаряды предполагается контролировать? Все, отдельно тактические и отдельно – стратегические, или же отдельно развернутые и отдельно неразвернутые? Необходимо ли ввести отдельные подуровни по названным категориям ядерных боезарядов? Российская сторона предлагает сосредоточить внимание на «развернутой части» ядерных арсеналов сторон [Вступительное слово… 2021]. Позиция США по этому вопросу пока неясна.

Наибольшую сложность может вызвать вопрос о проведении границы между стратегическими и тактическими ядерными боезарядами. Скорее всего, сделать это вообще невозможно. Например, одна и та же ядерная бомба может быть размещена и на тяжелом, и на другом типе бомбардировщика, не относящегося к классу стратегических носителей. Добавим, что маломощные ядерные боеголовки уже сейчас развертывают на стратегических носителях ядерного оружия – БРПЛ «Трайдент II». Кроме того, в арсенале Соединенных Штатов имеются ядерные боезаряды с изменяемой мощностью взрыва. Таким образом, критерий мощности для разделения боезарядов на «стратегические» и «тактические» неприемлем. Поэтому по многим параметрам делить ядерные боезаряды на эти две категории можно только условно.

Если стороны договорятся о контроле над ядерными боезарядами по принципу «развернутые-неразвернутые», то им также придется решить ряд важных проблем. Одна из них – как засчитывать ядерные бомбы и крылатые ракеты, предусмотренные для развертывания на тяжелых бомбардировщиках сторон. В «реальной жизни» эти вооружения на ТБ не размещают. Примером служат полеты российских и американских ТБ на регулярной основе в различных регионах мира. Согласно открытым сообщениям, они не несут на борту ядерное оружие. Иными словами, вооружения, которые могут быть

[1] Здесь и далее использована терминология, принятая в международных договорах. Она несколько отличается от «военной», в которой, например, принят термин «оперативно развернутые» системы вооружений.

установлены на ТБ, необходимо включать в категорию «неразвернутые ядерные боезаряды». Соответственно следует относиться и к американскому ТЯО, размещенному на базах пяти европейских стран НАТО (Бельгия, Германия, Италия, Нидерланды и Турция), хотя оно готово к немедленному размещению на боевых самолетах. Соответствующие тренировки по доставке американского ядерного оружия из подземных бункеров и установку его на самолеты силы НАТО регулярно проводят в рамках учений «Стойкий полдень» (Steadfast Noon) [*Саможнев* 2020][2].

Согласно Договору СНВ-3, каждый ТБ засчитывается как один носитель и один боезаряд и тем самым «частично» входит в состав «развернутых» с точки зрения разрешенного количества боезарядов. Казалось бы, этот не самый важный вопрос все же требует своего разрешения и может оказать влияние на успех будущего соглашения. Он напрямую связан с проблемой «возвратного потенциала» - возможностью быстро нарастить количество развернутых ядерных боезарядов на стратегических и других носителях за счет наличия в хранилищах ядерных бомб и боеголовок ракет, готовых к установке на носители. Если в целях соглашения будет принят подход «развернутые-неразвернутые» ядерные боезаряды, то сторонам, скорее всего, придется вводить еще один подуровень боезарядов, находящихся «в активном резерве», что еще больше усложнит подобные переговоры.

Говорить о достижении соглашения об общем уровне ядерных боезарядов без деления их на развернутые и неразвернутые, на наш взгляд, вообще не приходится. По мнению американской стороны, такое соглашение должно быть «проверяемым», то есть сопровождаться соответствующей системой контроля. Однако такая система будет резко отличаться по отношению к тем же развернутым и неразвернутым ядерным боезарядам, к боезарядам в «активном резерве» и к находящимся на складах (в хранилищах) в ожидании отправки в войска или на завод для утилизации. Сторонам в любом случае придется вводить отдельные категории для «неразвернутых» систем как по отдельным видам (боеголовки, бомбы и проч.), так и в соответствии со стадией их жизненного цикла. Кроме того, необходимо будет выработать систему контроля над перемещением и транспортировкой ядерных боезарядов в различные пункты назначения и видами транспорта.

Приведенные выше рассуждения относятся к варианту развития событий, когда обе стороны достигли полного взаимопонимания о желательности выработать «проверяемое» соглашение о контроле над ядерными боезарядами сторон. Отметим также, что в данной статье затронута только небольшая часть проблем, которые возникнут при попытке сторон достичь названной цели. Сторонам придется преодолеть множество организационных препятствий, связанных с высокой степенью секретности в ядерной сфере, не говоря уже о массе технических вопросов. Кроме того, необходимо добиться беспрецедентного уровня доверия, которого не было даже в «лучшие времена» российско-американских отношений.

Следовательно, совершенно непонятен энтузиазм предыдущей администрации США, которая считала, что подобное соглашение можно выработать за два–три месяца. По нашей оценке, на это не хватит и двух–трех лет: ведь основные положения о контроле должны быть проверены экспериментальным путем и только затем зафиксированы «на бумаге». Скорее всего, все переговоры потребуют и более длительного срока. Заявления новой администрации США по поводу продления Договора СНВ-3 на пять лет (что, как она считает, дает достаточно времени для подготовки нового соглашения) также можно считать чрезмерно оптимистичными. В создавшихся условиях, по нашему мнению, Россия могла бы вернуться к идее замораживания ядерных арсеналов сторон в форме «политического

[2] Иногда в российской литературе к данной категории относят учения «Сноукэт», хотя это учения неядерных сил, призванных поддерживать ядерные силы, в основном учения боевой авиации Чехии и Польши.

обязательства без дополнительных условий». Соответствующее аналогичное заявление США – тот реальный максимум, на который могут рассчитывать стороны в обозримой перспективе при продвижении по пути контроля над ядерными вооружениями.

США–Китай

Перспективы второго, «китайского» направления политики контроля над ядерными вооружениями, заявленного новой администрацией США, также не вызывают особого оптимизма у значительной части экспертного сообщества. Отметим, что Россия, несмотря на все усилия предыдущей американской администрации, отказалась присоединиться к США в давлении на китайское руководство, чтобы привлечь КНР к переговорам по ядерным вооружениям. В своем выступлении в феврале 2021 г. министр иностранных дел РФ С. Лавров в очередной раз подтвердил эту позицию: «Уговаривать Китай мы никогда не будем». Он также заявил, что Россия не представляет себе многосторонние переговоры без участия в них Великобритании и Франции [Выступление Министра … 2021].

Что касается самих Соединенных Штатов, то пока неясно, какой подход они могут избрать для решения названной задачи. Администрация Д. Трампа в основном пыталась использовать «силовые» методы в своих попытках «усадить Китай за стол переговоров». США обвиняли Китай в стремлении резко нарастить свой ядерный арсенал, обрести потенциал ведения «контролируемой» ядерной войны, увеличить противосиловые возможности своих ядерных сил, нежелании раскрыть информацию о состоянии и планах развития в данной области. В Соединенных Штатах высказывались мнения, что создание дополнительных военных угроз для Китая, например угрозы развертывания американских ракет средней дальности в регионе, может сыграть свою роль в изменении позиции КНР относительно переговоров. США оказывали давление и на Россию, буквально требуя, чтобы она «заставила» КНР вступить в переговоры [*Gertz* 2020]. Некоторые эксперты предлагали и «мягкие» методы давления на Китай, включая признание за ним статуса «великой державы», открытие перспектив улучшения стратегических отношений с США на фоне переговоров по ядерным вооружениям. Делались попытки доказать, что присоединение к системе контроля над ядерными вооружениями может принести КНР серьезные выгоды военно-политического характера.

Как известно, попытки США к успеху не привели. Китай упорно отказывался не только от переговоров по контролю над ядерными вооружениями, но и от транспарентности в данной области, включая обмен данными о состоянии ядерного арсенала и даже от предоставления официальной информации по количественному составу своих ядерных сил. Руководство КНР не называло причин своего отказа, но можно предположить, что они коренятся в ядерной политике страны, складывавшейся десятилетиями, еще со времен Мао Цзэдуна. В частности, речь идет о принципе неприменения ядерного оружия первым. Скорее всего, Китаю придется от него отказаться, если он вступит на путь переговоров и раскроет полную информацию о своих ядерных силах, тем самым резко повысив их уязвимость при гипотетическом ядерном ударе [*Савельев* 2020].

Условие Китая для присоединения к переговорам неоднократно высказывали официальные представители страны – дальнейшее сокращение ядерных арсеналов РФ и США до уровня, сопоставимого с арсеналом КНР[3]. Представляется, что Китай будет и впредь придерживаться этой позиции, и вряд ли у США найдутся серьезные инструменты, коренным образом изменить сложившуюся ситуацию. Можно сделать вывод о том, что за-

[3] Другой вариант – резкое наращивание ядерного арсенала Китая до уровня России и США. Такой вариант, в принципе, не исключен, если КНР осуществит крупную программу в сфере развертывания дополнительного количества ядерных вооружений, а Россия и США продолжат сокращать ядерные арсеналы.

явленные новой администрацией США приоритеты контроля над ядерными вооружениями – как на российском, так и на китайском направлениях – пока не имеют серьезных перспектив. Подтверждение тому – наличие у России своих соображений относительно приоритетов контроля над вооружениями, во многих случаях не совпадающих с американским ви́дением проблемы.

Приоритеты России

После продления срока действия Договора СНВ-3, «совпадающих» сфер интересов в сфере контроля над вооружениями с точки зрения их приоритетов, у России и США практически не осталось. Тем не менее такое несовпадение не может служить непреодолимым препятствием к продолжению диалога и даже переговоров в сфере контроля над ядерными вооружениями с администрацией Дж. Байдена. Во всяком случае, и российская, и американская стороны такой вариант развития событий отнюдь не исключают.

Основные контуры возможной позиции России на переговорах по контролю над ядерными вооружениями были обозначены в упомянутом выше Заявлении МИД РФ от 20 октября 2020 г. и в ряде других документов, опубликованных после прихода в Белый дом новой американской администрации [Вступительное слово… 2021; Выступление Министра …2021]. В Заявлении МИД речь шла о возможности «комплексных двусторонних переговоров о будущем контроле над ракетно-ядерными вооружениями с обязательным рассмотрением всех факторов, влияющих на стратегическую стабильность» [Заявление МИД… 2020]. Впрочем, приведенная формулировка не дает полной ясности о возможной позиции РФ на переговорах. Тем более что данное заявление было «увязано» с предложением продлить срок действия СНВ-3 на один год, в течение которого предлагалось реализовать изложенную в нем позицию РФ. Поскольку вопрос о «заморозке» практически снялся с повестки дня российско-американских отношений, и СНВ-3 был продлен на пять лет без дополнительных условий, позиция РФ, по нашему мнению, в перспективе может быть в значительной мере скорректирована. Тем не менее на основе Заявления МИД, пусть и в предварительном плане, можно сделать ряд выводов.

Прежде всего, отметим, что в отличие от обозначенной ранее позиции РФ о том, что в сфере ядерного разоружения после заключения Договора СНВ-3 «дальнейшие шаги должны носить уже комплексный характер, и в ходе этого процесса должны принимать участие уже все ядерные державы…» [Владимир Путин… 2012], сейчас Россия допускает проведение и двусторонних переговоров с США. Вместе с тем не совсем понятна формулировка «переговоры о будущем контроле». Если подходить к ней «строго», то речь не идет о самих переговорах с целью выработать какое-либо конкретное соглашение, а о «переговорах о будущих переговорах». В этом случае, на наш взгляд, следовало бы говорить о двусторонних консультациях или обсуждениях их параметров.

Нет полной ясности и в формулировке «контроль над ракетно-ядерными вооружениями». В эту категорию могут быть включены как стратегические, так и тактические средства нанесения ядерного удара. Вместе с тем она не охватывает все ядерные вооружения, например, ядерные торпеды, бомбы, подводные дроны с ядерным зарядом, о которых говорил президент РФ 1 марта 2018 г. [Послание… 2018]. Следовательно, вопрос о согласии РФ на установление контроля над всеми ядерными вооружениями сторон пока остается открытым.

Не совсем понятно, какой смысл вложен в понятие «комплексные переговоры» и в чем конкретно должна проявляться эта «комплексность»? Официальная позиция страны по этим вопросам сформулирована только в самом общем виде. Все же в истории советско-американских переговоров можно найти примеры комплексного подхода к решению проблем безопасности. Так, самый первый договор в области ограничения стратегических

вооружений ОСВ-1 носил такой комплексный характер. С 1969 по 1972 г. стороны одновременно вырабатывали два соглашения – Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Оба документа были подписаны одновременно – 26 мая 1972 г. и вошли в историю под названием ОСВ-1.

Приведенный пример не единственный. Во второй половине 1980-х гг. СССР и США вели комплексные переговоры по трем направлениям – по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ), по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД) и по обороне и космосу. Советская сторона настаивала на одновременном подписании всех трех соглашений, устанавливая четкую зависимость между этими тремя «составными частями» и обращая особое внимание на необходимость достичь соглашения по обороне и космосу как условия подписания договоров по СНВ и РСМД. Изначально США приняли данное условие, в зависимость от которого ставилось и само проведение переговоров. Однако, как известно, Договор РСМД был согласован гораздо раньше, чем остальные документы. После серьезного рассмотрения руководство СССР приняло решение вывести этот договор из общего «пакета» и подписать его раньше – в 1987 г.

Через несколько лет (в 1991 г.) был согласован Договор СНВ-1, в то время как на переговорах по обороне и космосу прогресс не наблюдался. Какие-либо перспективы заключить соглашение по космическим системам ПРО и «ударным космическим вооружениям» отсутствовали. Кроме того, амбициозная программа СОИ к тому времени практически прекратила свое существование (ее заменили более скромной программой «глобальная защита против ограниченных ударов» (GPALS)). СССР в очередной раз снял «увязку» оставшихся двух частей переговорного «пакета». В то же время советская сторона заявила о необходимости сохранить Договор по ПРО как условие сокращений в рамках Договора СНВ-1.

Представляется, что никаких формальных препятствий к проведению «комплексных двусторонних переговоров» не существует. Остается только определить, из каких частей этот «комплекс» может состоять. В указанном заявлении МИД РФ выдвигает условие для будущих переговоров по «ракетно-ядерным» вооружениям. Они могут состояться только «с обязательным рассмотрением всех факторов, влияющих на стратегическую стабильность». Как и в предыдущих случаях, приведенная формулировка не дает полной ясности о том, как, по мнению РФ, должны проводиться переговоры. У любых переговоров по контролю над вооружениями существует четко выраженный предмет. В данном случае – это «ракетно-ядерные вооружения». Стратегическая стабильность в рамки подобных переговоров не укладывается. Единственная возможность – согласовать формулировку о том, что заключенное соглашение способствует укреплению стратегической стабильности и зафиксировать ее в Преамбуле будущего договора. Однако такой подход вряд ли устроит российскую сторону.

Другой вариант – настаивать на комплексном подходе к переговорам, которые бы покрывали весь спектр факторов, влияющих, по мнению РФ, на стратегическую стабильность. Здесь еще раз подчеркнем, что вышеизложенное не представляет собой конкретные предложения авторов по формулированию подходов и позиции РФ в данной сфере. Рассуждения авторов – всего лишь попытка следовать логике заявлений высшего руководства РФ по вопросам укрепления безопасности и стратегической стабильности, в том числе представленной в принятых на высшем уровне официальных документов, включая Военную доктрину и Стратегию национальной безопасности РФ (о чем говорилось выше). Из этих документов следует, что к основным факторам, влияющим на стратегическую стабильность, кроме ракетно-ядерных вооружений, относятся противоракетная оборона, стратегические высокоточные неядерные вооружения (включая средства нанесения неядерного быстрого глобального удара) и космические вооружения. Таким образом,

«комплексный» подход к переговорам может заключаться в параллельном проведении нескольких переговоров - по каждому из этих направлений под единым названием. Например, «Переговоры по ограничению (ракетно-) ядерных вооружений и укреплению стратегической стабильности».

Вероятность таких переговоров ничтожно мала, что относится, прежде всего, к трем «составным частям» факторов, влияющих на стратегическую стабильность. Тем не менее имеет смысл хотя бы в общих чертах рассмотреть некоторые аспекты наложения ограничений на названные системы вооружений с тем, чтобы оценить возможность таких переговоров если не в настоящее время, то в будущем.

Стратегические высокоточные неядерные вооружения

С точки зрения контроля, наиболее «перспективным» выглядит решение вопроса о стратегических высокоточных неядерных вооружениях. В условиях продолжения действия СНВ-3 ряд таких систем напрямую подпадает под его действие. Это, в частности, относится к замене ядерных боезарядов на неядерные на существующих МБР и БРПЛ. В других, менее ясных случаях (например, при развертывании новых типов межконтинентальных баллистических ракет на открытых позициях, что предлагалось как один из вариантов строительства системы неядерного быстрого глобального удара США) [*Мясников* 2010], вопрос может рассматриваться в Двусторонней консультативной комиссии, действующей в рамках СНВ-3. Во всяком случае, по нашему мнению, заключения отдельного договора по стратегическим неядерным вооружениям не требуется, поскольку многие ограничения таких вооружений уже учтены положениями действующего Договора СНВ-3.

Космические вооружения

Что касается вопросов контроля над вооружениями, связанными с космосом, то достижение какой-либо всеобъемлющей договоренности в данной сфере, на наш взгляд, еще более проблематично, чем соглашение в сфере тактического ядерного оружия. Имеются в виду не трудности с принятием политического решения о проведении таких переговоров, а определение самого предмета переговоров и вопросы контроля. Например, будут ли такие переговоры касаться вопросов «космических вооружений» в целом, или же идти по трем возможным направлениям: противоспутниковое оружие, оружие класса «космос-земля» и космический элемент перспективных систем ПРО.

Сторонам придется решить немаловажный вопрос о том, будет ли идти речь о «неразмещении» оружия в космосе, или о «невыводе» такого оружия в космос, и как эти два понятия должны соотноситься друг с другом. Вместе с тем говорить о том, что целью переговоров должен стать полный запрет на «космические вооружения» вообще не приходится. Не следует забывать, что многие существующие системы вооружений (например, МБР и БРПЛ) обладают потенциалом борьбы со спутниками, находящимися на орбитах.

Необходимо согласовать и вопрос о том, что именно стороны должны понимать под терминами «космические вооружения», «оружие в космосе» и рядом других понятий, включая «оружие» как таковое. Без такого согласования практически невозможно вести переговоры о каких-либо ограничениях или запретах на ту или иную деятельность, когда сам предмет переговоров четко не обозначен.

Следует также иметь в виду, что ряд таких возможных систем «космических вооружений», в отличие от ТЯО, в настоящее время практически не существуют. Речь на подобных переговорах может идти только о предотвращении (запрете) их создания или разработки. Именно здесь переговорщиков может ждать еще одна «техническая ловушка», в кото-

рую попали участники переговоров по обороне и космосу во второй половине 1980-х гг. При попытке провести четкую грань между «созданием» и «разработкой», выяснилось, что необходимо согласовать понятия об отличии «эксперимента» от «испытания», «опытного образца» от «прототипа», что такое «лаборатория» (помещение со стенами или нет), и может ли она находиться в космосе, а также множество других технических вопросов. Решение комплекса данных вопросов — крайне сложная задача. Многие из них так и остались открытыми после шести лет конкретных обсуждений на переговорах в Женеве (1985–1991 гг.). Практика подобных переговоров показывает, что избежать обсуждения технических проблем невозможно. В противном случае отсутствие ясности по отдельным аспектам будущей договоренности ведет к росту подозрительности в отношениях сторон и, как следствие, расшатывает сам заключенный договор.

Далеко не все проблемы – даже в случае политической воли сторон о вступлении в переговоры по космосу, – легко решить. Неизбежно встанет вопрос о «космических вооружениях» третьих стран, в частности Китая и ряда стран НАТО, о средствах «двойного назначения», например «уборщиках космического мусора» и спутниках обслуживания и ремонта космических аппаратов, целый ряд других. Пока нет полной ясности, возможно ли вообще согласовать все эти проблемы с чисто технической стороны?

Противоракетная оборона

Проблема ПРО для России наиболее актуальна с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Сразу после выхода США из Договора по ПРО Россия настойчиво пыталась вернуться хотя бы к каким-то ограничениям на оборонительные средства или нейтрализовать эффективность американских систем ПРО, усиливая потенциал прорыва ПРО при разработке и модернизации стратегических наступательных систем. В случае возобновления российско-американского диалога по контролю над вооружениями российская позиция в той или иной форме потребует учета оборонительных систем в стратегическом балансе сторон. Такие ограничения, как считают, будут способствовать укреплению стратегической стабильности и, как следствие, безопасности на всех уровнях противостояния – от регионального до глобального.

Договор по ПРО предполагал наложение ограничений на системы «для борьбы со стратегическими баллистическими ракетами или их элементами на траекториях полета» [Договор… 1972]. Остальные системы ПРО ограничениям не подлежали. В 1997 г. сторонам удалось согласовать конкретные характеристики систем ПРО (так называемые «Нью-Йоркские протоколы»), которые бы позволяли относить эти системы к числу «стратегических» и «нестратегических». Российская сторона рассматривала как обязательное условие вступления в силу Договора СНВ-2 укрепление режима Договора по ПРО. Несмотря на то, что формально такое «разделение» систем ПРО обе стороны официально не приняли, оно все же присутствовало в обсуждениях вопросов, связанных с последствиями развертывания ПРО США в Европе и Азии. Во всяком случае, представители США неоднократно заявляли, что «ПРО театра военных действий» в Европе «не угрожает» потенциалу сдерживания российских стратегических сил, не способна бороться с МБР и БРПЛ. Она предназначена исключительно для защиты союзников США от угрозы со стороны таких стран, как Иран и Северная Корея.

Однако ситуация с вопросом разделения систем ПРО на «стратегические» и «нестратегические» резко изменилась в ноябре 2020 г. после успешного испытания американской противоракеты SM-3 Block IIA. Она впервые сбила межконтинентальную баллистическую ракету-мишень с корабля, оснащенного противоракетной системой AEGIS [US Successfully… 2020]. Противоракеты создают в рамках совместного американо-японского проекта [*Tosaki* 2019]. Они предназначены для стрельбы из универсальных пусковых

установок Mk 41, которыми оснащают крейсеры и эсминцы США определенных классов и наземные комплексы Aegis Ashore в Польше и Румынии.

Испытание резко осложнило, если не полностью перечеркнуло, возможность какой-либо договоренности по ограничению систем ПРО России и США. У России появились все основания требовать учета систем «ПРО ТВД» в общем балансе таких вооружений сторон. Позиция России относится не только непосредственно к ракетным системам, испытанным в качестве стратегической ПРО, но и пусковым установкам безотносительно того, какую ракетную систему они содержат. Кроме того, система контроля над такими вооружениями резко осложняется, поскольку они развертываются не только на кораблях США, но и на территориях других стран. Остается предполагать, провели ли США это испытание исключительно в целях проверки технических возможностей новой противоракеты или то был сознательный шаг, направленный на ликвидацию любых перспектив достичь договоренности по контролю над оборонительными вооружениями.

* * *

Приведенный выше краткий обзор основных направлений контроля над вооружениями, которые могут способствовать укреплению доверия, стратегической стабильности и международной безопасности, показывает резкое усложнение «технической стороны» контроля. Потребуются огромные усилия сторон и значительного периода времени для согласования всех положений будущих договоренностей. Очевидно несовпадение интересов России и США относительно приоритетов контроля над вооружениями. Главное направление для США — установление контроля над всеми ядерными арсеналами сторон (включая Китай). Для России — контроль над стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (как ядерными, так и неядерными), решение проблемы «космических вооружений» и некоторые другие. В подобной ситуации, казалось бы, возможен поиск компромисса, включая проведение комплексных и взаимосвязанных переговоров по ряду направлений одновременно. России и США пришлось бы идти на взаимные уступки, характер которых мог бы определиться как в ходе самых переговоров, так еще до их начала. Однако в сложившейся ситуации обострения взаимоотношений между двумя странами вряд ли можно ожидать какого-либо прогресса в ближайшем обозримом будущем.

Сегодня контроль над вооружениями уже не может играть роль «движущей силы», способствующей улучшению международных отношений. Напротив, в такой ситуации говорить о переговорах по контролю над вооружениями вряд ли возможно, поскольку шаги в этой области требуют высокого уровня доверия между сторонами. Следует, на наш взгляд, сосредоточиться на безукоризненном исполнении всех обязательств, принятых сторонами по продленному Договору СНВ-3, используя это соглашение как «точку опоры» в отношениях между Россией и США и, не дожидаясь окончания срока его действия, попытаться продолжить движение по пути ядерного разоружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Владимир Путин провел в Сарове «круглый стол» по вопросам национальной безопасности (2012) (http:// www.1tv.ru/news/polit/199931).

Вступительное слово заместителя Министра иностранных дел С.А.Рябкова в ходе брифинга на площадке МИА «Россия Сегодня», посвященного вопросам контроля над вооружениями и стратегической стабильности. 11.02 (2021) (https://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/4570219)

Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в рамках сегмента высокого уровня Конференции по разоружению, Москва. 24.02 (2021) (https://www.mid.ru/ru/press_service/ minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/4594359).

Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, 8 апреля 2010 г. (2010) (http://www.kremlin.ru/supplement/512).

Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны 26 мая 1972 г. (1972) (https://armscontrol.ru/start/rus/docs/abm-treaty.htm).

Заявление МИД России о ситуации с продлением ДСНВ. 20.10 (2020) (https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/ content/id/4395765).

Мясников Е. (2010) О взаимосвязи стратегических ядерных и неядерных вооружений в новом договоре СНВ (http://www.armscontrol.ru/pubs/em071610.htm).

Послание Президента Федеральному Собранию 01.03. (2018) (http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957).

Савельев А. (2020) Уместно ли «на троих»? О возможных последствиях вовлечения Китая в переговоры по ядерному разоружению // Россия в глобальной политике, № 4 (июль/август) (https://globalaffairs.ru/articles/ umestno-li-na-troih/).

Саможнев А. (2020) Маневры на грани безумия. ВВС Германии отрабатывают сценарий ядерной войны // Российская Газета. 15.10 (https://rg.ru/2020/10/15/vvs-germanii-proveli-tajnye-ucheniia-na-sluchaj-iadernoj-vojny.html).

Blinken A. (2021) On the Extension of the New START Treaty with the Russian Federation // Press Statement. February 3 (https://www.state.gov/on-the-extension-of-the-new-start-treaty-with-the-russian-federation/).

Gertz B. (2020) Envoy says China is key to new arms deal with Russia. [online] // The Washington Times, May 7 (https://m.washingtontimes.com/news/ 2020/may/7/marshall-billingslea-says-new-start-fate-hangs-chi/).

New Start Treaty Mythbusters. Fact Sheet (2021) February 3. (https://www.state.gov/new-start-treaty-mythbusters/).

Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance. March (2021) (https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/ 2021/03/NSC-1v2.pdf).

Tosaki H. (2019) Nuclear arms control in a post-INF Treaty period: a chance to engage China? [online] // The Japan Institute of International Affairs. JIIA Strategic Comments (№ 9). March 19.

U.S. Successfully Conducts SM-3 Block IIA Intercept Test Against an Intercontinental Ballistic Missile Target. US Dept. of Defense. 17.11 (2020) (https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2417334/us-successfully-conducts-sm-3-block-iia-intercept-test-against-an-intercontinen/).

REFERENCES

Blinken A. (2021) On the Extension of the New START Treaty with the Russian Federation. *Press Statement*. February 3 (https://www.state.gov/on-the-extension-of-the-new-start-treaty-with-the-russian-federation/).

Dogovor mezhdu Rossijskoj Federaciej i Soedinennymi Shtatami Ameriki o merah po dalnejshemu sokrascheniju i ogranicheniju strategicheskih nastupatelnyh vooruzhenij 8 aprelja 2010. [New START (Strategic Arms Reduction Treaty)] (http://www.kremlin.ru/supplement/512).

Dogovor mezhdu Sojuzom Sovetskih Socialisticheskih Respublik i Soedinennymi Shtatami Ameriki ob ogranichenii sistem protivoraketnoj oborony 26.05.1972. [The Anti-Ballistic Missile Treaty] (https://armscontrol.ru/ start/rus/docs/abm-treaty.htm).

Gertz B. (2020) Envoy says China is key to new arms deal with Russia. [online]. *The Washington Times*, May 7 (https://m.washingtontimes.com/news/ 2020/may/7/marshall-billingslea-says-new-start-fate-hangs-chi/).

Mjasnikov E. (2010) O vzaimosvjazi strategicheskih jadernyh i nejadernyh vooruzhenij v novom dogovore SNV [The relationship between strategic nuclear and non-nuclear weapons in the new START treaty] (http://www.armscontrol. ru/pubs/em071610.htm).

New Start Treaty Mythbusters. Fact Sheet. February 3. (2021) (https://www.state.gov/new-start-treaty-mythbusters/).

Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniju. 01.03. [Speech from the President to the Federal Assembly] (2018) (http://www.kremlin.ru/events/ president/news/56957).

Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance. March. (2021) (https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/ 2021/03/NSC-1v2.pdf).

Samozhnev A. (2020) Manevry na grani bezumija. VVS Germanii otrabatyvajut scenarij jadernoj vojny [Maneuvers on the brink of insanity. The German Air Force is working on a nuclear war scenario]. *Rossijskaja Gazeta*. 15.10 (https://rg.ru/2020/10/15/vvs-germanii-proveli-tajnye-ucheniia-na-sluchaj-iadernoj-vojny.html).

Savelyev A. (2020) Umestno li «na troih» O vozmozhnyh posledstvijah vovlechenija Kitaja v peregovory po jadernomu razoruzheniju. [Is it appropriate "for three" On the possible consequences of China's involvement in nuclear disarmament negotiations] *Rossija v globalnoj politike,* no. 4 (https://globalaffairs.ru/articles/umestno-li-na-troih/).

Tosaki H. (2019) *Nuclear arms control in a post-INF Treaty period: a chance to engage China?* [online]. The Japan Institute of International Affairs. JIIA Strategic Comments (no. 9)**.** March 19.

U.S. Successfully Conducts SM-3 Block IIA Intercept Test Against an Intercontinental Ballistic Missile Target. US Dept. of Defense. 17.11 (2020) (https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2417334/us-successfully-conducts-sm-3-block-iia-intercept-test-against-an-intercontinen/).

Vystuplenie Ministra inostrannyh del Rossijskoj Federacii S.V.Lavrova v ramkah segmenta vysokogo urovnya Konferencii po razoruzheniyu, Moskva. [Russian Foreign Minister S.V. Lavrov's speech at the High-Level Segment of the Conference on Disarmament, Moscow]. 24.02 (2021) (https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/ 7OvQR5KJWVmR/content/id/4594359).

Vladimir Putin provel v Sarove «kruglyj stol» po voprosam nacionalnoj bezopasnosti [Vladimir Putin held a round table on national security in Sarov]. (2012) (http:// www.1tv.ru/news/polit/199931).

Vstupitel'noe slovo zamestitelya Ministra inostrannyh del S.A.Ryabkova v hode brifinga na ploshchadke MIA «Rossiya Segodnya», posvyashchyonnogo voprosam kontrolya nad vooruzheniyami i strategicheskoj stabil'nosti. [The opening remarks of Deputy Foreign Minister S.A. Ryabkov during a briefing at the MIA "Russia Today" site on arms control and strategic stability]. 11.02 (2021) (https://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/ O3publba0Cjv/content/id/4570219).

Zajavlenie MID Rossii o situacii s prodleniem DSNV, 20.10. [Statement of the Russian Foreign Ministry on the situation with the extension of the START Treaty] (2020) (https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ cKNonkJE02Bw/content/id/4395765).

Информация об авторах

Савельев Александр Георгиевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: saveliev@imemo.ru

Нарышкина Ольга Михайловна, старший преподаватель кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, 119234. E-mail: olga.alexandria@gmail.com

About the authors

Alexander G. Savelyev, Doctor of Science (Political Sciences), Chief Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: saveliev@imemo.ru

Olga M. Naryshkina, Senior Tutor, Department of International Security, Faculty of World Politics, Moscow State University. Address: Leninskie Gory, 1-51, Moscow, 119234. E-mail: olga.alexandria@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 01.03.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 26.03.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 2. С. 21–35
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 2, pp. 21–35

DOI: 10.31857/S086904990014436-1

ПОСТCOVID-19: ИННОВАЦИИ И РИСКИ
POSTCOVID-19: INNOVATION AND RISKS

Оригинальная статья / Original Article

Влияние последствий пандемии COVID-19 на мировую экономику и инновационное развитие

© З.А. МАМЕДЬЯРОВ

Мамедьяров Заур Аязович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), mamedyarov@imemo.ru

Усложнение торгово-производственных цепочек последних десятилетий актуализировало дискуссию об их излишней длине и возникновении новых рисков для стран. Тенденции противоречивы: с одной стороны, наблюдается все бóльшая цифровизация мировой экономики, с другой – снижение открытости торговли. В работе исследованы основные пути воздействия кризиса, вызванного COVID-19, на инновационные процессы в контексте цифровизации. Показано, что мировая торговля восстановилась быстрее самых оптимистичных ожиданий. Информационно-коммуникационные технологии получили импульс мирового масштаба, превзойдя усилия отдельных корпораций по изменению регуляторного ландшафта экономики, что способствовало вынужденному ускорению цифровизации. Вместе с тем замедлению глобализации не сопутствует снижение инновационной активности – в мировой экономике происходит структурная трансформация, вызванная накопленным в 2010-е гг. потенциалом информационных технологий. В перспективе ожидается усиление связности в рамках локальных региональных торгово-экономических объединений. Новый этап глобализации неоднороден по своему воздействию на страны и отрасли. Усиление торгового противостояния и потенциал для решоринга слабо заметен даже в самых наукоемких отраслях, становясь предметом торга при развитии перспективных прорывных технологий и формировании новых отраслей.

Ключевые слова: глобализация, решоринг, мировая торговля, инновации, высокотехнологичные компании, хайтек.

Для цитирования: Мамедьяров З.А. (2021) Влияние последствий пандемии COVID-19 на мировую экономику и инновационное развитие // Общественные науки и современность. № 2. С. 21–35. DOI: 10.31857/S086904990014436-1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021, № 2, С. 21–35
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 2, pp. 21–35

The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Global Economy and Innovative Development

© Z.A. MAMEDYAROV

Zaur A. Mamedyarov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), mamedyarov@imemo.ru

Abstract. The increasing complexity of trade and production chains in recent decades has brought the debate about their excessive length and the emergence of new risks for countries into focus. There are contradictory trends: on the one hand, the increasing digitalization of the global economy, on the other hand, the reduction of trade openness. The paper investigates the main ways of influence of the crisis caused by COVID-19 on the world innovation processes and globalization, and shows that world trade has recovered faster than the most optimistic expectations, presented in the acute phase of the crisis, and information and communication technologies have received a global impulse, surpassing the efforts of individual corporations to change the regulatory landscape of the world economy, which can further accelerate digitalization of the world economy. At the same time, the slowdown of globalization is not accompanied by a decline in innovation activity - the world economy is undergoing a structural transformation caused by the potential of information technology accumulated in the 2010s, and in the future, it is expected to increase connectivity within local regional trade and economic associations. The new stage of globalization is completely heterogeneous in its impact on countries and industries, the strengthening of trade confrontation and the potential for re-shoring is weakly visible even in the most knowledge-intensive industries, and becomes a bargaining chip in the development of promising breakthrough technologies and the formation of new industries. The advantage of multinational companies to develop innovations is reduced, the barrier to market entry for small innovative groups is reduced, and the role of state systems to support science is also reduced - increasingly these functions are taken over by the largest high-tech companies investing in research and development, university and independent scientific groups around the world.

Keywords: globalization, re-shoring, global trade, innovation, high-tech companies, high-tech

For Citation: Mamedyarov Z. (2021) The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Global Economy and Innovative Development *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 2, pp. 21–35. DOI: 10.31857/S086904990014436-1 (In Russ.).

Пандемия COVID-19 актуализировала дискуссию о замедлении мировой экономической интеграции, международной торговли и частично таких основ инновационного развития, как трансферт технологий, деятельность высокотехнологичных транснациональных компаний, прямых иностранных инвестиций в науку и инновации [*Wang, Sun* 2020; *Хейфец, Чернова* 2020; *Феофанов* 2020; *Reinhart, Reinhart* 2020]. Все больше экспертов и государственных регуляторов сходятся в том, что глобализирующиеся в последние десятилетия производственные цепочки чрезмерно удлинились, создав качественно новые риски для стратегической стабильности стран [*Razin* 2020]. Произошло выделение отраслей, в которых за счет глобализации резко выросла инновационная конкуренция, участились нарушения режима охраны интеллектуальной собственности. Причем это имело место не только из-за межгосударственной конкуренции, но и в силу специфики современных высоких технологий – в частности, из-за низкого режима присвоения (*appropriability regime*)[1] информационно-коммуникационных технологий, упростивших трансферты при усложнении возможности защиты технологических новаций [*Holgersson* et al., 2018].

[1] То есть возможностей для компаний удерживать интеллектуальную собственность длительное время, максимизируя ее коммерциализацию.

Инновационное развитие еще до пандемии все чаще начали связывать с реиндустриализацией развитых стран, например, за счет возврата производств из развивающихся стран в развитые (решоринг) (*Кондратьев*, 2018). О возможном росте влияния национальной промышленной политики и неопределенностей её последствий в связи с пандемией писал в том числе Д. Родрик [*Aiginger, Rodrik* 2020]. Соответственно, основной вопрос в мировом инновационном развитии после пандемии – перспектива усиления протекционизма: в каких направлениях, отраслях и объемах он будет происходить и какие группы стран/компаний/отраслей окажутся в большей и меньшей степени затронуты им. Исследователи, рассматривая тенденции, часто не учитывают специфику современных технологий, в первую очередь информационно-коммуникационных. Оценки показывают, что для преодоления последствий кризиса потребуется существенное наращивание темпов глобализации [*Contractor* 2021]. Сфера ИКТ при этом будет занимать ведущее место, оставаясь основным источником структурной трансформации экономики. Из данных компаний DHL следует [*Altman, Bastian* 2020], что в последние пять лет — и 2020 г. не стал исключением — медленно увеличивается средняя длина цепочек поставок, что ставит под сомнение окончательный уход от глобализации.

На фоне пандемии важным вопросом национальной безопасности стала сфера здравоохранения – в отношении поставок медицинского оборудования, продуктов питания, где назрела необходимость самообеспечения. Рост цифровых компаний и технологий, в том числе в здравоохранении и фармацевтике, настолько высок, что возможно говорить о цифровизации [*Schilirò* 2020; *Abay*, *Tafere*, *Woldemichael* 2020] как основном направлении глобализации.

О замедлении глобализации

Начавшаяся в первом квартале 2020 г. пандемия нового коронавируса привела к масштабному экономическому кризису, отличному от большинства других кризисов последнего столетия, в том числе от кризиса 2008–2009 гг. Пандемия (после решений государств и регуляторов об ограничениях для компаний и граждан) во многих странах привела к рецессии, фактически закрыв на некоторое время крупнейший по объему в развитых странах сектор услуг. Снижение в этот период мобильности населения также оказывает долгосрочное сдерживающее влияние на экономику. С учетом растянувшейся массовой вакцинации те или иные ограничения по миру могут сохраняться до 2022 г., а негативный эффект от них на такие отрасли, как авиастроение и туризм, – еще дольше.

Одновременно пандемия подстегнула и так высокую в последние два десятилетия инновационную активность в двух ведущих наукоемких отраслях мировой экономики — фармацевтике и информационно-коммуникационных технологиях. Противоречивые тенденции наблюдаются на фоне высокой неопределенности в международных торгово-экономических соглашениях, торгового и политического противостояния США и Китая. Высока волатильность на сырьевых и товарных рынках, перегрузка в секторе контейнерных перевозок, задержка поставок товаров первой необходимости. Принципиальным вопросом становится готовность и возможность наиболее технологически развитых стран к искусственному разрыву сложившихся в «золотой период» глобализации 1990–2005 гг. цепочек поставок с целью: а) повысить устойчивость транснациональных компаний и б) не допустить нежелательных технологических трансферов.

Страны на фоне пандемии в основном прибегли к различным формам прямой помощи населению и наращиванию долговых обязательств для поддержки спроса. Однако кризис существенно сместил инвестиционные приоритеты транснациональных компаний

и обнажил чрезмерную зависимость компаний и государств от глобальных цепочек создания стоимости. В первую очередь это касается поставок, в которых доминирует Китай, даже когда речь идет о товарах первой необходимости, таких как медикаменты. В результате ряд исследователей предсказали усиленное отступление от глобализации к решорингу, возвращению компаний на свои рынки сбыта [*Sułkowski* 2020]. Как в ЕС, так и в США признали необходимость скорейшего повышения устойчивости разнообразных цепочек поставок.

Тем не менее к концу 2020 г., на фоне антирекордов заболеваемости и новых локдаунов в ЕС и по всему миру, мировая торговля резко возросла, возвращаясь к докризисным показателям. Источником роста во многом снова стал Китай, продукция которого (от медицинских масок до защитной одежды и химикатов) оказалась востребована повсеместно в еще больших объемах. Оживление мировой торговли превзошло даже самые оптимистичные ранние прогнозы. В марте и апреле 2020 г. торговля товарами падала сильнее, чем во время Великой депрессии и Мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Однако в июне она вновь начала расти, к ноябрю вернувшись на докризисный уровень. Несмотря на то, что, по прогнозам Всемирной торговой организации (WTO), в первые месяцы пандемии падение мировой торговли должно было превысить 30%, к концу года реальное падение составило около 9% – существенно меньше показателей кризиса 2008–2009 гг. [Coronavirus: How the pandemic… 2021].

На рисунке 1 показана поквартальная динамика мирового экспорта и импорта товаров. Уже в третьем квартале 2020 г. наблюдался существенный восстановительный рост, причем его составляющими стал как Китай, экономика которого относительно слабо пострадала от пандемии, так и США вместе с ЕС.

В таблице представлена более подробная статистика экспорта товаров из ведущих стран мира. Во-первых, заметно стремительное восстановление Китая, который к концу 2020 г. на фоне второй волны пандемии существенно нарастил показатели экспорта в сравнении с концом докризисного 2019 г. Относительно успешный восстановительный рост продемонстрировали также Япония и страны ЕС, в частности Германия. США начали приближаться к докризисным показателям только к первому кварталу 2021 г. Отдельно в таблице приведены данные по России, чей экспорт сильно пострадал из-за кризиса. Сектор услуг, особенно в развитых странах, понес еще больший ущерб. Восстановительная динамика по нему в целом демонстрирует тот же паттерн. Труднее всего из крупнейших стран восстанавливается экономика США.

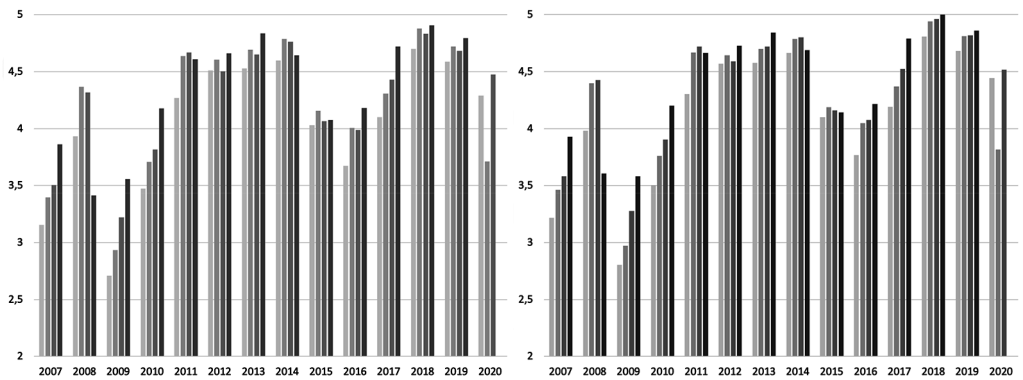

Рис. 1. Объемы поквартального мирового экспорта (слева) и импорта (справа) товаров, 2007–2020 гг. (в трлн долл.).

Источник: по данным WTO: Trade and tariff data.

Таблица

Ежемесячные объемы экспорта товаров ряда стран, изменение год к году (2019–2020 гг.)

	Китай		США		Япония		ЕС		Германия		Россия	
	2019, млрд долл.	2020, %	2019, млрд долл.	2020, %	2019, млрд долл.	2020, %	2019, млрд долл.	2020, %	2019, млрд долл.	2020, %	2019, млрд долл.	2020, %
январь	218	*	130	-0,5	51	-2,8	484	-2,6	125	-4,7	31	-0,9
февраль	135	*	130	1,7	58	-0,6	477	-2,8	124	-3,6	35	-17,4
март	198	-6,9	148	-9,4	65	-8,9	518	-9,9	134	-9,8	37	-19,0
апрель	194	3,1	135	-29,0	60	-19,1	486	-33,5	124	-33,6	37	-31,9
май	214	-3,5	142	-36,3	53	-26,4	509	-30,3	128	-31,7	32	-35,2
июнь	212	0,2	138	-23,8	61	-25,8	477	-8,0	120	-9,8	32	-24,3
июль	222	6,8	133	-15,2	61	-18,0	504	-7,2	129	-9,0	33	-26,5
август	215	9,1	138	-14,7	58	-14,6	423	-2,9	113	-4,5	34	-32,6
сентябрь	218	9,4	134	-9,5	59	-3,2	483	5,3	126	3,1	36	-13,3
октябрь	213	10,9	142	-6,9	61	2,6	529	-0,5	133	-0,2	37	-23,8
ноябрь	221	20,6	137	-7,2	59	-0,1	491	7,0	125	5,9	36	-16,9
декабрь	239	18,1	135	-2,0	60	7,2	443	12,6	109	12,5	40	-10,4

Источник: по данным WTO: Trade and tariff data.

Успешный восстановительный рост, особенно в крупных странах ЕС, снизил остроту дискуссии относительно необходимости возврата производств — под ним понимают преимущественно перенос производств товаров и комплектующих из Азиатско-Тихоокеанского региона обратно в развитые страны. В качестве примера рассмотрим регулирование фармацевтической отрасли ЕС. На фоне пандемии во втором полугодии 2020 г. для отрасли была выпущена новая общеевропейская стратегия развития [European Commission 2020]. В ней не нашлось места для анонсированных еще в первые месяцы кризиса шагов по переводу производств активных фармацевтических субстанций (АФС) и других чувствительных элементов торговых цепочек из Китая и Индии на территорию ЕС. Законодатели ограничились обозначением необходимости повышения устойчивости цепочек поставок, то есть роста конкуренции на локальном уровне в зависимости от нужд каждой конкретной компании. Причина в том, что искусственная перестройка сложившихся за десятилетия цепочек неизбежно увеличивает издержки для компаний. Впрочем ни в ЕС, ни в других развитых странах нет консенсуса относительно того, что решоринг в конечном счете будет полезен для местных компаний и ускорит темпы экономического роста. Более того, специфика кризиса состоит в том, что проблемы в первую очередь были связаны с искусственным ограничением на стороне предложения (и, прежде всего, в сфере услуг), а будущие кризисы могут быть совершенно иными.

Процесс повышения конкуренции в цепочках поставок, снижения зависимости транснациональных компаний уже шел все последние годы, проявившись в том числе в торговом противостоянии США и Китая. Наиболее острая конкуренция была заметна в инновационной сфере – в обозначенной выше фармотрасли, а также в сегменте информационно-коммуникационных технологий, новых материалах, кибербезопасности, военно-промышленном комплексе и космических технологиях. В отраслях, где роль интеллектуальной собственности не столь высока, процесс глобализации подвержен меньшим рискам. Основой функционирования глобальных компаний остается, во-первых, снижение издержек, использование эффектов масштаба; во-вторых, стремление к максимизации собственной акционерной стоимости. В сложившейся парадигме расширение рынков сбыта и повы-

шение связности торговли остается в приоритете перед возможными (в среднесрочной перспективе, а скорее — в отдаленном будущем) социально-экономическими плюсами от решоринга. Решоринг *per se*, вполне вероятно, снижает гибкость и инновационную активность при одновременном увеличении издержек для компаний: в случае новых кризисов сеть поставщиков, охватывающая разные страны, окажется более устойчива, чем корпорация, замкнутая исключительно на внутренний рынок.

Важно учитывать роль цифровых технологий в торговле и стоимостных цепочках, которые быстро меняются под влиянием инноваций. Прежде всего, цифровые технологии снижают многие барьеры для вовлечения новых компаний в стоимостные цепочки. Цифровые платформы, подобные Amazon, облегчают доступ продавца к покупателю. Расширение доступа к мобильному интернету, электронной торговле может способствовать увеличению участия относительно небольших и даже экономически малоактивных компаний в стоимостных цепочках. Технологии повышают эффективность управления запасами и логистикой в целом, воздействуя и на производственные цепочки. Дальнейшее развитие информационных систем — с помощью технологий верификации, криптографии, больших данных, блокчейна и т.д. — только ускорят вовлеченность компаний в стоимостные цепочки и их усложнение. Однако, как и с технологиями широкого применения, реализация их потенциала может занять несколько десятилетий.

Обратной стороной цифровых платформ, несмотря на их огромный потенциал в плане повышения эффективности международной торговли, может стать их влияние на рост рыночной концентрации (степени, в которой производство товара или услуги контролируют его крупнейшие производители: уровень концентрации тем выше, чем меньше продавцов представлено на рынке) — во многом за счет рейтинговых систем, внедренных в эти платформы. Продавцы с наиболее высоким рейтингом могут получать дополнительное преимущество. Крупные покупатели имеют больше информации и о потенциальных поставщиках, особенно в развивающихся странах. Вызывая между ними дополнительную ценовую конкуренцию, они получают тем самым рыночное преимущество. Кроме того, цифровые платформы накапливают огромные объемы информации о пользователях. Безусловно, это дает им возможности использовать ее в своих интересах, открывая путь к злоупотреблению рыночной властью. Соответственно, неопределенность в ответе регуляторов на эти процессы и перспектива новых торговых противостояний останутся главными факторами замедления глобализации в некоторых сегментах мировой экономики.

Развитие высокотехнологичных отраслей

Исследования показателя открытости торговли (как отношение суммы мирового экспорта и импорта к мировому ВВП) показывают: в таком измерении замедление глобализации за последние 150 лет наблюдалось лишь дважды — во время Второй мировой войны и в продолжающемся по настоящее время периоде с 2008 г. Следует при этом учесть, что до 2008 г. экономическая интеграция шла беспрецедентно высокими темпами [*Swadźba* 2020; *Irwin* 2020]. Во всех исторических периодах этому способствовали инновации — от первых паровых двигателей и электричества до ставших к концу XX в. основой мировой торговли суперконтейнеров и супертанкеров, возвышения роли Китая и Индии. Активное развитие информационно-коммуникационных технологий в последние 30 лет также способствовало перестройке мировой торговли. В 2010-е гг. активизировалось развитие технологий искусственного интеллекта. Интернет и мобильные системы коммуникаций распространились фактически по всему миру, приблизив этот рост к насыщению. Проекты международных экономических и торговых соглашений между крупнейшими центрами – США, ЕС, Японией и Китаем – не удались. Вследствие дальнейшего торгового противостояния США и Китая, а также переориентации экономики

Китая на внутренний рынок еще до пандемии, существенно замедлилась мировая торговля и глобализация.

Вместе с тем продолжилось интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, накапливающих потенциал для масштабной перестройки всей мировой экономики с вовлечением в цифровизацию средне- и низкотехнологичных отраслей (вплоть до сельского хозяйства). В связи с этим можно говорить об изменении природы глобализации, а текущий этап понимать как подготовку к дальнейшему усложнению сети взаимодействий между странами. В основном это происходит именно из-за достижений в сфере ИКТ, потенциал которых значительно опередил как регуляторные, так и экономические аспекты большинства сложившихся в мировой экономике отраслей. Возникают и новые отрасли, объединенные под общим термином «цифровая экономика», введенным в научную литературу Д. Тапскоттом [*Tapscott* et al. 2014]. Не все ученые согласны с его подходом к выделению цифровой экономики как совокупности отраслей, трансформировавшихся или появившихся под воздействием цифровых технологий (см. [*Циренщиков* 2019]). Однако в последние годы процессы цифровизации затрагивают все большее количество экономических процессов, что позволяет говорить о существенно новых принципах экономической деятельности. В частности, исследователи ИНП РАН показали вынужденно ускоренный рост цифровой экономики в 2020 г. [*Ганичев, Кошовец* 2021].

Прозрачность границ, товаров, услуг, компетенций и технологических секретов, вызванная сложившимся в 2010-е гг. единым мировым информационным пространством, стала основой для опасений по поводу утраты экономического суверенитета и отхода от принципов свободной торговли [*Emmenegger, Häusermann, Walter* 2018; *Hackenbroich* et al. 2020]. Тем не менее следует подчеркнуть два нюанса, связанные с этой ситуацией.

Во-первых, инновационное развитие в последние десятилетия явно демонстрировало тренд большей зависимости от работы крупных частных компаний и международной кооперации. На принципах обмена информацией между различными логистическими, производственными и интеллектуальными центрами основан успех ведущих наукоемких корпораций в самых разных отраслях [*Зайцев* 2018]. Налицо также созависимость как отраслей, так и самих корпораций из-за использования сквозных технологий – разных форм программного обеспечения и средств коммуникаций. Таким образом, разрыв сложившихся информационных каналов и последующее ослабление крупнейших наукоемких ТНК способно снизить их совокупные расходы на исследования и разработки, увеличить издержки для потребителей наукоемких товаров и услуг, что замедлит цифровизацию.

Во-вторых, новейшие информационные технологии принципиально отличаются от первичных средств автоматизации, распространявшихся в последние десятилетия прошлого века. Основой этих технологий становятся данные – важно как их количество, разнообразие, так и имеющиеся аппаратные и программные мощности для работы с ними [*Варнавский* 2019]. За счет сбора данных миллиардов пользователей крупнейшие ИКТ-корпорации смогли развить собственные технологии. В результате появились возможности применять их за рамками изначального ограниченного функционала. Например, алгоритмы распознавания миллиардов лиц, открыто выложенных в социальных сетях, можно применять повсеместно, в том числе для распознавания движущихся объектов и разработки беспилотного транспорта. Колоссальные возможности таких алгоритмов и их перспективных аналогов еще сильнее затрудняют контроль над этими технологиями, в том числе трансграничный.

Полноценное внедрение искусственного интеллекта едва ли состоится без существенной перестройки всей мировой экономики – от ее регуляторных механизмов до финансовой системы. Такой прогресс в ИКТ стал реальностью во многом из-за укрупнения ИКТ-корпораций, то есть монопольных тенденций, с середины 2010-х гг. вызывающих все большую озабоченность в ЕС и США. Однако даже для такой масштабной отрасли

перестроить всю мировую экономику крайне сложно – необходимы факторы еще большего порядка. Одним из них стала пандемия COVID-19, которая привела к беспрецедентному росту ИКТ-сектора. С точки зрения мирового инновационного развития вместе с масштабными инвестициями в биотехнологии и фармацевтические исследования это можно расценивать как главный итог пандемии.

Если до начала пандемии наблюдались признаки замедления информационных потоков, то в 2020 г. стремительно возросли интернет-трафик и телефония. С середины 2019 г. к середине 2020 г. международный интернет-трафик возрос на 48%. По итогам 2020 г., по данным компании TeleGeography, объем международного интернет-трафика увеличился на 35%. Фактически в период 2019–2020 гг. пропускная способность Интернета возросла с 450 Тбит/с до более 600 Тбит/с – выше, чем за предыдущие пять лет в совокупности. Дополнительный импульс к росту ИКТ, вероятно, сохранится в ближайшие годы [*Baldino* 2021].

Ускоренная цифровизация мировой экономики стимулирует переход к сетевым формам организации экономических акторов (см. рис. 2). Данный процесс разнонаправлен – в одних секторах и сегментах бизнеса могут формироваться центробежные тенденции, тогда как в других взаимосвязность систем повышается. Особенность ИКТ заключается как раз в их сетевом характере, и для полноценного их внедрения необходимо многообразие источников данных, центров их анализа и передачи (распределенность сети).

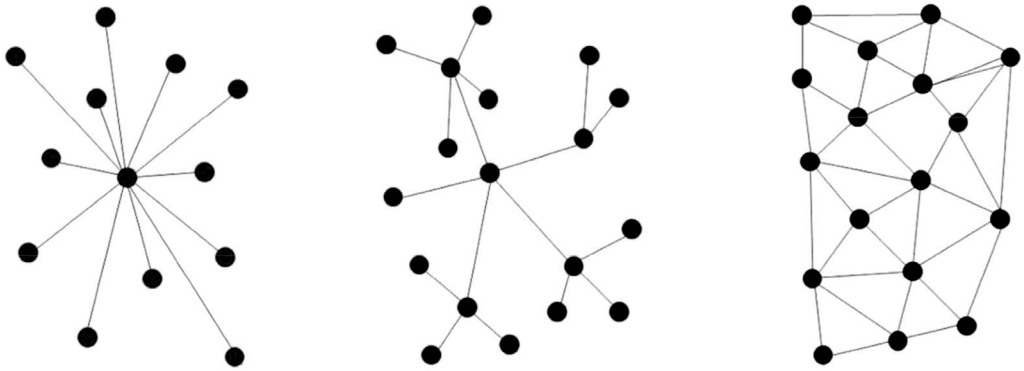

Рис. 2. Различные топологии сети (составлено автором).

Пандемия привела к ускоренному вовлечению в аналитику государственных органов, решив проблему отсутствия необходимого целеполагания к анализу данных, а также огромных массивов пользовательских данных, которые ранее не собирали систематизированно. На новом этапе следует ожидать усиления вовлеченности госсектора во внедрение искусственного интеллекта. Поскольку для успешности этого процесса необходимы регуляторные изменения, то в долгосрочной перспективе именно COVID-19 послужит первым импульсом к ускорению цифровизации в мировом масштабе – на государственном уровне.

Пандемия также подстегнула креативность и инновационный потенциал бизнеса. В разгар пандемии компании по всему миру разрабатывали инновационные продукты, предназначенные, в частности, для снижения риска распространения заболевания. В Китае были созданы роботы для доставки лекарств, питания, для сбора постельного белья и мусора в больницах [*D'Onfro* 2020]. Компания JD, специализирующаяся на онлайн-торговле, начала использовать дроны для доставки посылок и распыления дезинфицирующих средств [*Kidron* 2020]. Были разработаны шлемы для выявления людей с повышенной температурой в радиусе пяти метров [Mail Online 2020]. Отрасли, традиционно сконцентрированные в «офлайне», – например, традиционное образова-

ние, культура и искусство — также проявляли креативность и инновационный подход, используя при этом различные ИТ-решения.

Резко возросший спрос на ИТ, широкое использование робототехники, искусственного интеллекта и автоматизации подвергло испытанию регуляторные органы многих стран. Состоялось множество дискуссий о степени этичности использования технологий температурной скрининга и отслеживания местоположения людей. С одной стороны, такое давление на регуляторные органы привело к серьезным вызовам. С другой – появились возможности для экспериментов и креативного подхода ответственных за принятие регуляторных решений.

Что касается социально-экономического развития, то его рост и внедрение цифровых технологий сокращает транзакционные издержки для населения и предприятий. В странах со значительным сокращением численности рабочей силы их внедрение на госуровне неизбежно. Вместе с тем без развития промышленной базы, производств и в условиях сжимающейся доли сектора услуг в экономике (особо остро заметно в России) цифровые сервисы не могут решить задачу повышения темпов экономического роста. Неизбежно возникают и проблемы дублирования нецифровых услуг цифровыми, подготовки и обучения кадров, умеющих работать с новыми системами, а также вопросы, связанные с утечками персональных данных.

Система поддержки инноваций в фармацевтической отрасли и сфере здравоохранения в условиях COVID-19 серьезно отличается от системы докризисного периода. Государственный сектор поддерживал тогда преимущественно фундаментальные исследования, а прикладные исследования, испытания и разработки проводили в первую очередь компании. В связи с этим остро стоит вопрос: модель поддержки инноваций в эпоху пандемии актуальна только во время кризиса или же инновационная политика после его завершения может включать в себя некоторые ее элементы при COVID-19? Применение «коронакризисных» методов поддержки инноваций после пандемии означало бы более широкое государственное финансирование исследований на поздних стадиях, клинических испытаний, разработок и производства фармацевтической продукции. Однако есть опасения, что государственное финансирование прикладных исследований будет идти за счет расходов на фундаментальные. В качестве аргумента против этого приводится тот факт, что своевременный ответ на пандемию и ускоренная разработка вакцин были бы невозможны без предшествовавших им многих лет фундаментальных исследований [*Sampat, Shadlen* 2021].

«Большие вызовы» и наука

В условиях повсеместной цифровизации с вовлечением в этот процесс госсектора в связке с бизнесом роль государства в стимулировании инноваций меняется. Массовый запуск многомиллиардных коронавирус-ориентированных биотех- и ИКТ-проектов в 2020 г. показал, что государства продолжают создавать запрос на решение мегазадач, больших вызовов [*Driebusch* 2020; ИСИЭЗ НИУ ВШЭ 2021]. Все более значимое место в промышленной и инновационной политике в последние годы занимает концепция «больших вызовов» [*Aiginger, Rodrik* 2020, p. 199]. Большие вызовы концептуально представляют собой фундаментальные, глобальные и социально значимые проблемы, часто носящие междисциплинарный научный характер и связанные с экологией, устойчивым развитием, безопасностью и т. д. Характерная их особенность – и это отмечено в соответствующих доктринах, программах/стратегиях научно-технологического развития стран – транснациональные механизмы их преодоления, необходимость международной научной кооперации и общемировой характер вызовов [Указ Президента Российской Федерации 2016].

Решение проблем, таких как изменения климата, контроль миграционных потоков, этические аспекты цифровизации, требует скоординированных действий многих стран. Подходы к определению больших вызовов ориентируются в основном на международный консенсус относительно важнейших угроз устойчивого развития экономики и обществ в текущем столетии.

Задачи по преодолению «больших вызовов» ставят перед собой как транснациональные и некоммерческие организации, так и политические акторы в ведущих экономиках. Пандемия 2020 г. показала, что некоторые угрозы остаются относительно недооцененными. Основной приоритет политики в последние годы был отдан проблеме климатических изменений и экологии. Неожиданное наступление пандемии сместило фокус в сторону устойчивости систем здравоохранения, повышения эффективности производства и распределения фармацевтической продукции, биотехнологических разработок и т.п. Еще одним вызовом стало ускоренное (форсированное) внедрение цифровых технологий в повседневность, включая проблемы онлайн-образования.

В подходах к составлению списков «больших вызовов» в стратегиях различных стран можно выделить следующие критерии [Указ Президента Российской Федерации 2016; The Grand Challenge missions 2021; *Hamann* et al. 2020]:

– сложность рассматриваемого феномена или проблемы;
– высокий уровень неопределенности;
– высокий уровень ожидаемого воздействия проблемы / технологии на общество;
– уровень локального и глобального воздействия;
– дихотомия «ожидаемый желательный или нежелательный эффект».

В то же время наступление пандемии выявило хрупкость систем приоритизации научно-технологического развития в современном мире. Вероятно, это указывает на необходимость разработать более гибкие системы определения важнейших направлений науки и инноваций, отвечающих современным потребностям. Необходимо повысить эффективность финансирования инновационной деятельности и растущей конкуренции в сфере науки и инноваций, что можно наблюдать, например, в возникшей во время пандемии «гонке вакцин».

На фоне растущей озабоченности все большего количества стран проблемой «больших вызовов» снижаются в постоянных ценах государственные затраты на науку и инновации – от нано- и биотехнологий и до материаловедения и когнитивных наук (особенно отчетливо это проявляется в США). Возрастает значимость частных компаний и некоммерческих организаций, в том числе транснациональных. Именно они захватывают повестку приоритетных вызовов научно-технологического развития. Наука, очевидно, выходит за пределы исключительно исследовательских и образовательных учреждений. Во многом благодаря цифровизации экономики растет значимость «открытой» науки, что также представляет серьезный вызов, подрывающий основу приоритизации научно-технологических проблем (с точки зрения научно-технической политики и эффективного управления наукой в целом).

* * *

Пандемия COVID-19 не разорвала основные международные потоки — уже к концу 2020 г. наблюдалось быстрое восстановление торговли как товарами, так и услугами. Стремительно возрос международный интернет-трафик и телефония, наблюдалась усиленная глобализация в сфере информационно-коммуникационных технологий. С начала торгового противостояния США и Китая проявились зоны усиленной конкуренции в ряде отраслей мировой экономики, однако компании и технологии обеих стран остаются

сильно взаимосвязанными. Доля Китая в американской торговле резко возросла во время пандемии, и американские транснациональные корпорации продолжают инвестировать в Китай. Перестройка цепочек поставок и локальный решоринг происходят с учетом сохраняющейся парадигмы минимизации издержек операционной деятельности транснациональных компаний. Наиболее остро они проявляются только в самых стратегически чувствительных высокотехнологичных отраслях, зависящих от режима сохранения интеллектуальной собственности. В частности, некоторые виды ИКТ, биотехнологии, искусственный интеллект, связь 5G.

В 2020 г. многие страны предприняли шаги по открытию рынков. В ноябре было подписано Региональное всестороннее экономическое партнерство (РВЭП), призванное упростить торговлю на пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Вступило в силу Соглашение между США, Мексикой и Канадой (USMCA), которое заменило Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA). С 1 января 2021 г. началась торговля в рамках Африканского континентального соглашения о свободной торговле (АфКФТА). Важнейшим элементом глобализации последнего десятилетия стала трансграничная передача знаний, технологий и компетенций (в том числе мобильность высококвалифицированных кадров).

Мировая торговля товарами и услугами с 2008 г. возросла всего чуть более чем на 60%, а объем прямых иностранных инвестиций сократился почти на 50% по сравнению с пиком 2007 г. Однако трансферт технологий и знаний продолжает расти: этот процесс уже вышел за рамки деятельности транснациональных компаний, все большее значение приобретает открытая наука, международные стартапы, в основе которых лежат компетенции команд разработчиков со всего мира.

Преимущества транснациональных компаний для развития инноваций таким образом сокращаются, барьер для входа на рынок небольших инновационных групп снижается, уменьшается и роль государственных систем поддержки науки. Данные функции все больше принимают на себя крупнейшие высокотехнологичные компании, инвестирующие в исследования и разработки, в университетские и независимые научные группы по всему миру. Высокая усложненность процесса и инновационная конкуренция не столько переводят глобализацию из состояния распределенной сети (когда между большинством элементов группы есть связи с остальными) к централизованной, сколько к состоянию хаба, когда выделены локальные центры с высокосвязными сетями вокруг них. В итоге в одних направлениях глобализация продолжит развиваться ускоренно, тогда как в других будут возникать новые барьеры.

Инновационный процесс, как и глобализационный, по всей видимости, будет дробиться между несколькими региональными центрами. Цель – поддержать высокие темпы в локальном масштабе, пока результаты этого процесса (вероятно, связанные с уже следующим этапом цифровой революции) не приведут к новому витку ускоренной глобализации, уже в общемировом масштабе. Неизбежно и возникновение новых форм конкуренции — например, битва стандартов перспективных видов связи, регуляторных подходов к работе искусственного интеллекта, внедрению беспилотного транспорта и т.д. Задачи очень сложны и содержат внутренне-противоречивые требования к реформе существующих отраслей. В масштабе всей мировой экономики их развитие может оказаться медленнее, чем локально-региональное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варнавский В.Г. (2019) Глобализация и структурные сдвиги в мировом производстве // Мировая экономика и международные отношения. № 1(63). С. 25–33.

Ганичев Н.А., Кошовец О.Б. (2021) Принуждение к цифровой экономике: как изменится структура цифровых рынков под влиянием пандемии COVID-19 // Проблемы прогнозирования. № 1 (184). С. 11–22.

Зайцев С.Ю. (2018) Транснациональные корпорации как агенты глобализации // Общество: политика, экономика, право. № 1. С. 15–19.

Кондратьев В.Б. (2017) Решоринг как форма реиндустриализации //Мировая экономика и международные отношения. № 61(9). С. 54–65.

ИСИЭЗ НИУ ВШЭ (2021) Сектор ИКТ выработал иммунитет к COVID-перегрузкам (https://issek.hse.ru/news/446639217.html).

Указ Президента Российской Федерации (2016) О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449).

Феофанов К.А. (2020) Тенденции международного развития в условиях пандемии // Социально-гуманитарные знания. №6. С. 7–21.

Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. (2020) Новый глобальный экономический кризис: как изменится глобализация? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 4(13). С. 34–52.

Циренщиков В.С. (2019) Цифровизация экономики Европы // Современная Европа. № 3. С. 104–113.

Abay K.A., Tafere K., Woldemichael A. (2020) Winners and losers from COVID-19: Global evidence from Google Search. World Bank Policy Research Working Paper. No. 9268.

Aiginger K., Rodrik D. (2020) Rebirth of industrial policy and an agenda for the twenty-first century // Journal of Industry, Competition and Trade. Pp. 1–19.

Altman S.A., Bastian P. (2020) DHL Global Connectedness Index 2020 (https://www.dhl.com/content/dam/dhl/global/dhl-spotlight/documents/pdf/ spotlight-g04-global-connectedness-index-2020.pdf).

Baldino G. (2021) Global Internet Capacity Grew by 35% in 2020. Channel Vision (https://channelvisionmag.com/global-internet-capacity-grew-by-35-in-2020/).

Contractor F.J. (2021) The world economy will need even more globalization in the post-pandemic 2021 decade // Journal of International Business Studies. Pp. 1–16.

Coronavirus: How the pandemic is changing globalization (2021) (https://www.dw.com/en/coronavirus-how-the-pandemic-is-changing-globalization/av-56890710).

D'Onfro J. (2020) Robots To The Rescue: How High-Tech Machines Are Being Used To Contain The Wuhan Coronavirus // Forbes (https://www.forbes.com/sites/jilliandonfro/2020/02/02/robots-to-the-rescue-how-high-tech-machines-are-being-used-to-contain-the-wuhan-coronavirus/? sh=3701c4217799).

Driebusch C. (2020) During Covid-19 Pandemic, Biotech IPOs Already Surpass Record // Wall Street Journal (https://www.wsj.com/articles/during-covid-19-pandemic-biotech-ipos-already-surpass-record-11597051800? mod=hp_lead_pos5).

Emmenegger P., Häusermann S., Walter S. (2018) National Sovereignty vs. International Cooperation: Policy Choices in Trade-Off Situations // Swiss Political Science Review. No. 4 (24). Pp. 400–422.

European Commission (2020) Pharmaceutical Strategy for Europe (https://ec.europa.eu/health/sites/health/files/human-use/docs/pharma-strategy_report_en.pdf).

Hackenbroich J. et al. (2020) Defending Europe's Economic Sovereignty: new ways to resist economic coercion. European Council on Foreign Relations (https://ecfr.eu/publication/defending_europe_economic_sovereignty_new_ways_to_resist_economic_coercion/).

Hamann R. et al. (2020) Strategic Responses to Grand Challenges: Why and How Corporations Build Community Resilience // Journal of Business Ethics. No. 161. Pp. 835–853.

Holgersson M., Granstrand O., Bogers M. (2018) The evolution of intellectual property strategy in innovation ecosystems: Uncovering complementary and substitute appropriability regimes // Long Range Planning. Vol. 51. No. 2. Pp. 303–319.

Irwin D. (2020) The pandemic adds momentum to the deglobalization trend. PIIE (https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/pandemic-adds-momentum-deglobalization-trend?utm_source=update-newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=piie-insider).

Kidron E. (2020) World Economic Forum Highlights JD's Use Of Drones In Covid-19 Fight. JD Corporate Blog (https://jdcorporateblog.com/world-economic-forum-highlights-jds-use-of-drones-in-covid-19-fight/).

Mail Online (2020) Chinese police wear smart helmets equipped with AI-powered infrared cameras to detect pedestrians with fevers as they patrol the streets amid coronavirus crisis (https://www.dailymail.co.uk/news/article-8073451/Chinese-police-wear-smart-helmets-detect-pedestrians-fevers-amid-coronavirus-crisis.html).

Razin A. (2020) De-globalization: Driven by Global Crises? National Bureau of Economic Research. No. w27929.

Reinhart C., Reinhart V. (2020) The pandemic depression: The global economy will never be the same // Foreign Aff. No. 99. P. 84.

Sampat B. N, Shadlen K. C. (2021) The COVID-19 Innovation System // Health Affairs. No. 3(40). Pp. 400–409.

Schilirò D. (2020) Towards digital globalization and the covid-19 challenge // International Journal of Business Management and Economic Research. No. 2(11). Pp. 1710–1716.

Sułkowski Ł. et al. (2020) Covid-19 pandemic; recession, virtual revolution leading to de-globalization? // Journal of Intercultural Management. No. 12(1). Pp. 1–11.

Swadźba S. (2020) Globalization and economic growth in highly developed countries // SHS Web of Conferences. EDP Sciences. Vol. 74. P. 05025.

Tapscott D. et al. (2014) The Digital Economy: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence.

The Grand Challenge missions (2021) Policy Paper. Department for Business, Energy & Industrial Strategy. GOV.UK (https://www.gov.uk/ government/publications/industrial-strategy-the-grand-challenges/missions).

Wang Z., Sun Z. (2020) From globalization to regionalization: The United States, China, and the post-Covid-19 world economic order // Journal of Chinese Political Science. Pp. 1–19.

WTO. Trade and tariff data (https://www.wto.org/english/res_e/ statis_e/statis_e.htm).

REFERENCES

Abay K.A., Tafere K., Woldemichael A. (2020) *Winners and losers from COVID-19: Global evidence from Google Search.* World Bank Policy Research Working Paper. No. 9268.

Aiginger K., Rodrik D. (2020) Rebirth of industrial policy and an agenda for the twenty-first century. *Journal of Industry, Competition and Trade*, pp. 1–19.

Altman S.A., Bastian P. (2020) DHL Global Connectedness Index 2020 (https://www.dhl.com/content/dam/dhl/global/dhl-spotlight/documents/pdf/ spotlight-g04-global-connectedness-index-2020.pdf).

Baldino G. (2021) Global Internet Capacity Grew by 35% in 2020. Channel Vision (https://channelvisionmag.com/global-internet-capacity-grew-by-35-in-2020/).

Cirenshhikov V. S. (2019) Cifrovizacija jekonomiki Evropy [Digitalization of Europe's economy]. *Sovremennaja Evropa*, no. 3, pp. 104–113.

Contractor F. J. (2021) The world economy will need even more globalization in the post-pandemic 2021 decade. *Journal of International Business Studies,* pp. 1–16.

Coronavirus: How the pandemic is changing globalization (2021) (https://www.dw.com/en/coronavirus-how-the-pandemic-is-changing-globalization/av-56890710).

D'Onfro J. (2020) Robots To The Rescue: How High-Tech Machines Are Being Used To Contain The Wuhan Coronavirus. *Forbes* (https://www.forbes.com/sites/jilliandonfro/2020/02/02/robots-to-the-rescue-how-high-tech-machines-are-being-used-to-contain-the-wuhan-coronavirus/?sh=3701c4217799).

Driebusch C. (2020) During Covid-19 Pandemic, Biotech IPOs Already Surpass Record. *Wall Street Journal* (https://www.wsj.com/articles/during-covid-19-pandemic-biotech-ipos-already-surpass-record-11597051800? mod=hp_lead_pos5).

Emmenegger P., Häusermann S., Walter S. (2018) National Sovereignty vs. International Cooperation: Policy Choices in Trade-Off Situations. *Swiss Political Science Review,* no. 4(24), pp. 400–422.

European Commission (2020) Pharmaceutical Strategy for Europe (https://ec.europa.eu/health/sites/health/files/human-use/docs/pharma-strategy_report_en.pdf).

Feofanov K. A. (2020) Tendencii mezhdunarodnogo razvitija v uslovijah pandemii [International Development Trends in a Pandemic]. *Social'no-gumanitarnye znanija*, no. 6, pp. 7–21.

Ganichev N.A., Koshovets O.B. (2021) Prinuzhdenie k tsifrovoi ekonomike: kak izmenitsya struktura tsifrovykh rynkov pod vliyaniem pandemii COVID-19 [Forcing the digital economy: How digital markets will change under the influence of the COVID-19 pandemic]. *Problemy prognozirovaniya*, no. 1(184), pp. 11–22.

Hackenbroich J. et al. (2020) *Defending Europe's Economic Sovereignty: new ways to resist economic coercion. European Council on Foreign Relations* (https://ecfr.eu/publication/defending_europe_economic_sovereignty_new_ways_to_resist_economic_coercion/).

Hamann R. et al. (2020) Strategic Responses to Grand Challenges: Why and How Corporations Build Community Resilience. *Journal of Business Ethics*, no. 161, pp. 835–853.

Hejfec B. A., Chernova V. Ju. (2020) Novyj global'nyj jekonomicheskij krizis: kak izmenitsja globalizacija? [The New Global Economic Crisis: How Will Globalization Change?]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo,* no. 4, vol. 13, pp. 34–52.

Holgersson M., Granstrand O., Bogers M. (2018) The evolution of intellectual property strategy in innovation ecosystems: Uncovering complementary and substitute appropriability regimes. *Long Range Planning*, vol. 51, no. 2, pp. 303–319.

Irwin D. (2020) *The pandemic adds momentum to the deglobalization trend. PIIE* (https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/pandemic-adds-momentum-deglobalization-trend?utm_source=update-newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=piie-insider).

ISIJeZ NIU VShJe (2021) *Sektor IKT vyrabotal immunitet k COVID-peregruzkam* (https://issek.hse.ru/news/446639217.html).

Kidron E. (2020) World Economic Forum Highlights JD's Use Of Drones In Covid-19 Fight. *JD Corporate Blog* (https://jdcorporateblog.com/world-economic-forum-highlights-jds-use-of-drones-in-covid-19-fight/).

Kondrat'ev V.B. (2017) Reshoring kak forma reindustrializacii [Reshoring as a form of reindustrialization]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, vol. 61, no. 9, pp. 54–65.

Mail Online (2020) Chinese police wear smart helmets equipped with AI-powered infrared cameras to detect pedestrians with fevers as they patrol the streets amid coronavirus crisis (https://www.dailymail.co.uk/news/article-8073451/Chinese-police-wear-smart-helmets-detect-pedestrians-fevers-amid-coronavirus-crisis.html).

Razin A. (2020) *De-globalization: Driven by Global Crises*? National Bureau of Economic Research, no. w27929.

Reinhart C., Reinhart V. (2020) The pandemic depression: The global economy will never be the same. *Foreign Aff.,* no. 99, p. 84.

Sampat B. N, Shadlen K. C. (2021) The COVID-19 Innovation System. *Health Affairs,* no. 3(40), pp. 400–409.

Schilirò D. (2020) Towards digital globalization and the covid-19 challenge. *International Journal of Business Management and Economic Research*, no. 2(11), pp. 1710–1716.

Sułkowski Ł. et al. (2020) Covid-19 pandemic; recession, virtual revolution leading to de-globalization? *Journal of Intercultural Management*, no. 12(1), pp. 1–11.

Swadźba S. (2020) Globalization and economic growth in highly developed countries. *SHS Web of Conferences. EDP Sciences*, vol. 74, p. 05025.

Tapscott D. et al. (2014) *The Digital Economy: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*.

The Grand Challenge missions (2021) Policy Paper. Department for Business, Energy & Industrial Strategy. GOV.UK (https://www.gov.uk/ government/publications/industrial-strategy-the-grand-challenges/missions).

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii (2016) O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii (http://www.kremlin.ru/acts/ bank/41449).

Varnavskij V.G. (2019) Globalizacija i strukturnye sdvigi v mirovom proizvodstve [Globalization and structural shifts in world production]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, vol. 63, no.1, pp. 25–33.

Wang Z., Sun Z. (2020) From globalization to regionalization: The United States, China, and the post-Covid-19 world economic order. *Journal of Chinese Political Science*, pp. 1–19.

WTO. Trade and tariff data (https://www.wto.org/english/ res_e/statis_e/statis_e.htm).

Zajcev S.Ju. (2018) Transnacional'nye korporacii kak agenty globalizacii [Transnational Corporations as Agents of Globalization]. *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo,* no. 1, pp. 15–19.

Информация об авторе

Мамедьяров Заур Аязович, кандидат экономических наук, заведующий Сектором экономики науки и инноваций Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: mamedyarov@imemo.ru

About the author

Zaur A. Mamedyarov, Candidate of Science (Economics), Head of Science and Innovation Economy sector, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: mamedyarov@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 30.03.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.04.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 19.04.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 2. С. 36–52
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 2, pp. 36–52

DOI: 10.31857/S086904990014233-8

Оригинальная статья / Original Article

Информационные и биотехнологии в США: катализирующий эффект COVID-19

© Я.В. СЕЛЯНИН

Селянин Ярослав Владиславович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), yaroslav.selyanin@yandex.ru

Информационные технологии давно используют для проведения биологических исследований. Однако пандемия COVID-19 стала катализатором консолидации ресурсов ИТ-отрасли Соединенных Штатов в этой сфере, включая частные и государственные, гражданские и военные структуры. Более того, биотехнологии рассматривают в США в качестве одной из основных областей, развитие которой напрямую зависит от успеха работ в области искусственного интеллекта. В статье рассмотрена роль лидеров американской ИТ-индустрии в борьбе с пандемией, некоторые подходы государственных структур США к проведению биологических исследований, предложения Комиссии национальной безопасности по искусственному интеллекту США в области развития отрасли биотехнологий.

Ключевые слова: США, искусственный интеллект, машинное обучение, суперкомпьютеры, высокопроизводительные вычисления, биотехнологии, исследования двойного назначения.

Для цитирования: Селянин Я.В. (2021) Информационные и биотехнологии в США: катализирующий эффект COVID-19 // Общественные науки и современность. № 2. С. 36–52. DOI: 10.31857/S086904990014233-8

Работа выполнена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

U.S. Information and Biotechnology: Catalyzing Effect of COVID-19

© Ya.V. SELYANIN

Yaroslav V. Selyanin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), yaroslav.selyanin@yandex.ru

Abstract: Information technologies have long been used for biological research. However, the COVID-19 pandemic became a catalyst for consolidating the resources of the U.S. IT-industry in this sphere, including private and public, civilian and military entities. Moreover, in the United States biotechnologies is considered as one of the main areas, which development directly depends on the success of artificial intelligence research. The article considers the role of U.S. leading IT-companies in the fight against the pandemic, some approaches of U.S. government agencies to conducting biological research, proposals of the National Security Commission on Artificial Intelligence of the United States in the development of the biotechnology industry.

Keywords: USA, artificial intelligence, machine learning, supercomputers, high performance computing, biotechnology, dual use research.

For Citation: Selyanin Ya. (2021) U.S. Information and Biotechnology: Catalyzing Effect of COVID-19. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 2, pp. 36–52. DOI: 10.31857/S086904990014233-8 (In Russ.)

В январе 2021 г. Комиссия национальной безопасности по искусственному интеллекту National Security Commission on Artificial Intelligence (NSCAI) опубликовала черновик итогового отчета с выводами и рекомендациями о том, как Соединенным Штатам следует развивать отрасль искусственного интеллекта (ИИ) [NSCAI 2021]. Масштабная работа государственных и частных структур США привела к важнейшему выводу: область создания ИИ – всего лишь первый шаг на пути глобального развития ряда других сфер (associated technologies). По мнению Комиссии, они имеют наибольшее стратегическое значение. Искусственный интеллект должен стать своего рода катализатором для их развития.

Первоочередным направлением работы авторы документа назвали не квантовые вычисления, перспективные беспроводные сети связи (включая 5G), автономные системы, робототехнику, перспективные методы производства или энергетику. Все они, конечно, входят в этот перечень. Однако приоритет отдан биотехнологиям. Сделать их одним из основных драйверов экономической конкурентоспособности призван ИИ [NSCAI 2021].

Важность развития биотехнологий объяснена и необходимостью обеспечения биобезопасности. Комиссия указывает, что современные технологии позволяют программировать патогены на поражение определенных целей. В качестве примера последствий, которые может вызвать распространение новой высокозаразной инфекции, авторы приводят ситуацию с пандемией COVID-19 [NSCAI 2021].

В 1941 г. налет японской авиации на базу Перл-Харбор стал формальным поводом для вступления США во Вторую мировую войну. В 2001 г. террористическая атака на башни-близнецы послужила основанием для начала «крестового похода» неоконсерваторов против терроризма [*Кислицын* 2020]. Точно так же пандемия COVID-19 была использована для консолидации научного и технического потенциала США в области информационных и биотехнологий [insideHPC 2020[j]]. Оказалось, что ключевые ИТ-компании США, чьи ведущие специалисты входят в состав Комиссии, – это больше, чем просто производители программного и аппаратного обеспечения.

ИТ-отрасль США в борьбе с COVID-19

С началом пандемии ИТ-отрасль активно включилась в борьбу с инфекцией, используя передовые технологии в области методов машинного обучения и систем высокопроизводительных вычислений (больше известных как искусственный интеллект и суперкомпьютеры, соответственно). Исследователи активно применяют их для математического моделирования при решении таких задач, как:

1) изучение самого вируса и его эволюции, разработка методов и средств выявления заболевших, лечение и вакцинация;

2) анализ моделей распространения инфекции (в масштабах от всего мира до помещений ограниченного объема), оценка эффективности контрмер, прогнозирование смертности и изучение фундаментальных физических принципов, определяющих динамику передачи патогенов [Bourouiba Group 2020; insideBIGDATA 2020[c]; insideHPC 2020[k]; insideHPC 2020[l]; insideHPC 2020[n]; insideHPC 2020[s]; *Krishnan* 2020; *Martineau* 2020; XSEDE 2020].

Эффективное использование ИИ и суперЭВМ требует больших объемов разнообразных данных. Масштабы их сбора, в первую очередь, частными компаниями, сегодня огромны. Сбору и накоплению подлежат любые доступные данные, включая этническую принадлежность, пол, возраст, образ жизни, сопутствующие заболевания, уровень дохода, политическую принадлежность, различные медицинские данные, плотность населения, уровень гигиены в регионе, результаты термометрии, размер домашних хозяйств, данные геолокации и пр. [insideBIGDATA 2020[b]; insideBIGDATA 2020[d]; insideBIGDATA 2020[e]; insideBIGDATA 2020[f]; insideHPC 2020[i]].

В результате появляются решения самого разного назначения. Созданы платформы для проведения бесконтактной термометрии, отслеживания контактов и соблюдения социальной дистанции, контроля ношения масок, оценки риска протекания заболевания в тяжелой форме [insideBIGDATA 2020[c]; insideHPC 2020[i]]. Реализован ряд систем, чья задача – отражение текущей ситуации с COVID-19 и прогнозирование ее развития [insideBIGDATA 2020[a]; insideBIGDATA 2020[b]]. Среди примеров есть и система для анализа научных статей. По заявлению авторов, она должна отвечать на вопросы пользователя, ответов на которые нет в обработанных материалах в явном виде [*Peskoe-Yang* 2020].

Ряд ИТ-компаний в марте 2020 г. предложил участникам реагирования на пандемию бесплатный доступ к своим вычислительным мощностям, программным продуктам и опыту технических специалистов [insideBIGDATA 2020[b]; insideHPC 2020[a]; insideHPC 2020[e]; insideHPC 2020[f]; insideHPC 2020[l]; insideHPC 2020; insideHPC 2020[r]]. Развивая эту инициативу, Министерство энергетики США (DOE)[1] и компания IBM учредили в марте 2020 г. Консорциум высокопроизводительных вычислений для реагирования на COVID-19[2]. К нему присоединились ведущие ИТ-компании, государственные и негосударственные научные организации не только из США, но и из других стран [*Hall, Moskvitch* 2020].

Идея в том, чтобы исследователи со всего мира могли использовать самые передовые системы высокопроизводительных вычислений и знания участников Консорциума. К рассмотрению принимаются заявки по работам на открытые тематики: от постановки диагноза, определения и повышения эффективности лечения и вакцинации; до эпидемиологических моделей, которые требуют обработки больших наборов разнотипных данных. Важно, что ожидаемый срок получения применимого на практике результата не должен превышать шести месяцев [insideHPC 2020[h]; XSEDE 2020].

[1] Department of Energy.
[2] COVID-19 High Performance Computing Consortium (COVID-19 HPC Consortium).

Спектр участников Консорциума очень широк. Бизнес-сообщество представлено ключевыми ИТ-компаниями[3]. Академическая наука – ведущими частными и государственными университетами и связанными с ними организациями[4]. Министерство энергетики подключило к работам подведомственные ему Национальные лаборатории[5]. Федеральные агентства представлены Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA), Национальным научным фондом (NSF) и поддерживаемыми им программами и организациями, включая ряд суперкомпьютерных центров США[6]. Кроме того, в список иностранных партнеров Консорциума входят организации из Британии, Швейцарии, Швеции, Южной Кореи, Японии [COVID-19 HPC Consortium 2020].

Участники не просто предоставляют доступ исследователям к своим системам и специалистам. Например, компания AMD выделила 15 млн долл. на оплату использования рядом институтов по всему миру суперкомпьютеров на основе своих процессоров [insideHPC 2020[d]] и объявила о модернизации суперЭВМ Ливерморской национальной лаборатории имени Лоуренса (LLNL) [insideHPC 2020[b]]. В сентябре 2020 г. в рамках второго этапа своей программы AMD позволила пользоваться суперЭВМ на базе своих процессоров 21-му институту и исследовательским организациям США, Франции, Германии, Индии, Канады [insideHPC 2020[c]].

Участие компаний, воспринимаемых обычно как просто производителей программного и аппаратного обеспечения, на деле не ограничивается исключительно предоставлением технических средств для проведения вычислений.

IBM, «ведущий получатель патентов в США за последние 27 лет», владеет коллекцией патентов в области ИИ и вирусологии. Среди них и необходимые для разработки технологий «диагностики, профилактики, сдерживания или лечения болезней, вызываемых коронавирусами, включая COVID-19». Например, «один из них описывает противовирусные средства и способы лечения с их использованием. Речь о средствах, активных против широкого спектра вирусов, включая лихорадку Денге, H1N1, атипичную пневмонию, грипп и коронавирусы». Эту часть своей коллекции патентов IBM разрешила бесплатно использовать исследователям, борющимся с пандемией [*Ringes* 2020]. Кроме того, она предоставила подготовленные наборы данных о вирусе и «о 3 тыс. молекул веществ, разработанных ИИ-системой» (по всей видимости, речь идет о потенциальных лекарствах либо вакцинах) [XSEDE 2020].

Microsoft открыла доступ к системе высокопроизводительных вычислений Azure HPC, «оптимизированной для исследований в области геномики, точной (или персонализированной) медицины и клинических исследований». «Компания по всему миру обладает штатом ученых в области информатики, биологии, медицины и здравоохранения». Azure

---

[3] IBM, Amazon Web Services, AMD, D.E. Shaw Research, Dell Technologies, Google Cloud, Hewlett Packard Enterprise, Microsoft, NVIDIA, Intel, BP.

[4] Массачусетский технологический институт; Политехнический институт Ренсселера; Университет Иллинойса; Техасский университет в Остине; Калифорнийский университет в Сан-Диего; Университета Карнеги-Меллона; Институт Питтсбурга; Университет Индианы; Массачусетский центр зеленых высокопроизводительных вычислений (MGHPCC); Университет Висконсина в Мадисоне; Суперкомпьютерный центр в Огайо.

[5] Министерство энергетики, включая Национальное управление по ядерной безопасности и Управление ядерной энергетики, представлено в Консорциуме Национальными лабораториями: Аргоннской (ANL); Ливерморской имени Лоуренса (LLNL); Лос-Аламосской (LANL); Ок-Риджской (ORNL); имени Лоуренса в Беркли (LBNL); Сандийскими (SNL); в Айдахо (INL).

Стоит также отметить, что в реагировании на COVID-19 участвуют все 17 национальных лабораторий DOE, а не только входящие в Консорциум [insideHPC 2020[j]].

[6] XSEDE, Суперкомпьютерный центр в Питтсбурге (Pittsburgh Supercomputing Center, PSC), Техасский центр передовых вычислений (Texas Advanced Computing Center), Суперкомпьютерный центр в Сан-Диего (San Diego Supercomputer Center, SDSC), Национальный центр суперкомпьютерных приложений (National Center for Supercomputing Applications), Indiana University Pervasive Technology Institute (IUPTI), Open Science Grid (OSG), Национальный центр атмосферных исследований (National Center for Atmospheric Research, NCAR).

HPC призвана ускорить разработку лекарств, обеспечив решение таких сложных вычислительных задач, как популяционное фармакокинетическое и фармакокинетическо-фармакодинамическое моделирование [XSEDE 2020].

В активе NVIDIA есть технологии, решения и опыт исследований в таких областях, как ИИ, суперкомпьютеры, разработка лекарств, молекулярная биология (molecular biology), молекулярная динамика, геномика, анализ данных и т.п. Кроме прочего, NVIDIA разрешила исследователям пользоваться своим программным продуктом для секвенирования генома [insideHPC 2020[m]].

Участвует в Консорциуме и нефтяная компания BP. Она «обладает специалистами в вычислительной и молекулярной биологии с опытом применения программных средств для биоинформатики, микробной геномики, вычислительного проектирования ферментов и метаболического моделирования». Одновременно у нее есть специалисты и технические средства в области высокопроизводительных вычислений [XSEDE 2020].

Военные США проводят собственные исследования. Кроме того, они сотрудничают с Консорциумом и Федеральным агентством по управлению в чрезвычайных ситуациях (FEMA). Задействованы их суперкомпьютерные ресурсы из Программы модернизации высокопроизводительных вычислений (HPCMP)[7] [insideHPC 2020[g]].

Соответствующие работы выполняет Лаборатория Линкольна[8], созданная в Массачусетском технологическом институте для проведения исследований в интересах Пентагона [*Martineau* 2020]. Ученые Ливерморской национальной лаборатории, включая специалистов в области биотехнологий и биологической безопасности, при разработке вакцины используют платформу, финансируемую Управлением перспективных исследований МО США (DARPA)[9] [insideHPC 2020[j]]. Стоит отметить, что в 2018 г. для курирования работ в области высокопроизводительных вычислений, ИИ и биотехнологий заместителем директора Управления был назначен доктор компьютерных наук П. Хайнем (P. Highnam) с большим опытом в первой и последней областях. Прежде он работал на руководящих должностях в Национальном агентстве геопространственной разведки (NGA)[10], Агентстве перспективных исследований в сфере разведки (IARPA)[11], Национальных институтах здоровья (NIH)[12], Управлении перспективных биомедицинских исследований и разработок (BARDA)[13] [*Blinde* 2018].

В реагировании на COVID-19 участвует вся государственная и частная, гражданская и военная наука США. Кроме того, участники Консорциума получают информацию об аналогичных исследованиях по всему миру — об их направлениях, сути, результатах, о реализующих их специалистах и организациях. Новое в данном случае — масштаб усилий и применения информационных технологий, которые для биологических исследований используются далеко не впервые, в том числе для исследований двойного назначения.

Передать непередаваемое: о подходах США к исследованию патогенов

Интерес к биотехнологиям, неожиданно проявившийся в упомянутом выше отчете комиссии, ответственной за искусственный интеллект, вызывает озабоченность. Государственные структуры США отличаются спорными подходами к выбору тем и методов биологических исследований, таких как метод усиления функций (gain of

[7] Department of Defense High Performance Computing Modernization Program (HPCMP).
[8] MIT Lincoln Laboratory.
[9] Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA).
[10] National Geospatial-Intelligence Agency (NGA).
[11] Intelligence Advanced Research Projects Activity (IARPA).
[12] National Institutes of Health (NIH).
[13] Biomedical Advanced Research and Development Authority (BARDA).

function, GOF). К примеру, берется потенциально опасный для человека вирус, не передающийся ему от животных или передающийся плохо (при очень специфических условиях), но не передающийся от человека к человеку. Методами генной инженерии исследователи «учат» этот вирус не только заражать человека, но и распространяться между людьми. В результате из неопасного патогена создается штамм, который из-за случайной или преднамеренной утечки из лаборатории может вызвать пандемию. Причем ни у человека нет иммунитета от таких вирусов, ни у человечества нет необходимых вакцин, лекарств и методов лечения.

Сторонники метода утверждают, что в результате исследований готовность человечества к отражению биологических угроз должна повыситься. Угрозу/вероятность случайных утечек патогенов и биотерроризма они считают сильно преувеличенными, поскольку «настоящий террорист – это природа». Они объясняют, что такой штамм, «возможно, уже существует в дикой природе», «должен существовать», просто он «вероятно, находится в какой-нибудь утке в Сибири» и пока не выявлен [*Sample* 2012]. По их логике, такие вирусы надо создать заранее, чтобы подготовиться к их появлению в природе.

Главным адептом и лоббистом этого подхода в США выступает Э. Фаучи (A. Fauci). С 1984 г. он возглавляет Национальный институт аллергии и инфекционных заболеваний (NIAID)[14] Национальных институтов здоровья (NIH), главный инфекционист США и советник всех президентов начиная с Р. Рейгана [*Guterl* 2020]. При новоизбранном Дж. Байдене Фаучи сохранил свой пост.

NIAID регулярно финансирует исследования по усилению функций. Одним из них было создание нового штамма птичьего гриппа H5N1, который «обучен» передаваться воздушно-капельным путем между млекопитающими. Работы проводились двумя группами – в Голландии и США, под руководством Р. Фушье (R. Fouchier) и Й. Каваоки (Yo. Kawaoka), соответственно.

По оценкам специалистов, данный штамм крайне опасен для человека. Даже его создатель Фушье признал, что этот патоген в случае попадания в окружающую среду мог бы стать причиной пандемии гриппа «вполне возможно со многими миллионами жертв» и представляет собой «вероятно, один из наиболее опасных вирусов, который вы можете создать». Опыты проводились на хорьках, наиболее точно имитирующих реакцию человека на грипп. По словам Фушье, «в исследованиях на сегодняшний день любой штамм гриппа, который смог распространиться среди хорьков, также мог передаваться между людьми, и наоборот» [*Enserink* 2011].

Рассмотрев рукописи научных статей по этим работам, Национальный научно-консультативный совет по биобезопасности США (NSABB)[15] в 2011 г. потребовал от исследователей и научных журналов (это были Science и Nature) убрать из них информацию, позволяющую воспроизвести столь опасный эксперимент. Ведь последствия этого невозможно предугадать.

Некоторые члены совета указывали, что оба исследования относятся к двум из семи категорий «экспериментов, вызывающих озабоченность (experiments of concern)», описанных в докладе Национальной академии наук 2003 г. «Биотехнологические исследования в эпоху терроризма: противостояние дилемме двойного использования», известном как доклад Финка (Fink report) [*Fink* 2003], и «представляют собой исследования двойного назначения» [*Cohen, Malakoff* 2012].

Разразился скандал. Вопрос допустимости публикации материалов обсуждался на уровне Всемирной организации здравоохранения. На время разбирательства Фушье и Каваока объявили временный мораторий на проведение подобных исследований. К ним

[14] National Institute of Allergy and Infectious Diseases (NIAID).
[15] National Science Advisory Board for Biosecurity (NSABB).

присоединились другие группы (в том числе финансируемые NIAID), ведущие аналогичные исследования.

Научное сообщество разделилось на противников ограничения научных исследований и противников метода усиления функций. Однако именно среди последних прозвучало мнение о бессмысленности этого запрета, «поскольку результаты своих исследований эти ученые к тому моменту уже публично представили на конференции». Сам же запрет – это «не более чем работа с общественным мнением, чтобы создать видимость решения проблемы и избежать требований введения эффективного регулирования таких исследований» [*Sample* 2011]. Выяснилось, что еще в 2007 г. NSABB «выступила против подобной системы одобрения исследований». В случае каких-либо сомнений «ученым рекомендовано только обратиться к наблюдательному совету своей организации (institutional review board)» [*Enserink* 2011].

В результате Фушье и Каваока просто изменили свои рукописи, а NSABB после повторного рассмотрения [*Cohen, Malakoff* 2012] отменила свои рекомендации. Изначально же члены Совета утверждали, что пересмотр статей не имеет смысла, поскольку крайне опасный для человека патоген уже был создан [*Enserink* 2012[a]]. Материалы опубликовали, а следом и ученые отменили свой мораторий.

Спустя несколько месяцев, в 2013 г., в Китае были зарегистрированы 130 случаев заражения людей новым вирусом A(H7N9), 33% из них с летальным исходом. Фушье и Каваока воспользовались моментом и написали открытое письмо о том, что одного только сбора информации о вирусе недостаточно. По их мнению, «для полной оценки потенциальных рисков» было необходимо провести дополнительные «эксперименты, которые могут быть классифицированы как усиление функций» [*Fouchier, Kawaoka, Cardona, Compans, García-Sastre, Govorkova, Guan, Herfst, Orenstein, Peiris, Perez, Richt, Russell, Schultz-Cherry, Smith, Steel, Tompkins, Topham, Treanor, Tripp, Webby, Webster* 2013]. Представители научного сообщества немедленно заявили о рисках, которые перекрывают все потенциальные выгоды от проведения таких работ. Даже руководителю NIAID Э. Фаучи пришлось высказаться о необходимости обеспечить безопасность таких исследований или не проводить их вовсе [*Malakoff* 2013].

В 2014 г. NIAID начала исследования по усилению функций коронавируса летучих мышей. Программа предусматривала не только теоретическое моделирование появления у этого вируса способности заражать человеческие клетки и передаваться от человека человеку, но и экспериментальную проверку его результатов [NIH 2014[a]]. Суммарно в 2014–2019 гг. на эти исследования частной компании Ecohealth Alliance, Inc. было выделено 3,7 млн долл. США [NIH 2014[b]].

Двумя этими эпизодами дело не ограничивается [*Hopkin* 2004, RT на русском 2014]. Неизменно все подобные работы вызывают критику со стороны специалистов, поскольку ценность полученных результатов для спасения жизней, по их мнению, сомнительна, а опасность для человечества очевидна [RT на русском 2014]. Пандемия COVID-19 подтверждает эти сомнения лидерством США по количеству заболевших и умерших. Проверку на прочность человеческой цивилизации устроила внезапно появившаяся и именно у коронавируса летучих мышей способность передаваться человеку и между людьми воздушно-капельным путем. Опыты 2014–2019 гг. никак не помогли Америке.

Одновременно с проведением таких неоднозначных экспериментов США блокируют принятие юридически обязывающего протокола и эффективного механизма проверки выполнения государствами условий «Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении» (КБТО). Однако не забывают обвинять Россию в ее нарушении [*Рябков* 2019].

Еще в 2014 г. МИД РФ в ответ на очередной выпад американской стороны указал, что в «США насчитывается наибольшее в мире число (до 5 тыс.) биологических лабораторий третьего уровня изоляции (BSL-3), из которых, согласно данным Счетной палаты США, не менее 1356 имели лицензию для работы со списочными (особо опасными) патогенами. Все эти объекты – двойного назначения, а списочные патогены имеют непосредственное отношение к КБТО» [МИД РФ 2014].

В мае 2015 г. разразился скандал с отправкой американскими военными живых вместо умерщвленных спор сибирской язвы в девять лабораторий на территории США и одну в Южной Корее. Выяснилось, что такие споры только одной лабораторией сухопутных войск США за более чем десять лет были отправлены в 192 лаборатории США и семи других стран, включая государственные и частные организации. Контролирующие органы знали о проблемах, но ограничивались письменными предписаниями, которые не исправляли ситуацию. Речь идет только об одном из целого ряда различных эпизодов, вызванных системными проблемами с обеспечением безопасности таких работ [*Young* 2015; *Barnes* 2015; Department of Defense 2015].

Государственные структуры США для борьбы с вирусами, которые в дикой природе могут стать опасными для человека лишь с некоторой вероятностью, финансируют работы по гарантированному созданию таких штаммов. По условиям контрактов исследователи не имеют права делиться выведенными штаммами с коллегами без одобрения заказчика [*Enserink* 2012[b]]. В результате отрабатывается методика получения крайне опасных для человека патогенов и создаются их реальные образцы. Подобная деятельность выглядит как прикрытая красивой риторикой, но по-прежнему запрещенная КБТО разработка биологического оружия.

ИИ и биотехнологии: биология теперь программируется

В 2004 г. основатель и первый директор Института белка РАН академик А. Спирин указал на угрозу появления в мире нового типа биологического оружия. По его мнению, «расшифровка человеческого генома и самые последние успехи молекулярной и клеточной биологии привели к возможности создания биологического оружия третьего, «постгеномного», поколения XXI в. – генного и другого молекулярного оружия (в международной литературе обозначается как Advanced Biological Warfare – сокращенно ABW). В арсенал этого оружия входят:

- гены, то есть молекулы ДНК, проникающие в организм и кодирующие вредные белки, такие как белковые токсины, белки-репрессоры, подавляющие важнейшие функции человека, регуляторы функций, активаторы малигнизации, ингибиторы иммунитета;
- малые регуляторные РНК (siRNA и miRNA), проникающие в организм и избирательно выключающие синтез функционально важных белков в организме;
- прионы – инфекционные белки, нарушающие процессы образования пространственной структуры функционально важных белков.

Этот список пополнятся с каждым годом.

С особой силой следует подчеркнуть, что возможность создания биологического оружия третьего поколения означает смену парадигмы. Это – принципиально новый класс агентов, искусственно сконструированных на основе знаний человеческого генома и протеома для атаки специфических биологических систем человека – кардиологической, иммунологической, неврологической, гастроэнтерологической и т.д. – на молекулярном уровне. Планируемые эффекты от воздействия молекулярного оружия – смерть, инвалидность, нервные и психические расстройства, дебилизация (“манкуртизация”), стерилизация» [*Спирин* 2004].

Подкрепляя это мнение, черновик финального отчета Комиссии национальной безопасности по ИИ (NSCAI) содержит перечень «новых угроз в эпоху искусственного интеллекта». Используя его, как утверждается, можно сделать патоген «летальным или нацеленным на определенный генетический профиль *[создавая]* оружие неограниченных дальности действия и возможностей по поражению целей (ultimate range and reach weapon)» [NSCAI 2021].

Источником этой угрозы Комиссия называет государства, которые, «в отличие от США», якобы могут пренебрегать опасностью при проведении исследований. Речь, в первую очередь, о России и Китае. Главной угрозой, тем не менее, назначен Китай, несмотря на очередные обвинения в адрес нашей страны в несоблюдении КБТО. «Соединенные Штаты не могут позволить себе оглянуться назад через десять лет и "удивиться" биотехнологическому эквиваленту Huawei». NSCAI рекомендует правительству США обновить Национальную стратегию биологической защиты (National Biodefense Strategy). Предложено «включить в нее более широкое видение биологических угроз, таких как улучшение человеческого потенциала, использование генетических данных в злонамеренных целях и способы использования американскими конкурентами преимуществ биотехнологии или биоданных в новых целях» [NSCAI 2021].

Одновременно Комиссия предлагает принять ряд мер по «сохранению (за США) статуса мирового центра биотехнологических исследований», чтобы сполна воспользоваться преимуществами лидерства в этой сфере. Во-первых, предлагается выработать национальную стратегию в области биотехнологий (national biomanufacturing strategy). Во-вторых, шире применять ИИ в этой сфере. В-третьих, уйти от существующих отраслевых «вертикально-интегрированных моделей и поощрять развитие многочисленных стандартизированных коммерческих биофабрик». Предложено финансирование соответствующих НИОКР, развитие государственно-частного партнерства (включая программу BioMADE, в которой государство представлено Министерством обороны), активизация деятельности структур типа Управления перспективных биомедицинских исследований и разработок (BARDA). В-четвертых, NSCAI, противореча своим же опасениям относительно высокого риска таких исследований, рекомендует упростить стартапам и лабораториям доступ к передовым инструментам биотехнологического производства (advanced biofabrication tools), что позволит им «быстро проектировать новые молекулы и материалы через облачные системы и немедленно размещать заказы на изготовление» [NSCAI 2021].

В качестве панацеи от злоупотреблений и чрезмерных рисков при проведении исследований (не только в области биотехнологий) и использовании их результатов официальные лица США предлагают принять разнообразные кодексы этики. Вместе с тем обвинения в адрес России и Китая в якобы низком уровне безопасности проведения исследований продолжаются. Они строятся на отсутствии в открытом доступе документов вроде директивы Минобороны США № 3000.09 [Federation of American Scientists 2017], которая регулирует вопросы «этичного, ответственного и безопасного использования» автономных и полуавтономных систем вооружений.

Предложения Комиссии не просто смелые или противоречивые. Их реализация повысит уровень биологической опасности на порядки. Например, одним из главных аргументов противников вакцинации от COVID-19 служит как раз недостаточная исследованность побочных эффектов от вакцин и их действенность. В случае западных вакцин этот аргумент подкреплен тяжелыми негативными последствиями вплоть до летального исхода. Речь идет о продукции крупных фармакологических компаний, а не о стартапах.

Информационные технологии, в особенности искусственный интеллект, сегодня подаются как «волшебная таблетка», призванная решить сложнейшие проблемы нашей цивилизации. На практике этого, однако, не происходит. Так, в апреле 2020 г. в США раздавались победные реляции, что главными союзниками человечества в борьбе с пандемией

станут суперЭВМ и ИИ, которые позволят очень быстро победить [*Pooya* 2020]. Однако к декабрю 2020 г. стало очевидно, что, несмотря на все усилия, они мало помогли странам Запада во главе с США в защите и лечении своего населения. Одних только передовых суперЭВМ и алгоритмов для победы над болезнью оказалось недостаточно.

Разумеется, это мощные инструменты для исследователей в области микробиологии, эпидемиологии, создания вакцин, лекарств, лечения и предупреждения заболеваний. Они внесли большой вклад в анализ вируса и позволили наметить пути борьбы с ним. Например, в отчете NSCAI отмечено, что понимание генетической последовательности потенциальной вакцины появилось спустя два дня с момента онлайн-публикации результатов секвенирования генома вируса [NSCAI 2021]. Возможности информационных технологий и их роль нельзя недооценивать, так же, впрочем, как и переоценивать.

* * *

Пандемия COVID-19 не только показала хрупкость нашей цивилизации и сложившегося уклада жизни, но и поставила ряд вопросов об использовании Соединенными Штатами информационных и биотехнологий, совместное применение которых будет только расширяться.

Американская Комиссия национальной безопасности по искусственном интеллекту (NSCAI) в проекте своего финального отчета указывает, что ИИ – катализатор для развития ряда технологий, обладание которыми необходимо для обеспечения конкурентоспособности и безопасности государства в будущем. Первой по важности среди них – отрасль биотехнологий. Применение здесь ИИ и иных информационных технологий с явным двойным назначением, по мнению Комиссии, угрожает появлением более совершенных образцов биологического оружия с высоким уровнем избирательности действия и летальности, позволяя создать «оружие неограниченной дальности и возможностей по поражению целей (ultimate range and reach weapon)» [NSCAI 2021].

США в этих областях занимают особое положение. Американская ИТ-отрасль сегодня занимает лидирующие позиции в мире, в том числе в области ИИ и суперкомпьютеров. Пандемия COVID-19, в реагировании на которую участвует вся государственная и частная, гражданская и военная наука Соединённых Штатов, стала поводом для консолидации научно-технического потенциала страны в области информационных и биотехнологий. Оказалось, что ключевые ИТ-компании США участвуют или проводят собственные исследования на стыке этих отраслей, обладая необходимым опытом, специалистами и технологиями.

Кроме масштаба предпринимаемых усилий и степени этой консолидации, применение информационных технологий в биологических исследованиях, не будучи чем-то новым, активно используется для исследований. В том числе для финансируемых американскими госструктурами – в первую очередь NIAID под руководством Фаучи – исследований по усилению функций (gain of function) патогенов. В результате неопасные для человека штаммы получают способность заражать человека и распространяться между людьми. Заявленная цель – заблаговременная подготовка к потенциально возможному появлению таких вирусов в природе.

По оценкам специалистов, включая членов Национального научно-консультативного совета по биобезопасности США (NSABB), такие работы представляют собой исследования двойного назначения. Их результат – создание патогенов, чей случайный или преднамеренный выход за пределы лабораторий угрожает человечеству по типу пандемии COVID-19. У человека нет необходимого иммунитета, а у государств – методов и средств борьбы. Подобная деятельность похожа на прикрываемое благими намерениями проведение запрещенных КБТО работ в области создания биологического оружия.

Соединенные Штаты сегодня блокируют принятие эффективного механизма, который обеспечил бы верификацию исполнения государствами положений Конвенции. Имеются у американской стороны и серьёзные системные проблемы с организацией безопасности работ с особо опасными патогенами. При этом США обвиняют в нарушении Конвенции другие страны.

Следует сказать о масштабном сборе данных о действиях государств и населения в условиях пандемии. В рамках Консорциума высокопроизводительных вычислений для борьбы с COVID-19 и других аналогичных инициатив американский ИТ-сектор получил возможность собрать разнообразную информацию о направлении, успешности исследований ряда государств в области борьбы со вспышками инфекционных заболеваний. Это позволяет оценить научно-технический и производственный потенциал и эффективность системы реагирования государств на внезапно появившуюся биологическую угрозу – от природного патогена до применения биологического оружия.

Необходимо отметить, что в декабре 2020 г. советник министра обороны России А. Ильницкий в рамках круглого стола в Совете Федерации отметил (выражая личное экспертное мнение, а не позицию ведомства), что при применении биологического оружия сначала применяется «не вирус-убийца. Это вирус, основной показатель которого и боевое действие которого – вирулентность. Он должен разбалансировать системы здравоохранения противника, а уже после него запускаются обычно вирусы-убийцы» [*Ильницкий* 2020].

Сегодня очевидно, что с разбалансировкой систем здравоохранения многих стран COVID-19 справился полностью. В мае 2020 г., когда нынешняя пандемия набирала силу, зазвучали заявления западных специалистов, что это только начало. Полученный ИТ-индустрией опыт понадобится в борьбе со следующей, «которая, по мнению некоторых ученых, произойдет в не слишком отдаленном будущем» [insideHPC 2020[q]]. Что это? Попытка индустрии сохранить красивую мину при плохой игре на фоне слабых реальных успехов? Удивительная прозорливость, как у Б. Гейтса, предсказавшего еще в 2015 г. пандемию респираторно-вирусного заболевания? [*Гейтс* 2015]. Или что-то еще? В любом случае, западные прогнозы относительно следующих пандемий хорошо коррелируют с предостережениями Ильницкого.

Политика и деятельность США в области биотехнологий длительное время создает серьезные угрозы международной безопасности. COVID-19 дал им повод к практически беспрецедентному по масштабу объединению своих и иностранных ресурсов и научно-технического потенциала в области информационных и биотехнологий. Однако сейчас мировое сообщество и население уже больше года находится под высоким психологическим давлением (а то и в шоковом состоянии) из-за прямой угрозы своей жизни. Создавая сильнейший запрос на решение проблемы, одновременно в сознании людей это снижает психологический порог допустимости для действий, которые могут быть предприняты США под предлогом борьбы с инфекцией. Кумулятивный эффект от суммирования всех этих факторов непредсказуем.

В своей книге «COVID-19: великая перезагрузка» это фактически подтверждает создатель и руководитель форума в Давосе К. Шваб (K. Schwab). Он напоминает, что принятые в мире после террористической атаки 11 сентября 2001 г. меры безопасности до нее «считались крайними, но сегодня они применяются повсеместно и считаются нормальными» [*Schwab*, *Malleret.* 2020]. Нет оснований полагать, что в случае американских мер в области борьбы с COVID-19 ситуация сложится иначе. Американское руководство традиционно не любит отказываться от удобных рычагов управления (и на мировой арене, и во внутренних делах), даже если они были созданы предшественниками из другой партии.

Тем временем NSCAI предрекает, что инструменты на основе ИИ, используемые сегодня для диагностирования заболеваний, генной инженерии «станут еще бо-

лее мощными в сочетании с синтетической биологией и редактированием генов. Вместе они улучшат здоровье человека, позволив глубже изучить строительные блоки жизни и позволив быстрее открыть и изготовить более совершенные лекарства и материалы», оптимизируют его «физиологическое развитие, включая интеллект и физические характеристики». Конечная цель – раскрытие тайн мозга и его программирование с помощью ИИ [NSCAI 2021].

Если в области вирусологии метод усиления функций при «программировании» патогенов приводит к созданию опаснейших штаммов, перед которыми человечество беззащитно, то к чему может привести «усиление функций» при программировании мозга?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гейтс Б. (2015) Новая вспышка эпидемии? Мы к ней не готовы (https://www.youtube.com/watch?v=6Af6b_wyiwI).

Ильницкий А. (2020) Выступление в рамках «Круглого стола» временной комиссии СФ по защите госсуверенитета (https://www.youtube.com/watch?v=KyBRgtw84IY).

Кислицын С.В. (2020) Мир посредством силы: внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир.

МИД РФ (2014) Комментарий МИД России по докладу Госдепартамента США о соблюдении соглашений и обязательств в области контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения (1840-01-08-2014) (https://www.mid.ru/web/guest/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/675835).

RT на русском (2014) Американские ученые вывели исключительно опасный штамм гриппа (http://russian.rt.com/article/36169).

Рябков С.А. (2019) США блокируют работу над протоколом к Конвенции о биологическом оружии // ТАСС (https://tass.ru/politika/6570184).

Спирин А.С. (2004) Фундаментальная наука и проблемы биологической безопасности // Вестник Российской академии наук (http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/2004/ASPIRIN.HTM).

Barnes J. (2015) More Labs Received Live Anthrax, Pentagon Says // The Wall Street Journal (https://www.wsj.com/articles/more-labs-received-live-anthrax-pentagon-says-1433362746).

Blinde L. (2018) DARPA appoints Peter Highnam as deputy director // Intelligence Community News (https://intelligencecommunitynews.com/darpa-appoints-peter-highnam-as-deputy-director/).

Bourouiba Group (2020) (http://lbourouiba.mit.edu/).

Cohen J., Malakoff D. (2012) NSABB Members React to Request for Second Look at H5N1 Flu Studies // Science (https://www.sciencemag.org/news/ 2012/03/nsabb-members-react-request-second-look-h5n1-flu-studies).

COVID-19 HPC Consortium (2020) Who We Are (https://covid19-hpc-consortium.org/who-we-are).

Department of Defense (2015) Review Committee Report: Inadvertent Shipment of Live Bacillus anthracis Spores by DoD (https://dod.defense.gov/ Portals/1/features/2015/0615_lab-stats/Review-Committee-Report-Final.pdf).

Enserink M. (2012[a]) Fight Over Dutch H5N1 Paper Enters Endgame // Science (https://www.sciencemag.org/news/2012/04/fight-over-dutch-h5n1-paper-enters-endgame).

Enserink M. (2012[b]) Flu Researcher Ron Fouchier: 'It's a Pity That It Has to Come to This' // Science (https://www.sciencemag.org/news/2012/01/flu-researcher-ron-fouchier-its-pity-it-has-come).

Enserink M. (2011) Scientists Brace for Media Storm Around Controversial Flu Studies // Science (https://www.sciencemag.org/news 2011/11/ scientists-brace-media-storm-around-controversial-flu-studies).

Federation of American Scientists (2017) DoD Directive 3000.09 (https://fas.org/irp/doddir/dod/d3000_09.pdf).

Fink G. (2003) Biotechnology Research in an Age of Terrorism: Confronting the Dual Use Dilemma // National Academy of Sciences (https://www.nap.edu/resource/biotechnology_research/0309089778.pdf).

Fouchier R., Kawaoka Y., Cardona C., Compans R., García-Sastre A., Govorkova E., Guan Y., Herfst S., Orenstein W., Peiris M., Perez D., Richt J., Russell C., Schultz-Cherry S., Smith D., Steel J., Tompkins

M., Topham D., Treanor J., Tripp R., Webby R., Webster R. (2013) Gain-of-Function Experiments on H7N9 / Letter // Science ().

Guterl F. (2020) Dr. Fauci Backed Controversial Wuhan Lab with U.S. Dollars for Risky Coronavirus Research // Newsweek (https://www.newsweek. com/dr-fauci-backed-controversial-wuhan-lab-millions-us-dollars-risky-coronavirus-research-1500741).

Hall T., Moskvitch K. (2020) Two Months In, the COVID-19 High Performance Computing Consortium Gains Traction // IBM (https://newsroom.ibm.com/index.php?s=34178&item=32082).

Hopkin M. (2004) Mice unlock mystery of Spanish flu // Nature (https://www.nature.com/news/2004/041004/full/041004-12.html).

insideBIGDATA (2020[a]) Big Data/COVID-19 News 4/26/2020 (https://insidebigdata.com/2020/04/26/big-data-covid-19-news-4-26-2020/).

insideBIGDATA (2020[b]) Big Data/COVID-19 News 5/16/2020 (https://insidebigdata.com/2020/05/16/big-data-covid-19-news-5-14-2020/).

insideBIGDATA (2020[c]) Big Data/COVID-19 News 6/1/2020 (https://insidebigdata.com/2020/06/01/big-data-covid-19-news-6-1-2020/).

insideBIGDATA (2020[d]) Did Big Data Fail Us During COVID-19? (https://insidebigdata.com/2020/06/26/did-big-data-fail-us-during-covid-19/).

insideBIGDATA (2020[e]) The Data Governments are Using AI to Fight COVID-19 in Africa and Asia https://insidebigdata.com/2020/07/04/the-data-governments-are-using-ai-to-fight-covid-19-in-africa-and-asia/).

insideBIGDATA (2020[f]) Three Ways Data Scientists are Fighting COVID-19 (https://insidebigdata.com/2020/06/20/three-ways-data-scientists-are-fighting-covid-19/).

insideHPC (2020[a]) AiMOS Supercomputer at Rensselaer to Battle COVID-19 (https://insidehpc.com/2020/03/aimos-supercomputer-at-rensselaer-to-battle-covid-19/).

insideHPC (2020[b]) AMD and Penguin Computing Upgrade Corona Supercomputer to fight COVID-19 (https://insidehpc.com/2020/04/amd-and-penguin-computing-upgrade-corona-supercomputer-to-fight-covid-19/).

insideHPC (2020[c]) AMD COVID-19 HPC Fund Adds 18 Institutions and 5 Petaflops of Supercomputer Processing Power to Assist Researchers Fighting COVID-19 Pandemic (https://insidehpc.com/2020/09/amd-covid-19-hpc-fund-adds-18-institutions-and-5-petaflops-of-supercomputer-processing-power-to-assist-researchers-fighting-covid-19-pandemic/).

insideHPC (2020[d]) AMD Donates HPC Systems to fight COVID-19 (https://insidehpc.com/2020/04/amd-donates-hpc-systems-to-fight-covid-19/).

insideHPC (2020[e]) AWS Diagnostic Development Initiative to fight COVID-19 (https://insidehpc.com/2020/03/aws-diagnostic-development-initiative-to-fight-covid-19/).

insideHPC (2020[f]) D-Wave Offers Free Quantum Cloud Access for Global Response to COVID-19 (https://insidehpc.com/2020/03/d-wave-offers-free-quantum-cloud-access-for-global-response-to-covid-19/).

insideHPC (2020[g]) HPCMP Supports the Fight Against COVID-19 (https://insidehpc.com/2020/04/hpcmp-supports-the-fight-against-covid-19/).

insideHPC (2020[h]) IBM & DOE Launch COVID-19 High Performance Computing Consortium (https://insidehpc.com/2020/03/ibm-doe-launch-covid-19-high-performance-computing-consortium/).

insideHPC (2020[i]) Insilico Medicine Launches AI-powered COVIDomic for COVID-19 Research (https://insidehpc.com/2020/09/insilico-medicine-ai-powered-covidomic-for-covid-19-research/).

insideHPC (2020[j]) LLNL Researchers aid COVID-19 response in anti-viral research (https://insidehpc.com/2020/03/llnl-researchers-aid-covid-19-response-in-anti-viral-research/).

insideHPC (2020[k]) Los Alamos Stands up HPE Cray EX for COVID-19 Fight (https://insidehpc.com/2020/10/los-alamos-national-laboratory-stands-up-hpe-cray-ex-for-covid-19-fight/).

insideHPC (2020[l]) MemCPU XPC SaaS Platform available free for COVID-19 Research (https://insidehpc.com/2020/04/memcpu-xpc-saas-platform-available-free-for-covid-19-research/).

insideHPC (2020[m]) NVIDIA Gives COVID-19 Researchers Free Access Genome-sequencing software for GPUs (https://insidehpc.com/2020/03/nvidia-gives-covid-19-researchers-free-access-genome-sequencing-software-for-gpus/).

insideHPC (2020[n]) NCSA Joins Nationwide Collaboration to Combat COVID-19 (https://insidehpc.com/2020/03/ncsa-joins-nationwide-collaboration-to-combat-covid-19/).

insideHPC (2020[o]) Rescale Partners with Google Cloud and Azure to Offer Cloud HPC for COVID-19 Researchers (https://insidehpc.com/2020/03/rescale-partners-with-google-cloud-and-azure-to-offer-cloud-hpc-for-covid-19-researchers/).

insideHPC (2020[p]) SDSC makes Comet Supercomputer available for COVID-19 research (https://insidehpc.com/2020/04/sdsc-makes-comet-supercomputer-available-for-covid-19-research/).

insideHPC (2020[q]) Special Report: HPC and AI for the Era of Genomics (https://insidehpc.com/2020/05/insidehpc-special-report-hpc-and-ai-for-the-era-of-genomics/).

insideHPC (2020[r]) Video: Fighting COVID-19 with HPE's Sentinel supercomputer through the cloud (https://insidehpc.com/2020/05/video-fighting-covid-19-with-hpes-sentinel-supercomputer-through-the-cloud/).

insideHPC (2020[s]) Video: Why Supercomputers Are A Vital Tool In The Fight Against COVID-19 (https://insidehpc.com/2020/04/video-why-supercomputers-are-a-vital-tool-in-the-fight-against-covid-19/).

Krishnan R. (2020) COVID-19: The Great Artificial Intelligence Accelerator // insideBIGDATA (https://insidebigdata.com/2020/06/28/covid-19-the-great-artificial-intelligence-accelerator/).

Malakoff D. (2013) Roundup: Researchers React to Controversial H7N9 Research Proposal // Science (https://www.sciencemag.org/news/2013/08/ roundup-researchers-react-controversial-h7n9-research-proposal).

Martineau K. (2020) Marshaling artificial intelligence in the fight against Covid-19 // MIT (https://news.mit.edu/2020/mit-marshaling-artificial-intelligence-fight-against-covid-19-0519).

NIH (2014[a]) Project Information 1R01AI110964-01. Description (https://projectreporter.nih.gov/project_info_description.cfm?aid=8674931&icde=49750546).

NIH (2014[b]) Project Information 1R01AI110964-01. History (https://projectreporter.nih.gov/project_info_history.cfm?aid=8674931&icde=49750546).

NSCAI (2021) Draft Final Report (https://www.nscai.gov/2021-final-report/).

Peskoe-Yang L. (2020) IBM's New AI Tool Parses A Tidal Wave of Coronavirus Research // IEEE (https://spectrum.ieee.org/news-from-around-ieee/the-institute/ieee-member-news/ibms-new-ai-tool-parses-a-tidal-wave-of-coronavirus-research).

Pooya G. (2020) Supercomputers vs Superviruses: Why Tech is Our Best Hope in the Coronavirus Pandemic // insideBIGDATA (https://insidebigdata.com/2020/04/03/supercomputers-vs-superviruses-why-tech-is-our-best-hope-in-the-coronavirus-pandemic/).

Ringes M. (2020) IBM Offering Free Access to Patent Portfolio to Combat COVID-19 // IBM (https://www.ibm.com/blogs/research/2020/04/IBM-patent-portfolio-access-combat-covid-19/).

Sample I. (2012) Bird flu: how two mutant strains led to an international controversy // The Guardian (https://www.theguardian.com/world/2012/ mar/28/bird-flu-mutant-strains).

Sample I. (2011) US government urges scientists to censor findings on new strain of bird flu // The Guardian (https://www.theguardian.com/world/ 2011/dec/21/bird-flu-mutation-nationa-security).

Schwab K., Malleret T. (2020) COVID-19: The Great Reset (https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf).

XSEDE (2020) COVID-19 HPC Consortium (https://www.xsede.org/covid19-hpc-consortium).

Young A. (2015) Congress questions oversight of biolab safety at hearing // USA TODAY https://www.usatoday.com/story/news/2015/07/28/congress-questions-oversight-biolab-safety-hearing/30765261/).

REFERENCES

Barnes J. (2015) More Labs Received Live Anthrax, Pentagon Says. *The Wall Street Journal* (https:.www.wsj.com/articles/more-labs-received-live-anthrax-pentagon-says-1433362746).

Blinde L. (2018) DARPA appoints Peter Highnam as deputy director. *Intelligence Community News* (https:.intelligencecommunitynews.com/darpa-appoints-peter-highnam-as-deputy-director/).

Bourouiba Group (2020) (http:.lbourouiba.mit.edu/).

Cohen J., Malakoff D. (2012) NSABB Members React to Request for Second Look at H5N1 Flu Studies. *Science* (https:.www.sciencemag.org/ news/2012/03/nsabb-members-react-request-second-look-h5n1-flu-studies).

COVID-19 HPC Consortium (2020) *Who We Are* (https:.covid19-hpc-consortium.org/who-we-are).

Department of Defense (2015) Review Committee Report: Inadvertent Shipment of Live Bacillus anthracis Spores by DoD (https:.dod.defense.gov/Portals/1/features/2015/0615_lab-stats/Review-Committee-Report-Final.pdf).

Enserink M. (2012[a]) Fight Over Dutch H5N1 Paper Enters Endgame. *Science* (https:.www.sciencemag.org/news/2012/04/fight-over-dutch-h5n1-paper-enters-endgame).

Enserink M. (2012[b]) Flu Researcher Ron Fouchier: 'It's a Pity That It Has to Come to This'. *Science* (https:.www.sciencemag.org/news/2012/01/flu-researcher-ron-fouchier-its-pity-it-has-come).

Enserink M. (2011) Scientists Brace for Media Storm Around Controversial Flu Studies. *Science* (https:.www.sciencemag.org/news/ 2011/11/scientists-brace-media-storm-around-controversial-flu-studies).

Federation of American Scientists (2017) DoD Directive 3000.09 (https:.fas.org/irp/doddir/dod/d3000_09.pdf).

Fink G. (2003) Biotechnology Research in an Age of Terrorism: Confronting the Dual Use Dilemma. *National Academy of Sciences* (https:.www.nap.edu/resource/biotechnology_research/0309089778.pdf).

Fouchier R., Kawaoka Y., Cardona C., Compans R., García-Sastre A., Govorkova E., Guan Y., Herfst S., Orenstein W., Peiris M., Perez D., Richt J., Russell C., Schultz-Cherry S., Smith D., Steel J., Tompkins M., Topham D., Treanor J., Tripp R., Webby R., Webster R. (2013) Gain-of-Function Experiments on H7N9 / Letter. *Science* (https:.science.sciencemag.org/content/341/6146/612).

Gates B. (2015) *Novaya vspyshka ehpidemii? My k nej ne gotovy* [Another outbreak of the epidemic? We are not ready for it] (https:.www.youtube.com/watch?v=6Af6b_wyiwI).

Guterl F. (2020) Dr. Fauci Backed Controversial Wuhan Lab with U.S. Dollars for Risky Coronavirus Research. *Newsweek* (https:.www.newsweek.com/ dr-fauci-backed-controversial-wuhan-lab-millions-us-dollars-risky-coronavirus-research-1500741).

Hall T., Moskvitch K. (2020) Two Months In, the COVID-19 High Performance Computing Consortium Gains Traction. *IBM* (https:newsroom.ibm. com/index.php?s=34178&item=32082).

Hopkin M. (2004) Mice unlock mystery of Spanish flu. *Nature* (https:.www.nature.com/news/2004/041004/full/041004-12.html).

Ilnitskiy A. (2020) *Vistuplenie v ramkah «Kruglogo stola» vremennoy komissii SF po zaschite gossuvereniteta*. Zapis' translyatsii 15.12.2020 goda [Speech at the "Round Table" of the temporary commission of the Federation Council for the protection of state sovereignty. Recording of the broadcast on 15.12.2020] (https:.www.youtube.com/watch?v=KyBRgtw84IY).

insideBIGDATA (2020[a]) *Big Data/COVID-19 News.* 4/26/2020 (https:.insidebigdata.com/2020/04/26/big-data-covid-19-news-4-26-2020/).

insideBIGDATA (2020[b]) *Big Data/COVID-19 News*. 5/16/2020 (https:.insidebigdata.com/2020/05/16/big-data-covid-19-news-5-14-2020/).

insideBIGDATA (2020[c]) *Big Data/COVID-19 News.* 6/1/2020 (https:.insidebigdata.com/2020/06/01/big-data-covid-19-news-6-1-2020/).

insideBIGDATA (2020[d]) *Did Big Data Fail Us During COVID-19?* (https:.insidebigdata.com/2020/06/26/did-big-data-fail-us-during-covid-19/).

insideBIGDATA (2020[e]) *The Data Governments are Using AI to Fight COVID-19 in Africa and Asia* (https:.insidebigdata.com/2020/07/04/the-data-governments-are-using-ai-to-fight-covid-19-in-africa-and-asia/).

insideBIGDATA (2020[f]) *Three Ways Data Scientists are Fighting COVID-19* (https:.insidebigdata.com/2020/06/20/three-ways-data-scientists-are-fighting-covid-19/).

insideHPC (2020[a]) *AiMOS Supercomputer at Rensselaer to Battle COVID-19* (https:.insidehpc.com/2020/03/aimos-supercomputer-at-rensselaer-to-battle-covid-19/).

insideHPC (2020[b]) *AMD and Penguin Computing Upgrade Corona Supercomputer to fight COVID-19* (https:.insidehpc.com/2020/04/amd-and-penguin-computing-upgrade-corona-supercomputer-to-fight-covid-19/).

insideHPC (2020[c]) *AMD COVID-19 HPC Fund Adds 18 Institutions and 5 Petaflops of Supercomputer Processing Power to Assist Researchers Fighting COVID-19 Pandemic* (https:.insidehpc.com/2020/09/amd-covid-19-hpc-fund-adds-18-institutions-and-5-petaflops-of-supercomputer-processing-power-to-assist-researchers-fighting-covid-19-pandemic/).

insideHPC (2020[d]) *AMD Donates HPC Systems to fight COVID-19* (https:.insidehpc.com/2020/04/amd-donates-hpc-systems-to-fight-covid-19/).

insideHPC (2020[e]) *AWS Diagnostic Development Initiative to fight COVID-19* (https:.insidehpc.com/2020/03/aws-diagnostic-development-initiative-to-fight-covid-19/).

insideHPC (2020[f]) *D-Wave Offers Free Quantum Cloud Access for Global Response to COVID-19* (https:.insidehpc.com/2020/03/d-wave-offers-free-quantum-cloud-access-for-global-response-to-covid-19/).

insideHPC (2020[g]) *HPCMP Supports the Fight Against COVID-19* (https:.insidehpc.com/2020/04/hpcmp-supports-the-fight-against-covid-19/).

insideHPC (2020[h]) *IBM & DOE Launch COVID-19 High Performance Computing Consortium* (https:.insidehpc.com/2020/03/ibm-doe-launch-covid-19-high-performance-computing-consortium/).

insideHPC (2020[i]) *Insilico Medicine Launches AI-powered COVIDomic for COVID-19* Research (https:.insidehpc.com/2020/09/insilico-medicine-ai-powered-covidomic-for-covid-19-research/).

insideHPC (2020[j]) *LLNL Researchers aid COVID-19 response in anti-viral research* (https:.insidehpc.com/2020/03/llnl-researchers-aid-covid-19-response-in-anti-viral-research/).

insideHPC (2020[k]) *Los Alamos Stands up HPE Cray EX for COVID-19 Fight* (https:.insidehpc.com/2020/10/los-alamos-national-laboratory-stands-up-hpe-cray-ex-for-covid-19-fight/).

insideHPC (2020[l]) *MemCPU XPC SaaS Platform available free for COVID-19 Research* (https:.insidehpc.com/2020/04/memcpu-xpc-saas-platform-available-free-for-covid-19-research/).

insideHPC (2020[m]) *NVIDIA Gives COVID-19 Researchers Free Access Genome-sequencing software for GPUs* (https:.insidehpc.com/2020/03/nvidia-gives-covid-19-researchers-free-access-genome-sequencing-software-for-gpus/).

insideHPC (2020[n]) *NCSA Joins Nationwide Collaboration to Combat COVID-19* (https:.insidehpc.com/2020/03/ncsa-joins-nationwide-collaboration-to-combat-covid-19/).

insideHPC (2020[o]) *Rescale Partners with Google Cloud and Azure to Offer Cloud HPC for COVID-19 Researchers* (https:.insidehpc.com/ 2020/03/rescale-partners-with-google-cloud-and-azure-to-offer-cloud-hpc-for-covid-19-researchers/).

insideHPC (2020[p]) *SDSC makes Comet Supercomputer available for COVID-19 research* (https:.insidehpc.com/2020/04/sdsc-makes-comet-supercomputer-available-for-covid-19-research/).

insideHPC (2020[q]) *Special Report: HPC and AI for the Era of Genomics* (https:.insidehpc.com/2020/05/insidehpc-special-report-hpc-and-ai-for-the-era-of-genomics/).

insideHPC (2020[r]) *Video: Fighting COVID-19 with HPE's Sentinel supercomputer through the cloud* (https:.insidehpc.com/2020/05/video-fighting-covid-19-with-hpes-sentinel-supercomputer-through-the-cloud/).

insideHPC (2020[s]) *Video: Why Supercomputers Are A Vital Tool In The Fight Against COVID-19* (https:.insidehpc.com/2020/04/video-why-supercomputers-are-a-vital-tool-in-the-fight-against-covid-19/).

Kislitsyn S.V. (2020) *Mir posredstvom sily: vneshnepoliticheskaya ideologiya i praktika amerikanskogo neokonservatizma* [Peace through Strength: Foreign Policy Ideology and Practice of American Neoconservatism]. IMEhMO RAN. Moscow: Ves' Mir.

Krishnan R. (2020) COVID-19: The Great Artificial Intelligence Accelerator. *insideBIGDATA* (https:.insidebigdata.com/2020/06/28/covid-19-the-great-artificial-intelligence-accelerator/).

Malakoff D. (2013) Roundup: Researchers React to Controversial H7N9 Research Proposal. *Science* (https:.www.sciencemag.org/news/2013/08/roundup-researchers-react-controversial-h7n9-research-proposal).

Martineau K. (2020) Marshaling artificial intelligence in the fight against Covid-19. *MIT* (https:.news.mit.edu/2020/mit-marshaling-artificial-intelligence-fight-against-covid-19-0519).

MID RF (2014) *Kommentarij MID Rossii po dokladu Gosdepartamenta SShA o soblyudenii soglashenij i obyazatel'stv v oblasti kontrolya nad vooruzheniyami, nerasprostraneniya i razoruzheniya* (1840-01-08-2014) [The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation commentary on US Department of State report on compliance with agreements and obligations in the field of arms control, non-proliferation and disarmament] (https:.www.mid.ru/ web/guest/maps/us-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/ content/id/675835).

NIH (2014[a]) Project Information 1R01AI110964-01. Description (https:.projectreporter.nih.gov/project_info_description.cfm?aid=8674931&icde=49750546).

NIH (2014[b]) Project Information 1R01AI110964-01. History (https:.projectreporter.nih.gov/project_info_history.cfm?aid=8674931&icde=49750546).

NSCAI (2021) Draft Final Report (https:.www.nscai.gov/2021-final-report/).

Peskoe-Yang L. (2020) IBM's New AI Tool Parses A Tidal Wave of Coronavirus Research. *IEEE* (https:.spectrum.ieee.org/news-from-around-ieee/the-institute/ieee-member-news/ibms-new-ai-tool-parses-a-tidal-wave-of-coronavirus-research).

Pooya G. (2020) Supercomputers vs Superviruses: Why Tech is Our Best Hope in the Coronavirus Pandemic. *insideBIGDATA* (https:.insidebigdata.com/ 2020/04/03/supercomputers-vs-superviruses-why-tech-is-our-best-hope-in-the-coronavirus-pandemic/).

Ringes M. (2020) IBM Offering Free Access to Patent Portfolio to Combat COVID-19. *IBM* (https:. www.ibm.com/blogs/research/2020/04/IBM-patent-portfolio-access-combat-covid-19/).

RT na russkom (2014) *Amerikanskie uchyonye vyveli isklyuchitel'no opasnyj shtamm grippa* [American scientists have bred an exceptionally dangerous strain of influenza] (http:.russian.rt.com/article/36169).

Ryabkov S.A. (2019): SShA blokiruyut rabotu nad protokolom k Konventsii o biologicheskom oruzhii [The US is blocking work on a protocol to the Biological Weapons Convention]. *TASS* (https:.tass.ru/ politika/6570184).

Sample I. (2012) Bird flu: how two mutant strains led to an international controversy. *The Guardian* (https:.www.theguardian.com/world/2012/mar/28/bird-flu-mutant-strains).

Sample I. (2011) US government urges scientists to censor findings on new strain of bird flu. *The Guardian* (https:.www.theguardian.com/world/ 2011/dec/21/bird-flu-mutation-nationa-security).

Schwab K., Malleret T. (2020) *COVID-19: The Great Reset* (https:.straight2point.info/wp-content/ uploads/2020/08/COVID-19_-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf).

Spirin A.S. (2004) Fundamental'naya nauka i problemy biologicheskoj bezopasnosti [Fundamental science and biological safety problems]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* (http:.vivovoco.astronet.ru/VV/ JOURNAL/ VRAN/2004/ASPIRIN.HTM).

XSEDE (2020) *COVID-19 HPC* Consortium (https:.www.xsede.org/ covid19-hpc-consortium).

Young A. (2015) Congress questions oversight of biolab safety at hearing. *USA TODAY* (https:www. usatoday.com/story/news/2015/07/28/congress-questions-oversight-biolab-safety-hearing/30765261/).

Информация об авторе

Селянин Ярослав Владиславович, научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: yaroslav.selyanin@yandex.ru

About the author

Yaroslav V. Selyanin, Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 23 Profsoyuznaya, Moscow 117997. E-mail: yaroslav.selyanin@ yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 09.03.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 29.03.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 07.04.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 2. С. 53–65
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 2, pp. 53–65

DOI: 10.31857/S086904990014921-5

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА
WORLD ECONOMY

Оригинальная статья / Original Article

Климатический поворот США: цели и средства

© С.А. РОГИНКО

Рогинко Сергей Анатольевич, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия), Финансовый Университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), roginko@bk.ru

Предмет статьи – инициативы новой администрации США в области изменения климата и национальной климатической политики. Автор исследует основные положения климатической политики администрации Дж. Байдена и анализирует влияние этой политики на позицию США по обязательствам стран в рамках Парижского соглашения. Выявлены принципиально новые моменты: постановка климатической повестки во главу угла внутренней и внешней политики и политики безопасности США. Исследуются организационные нововведения и управленческие решения, внедряемые для реализации климатической политики нового типа, показана их связь с назначениями в администрации и руководстве ведущих федеральных министерств и ведомств, резко повысивших климатические компетенции руководящих кадров. Дан прогноз направлений наибольшей активности США по линии климатической дипломатии и связанных с этим рисков и вызовов для России.

Ключевые слова: выбросы парниковых газов, климатическая политика, Парижское соглашение, РКИК ООН (Рамочная Конвенция ООН об изменении климата), исполнительный указ, экзистенциальная угроза, климатическая повестка, институционально-правовая основа, организационные структуры, национальная безопасность.

Для цитирования: Рогинко С.А. (2021) Климатический поворот Америки // Общественные науки и современность. №2 С. 53–65. DOI: 10.31857/S086904990014921-5

America's Climate Turn: Goals and Means

© S.A. ROGINKO

Sergey A. Roginko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Financial University of the Government of Russian Federation (Moscow, Russia), roginko@bk.ru

Abstract. The article deals with the initiatives of the new US administration in climate change and national climate policy. The author analyzes in detail the main provisions of the Biden administration's climate policy and analyzes the impact of this policy on the US position on the countries' obligations under

the Paris Agreement. New issues have been identified, including domination of the climate agenda in the US domestic and foreign policy and security policy. The article examines organizational innovations and management solutions designed to implement a new type of climate policy, and shows their connection with personnel changes in the administration and management of leading federal ministries and departments, which have dramatically increased the climate competence of senior personnel. The forecast of the directions of the unprecedented activity of the United States in the field of climate diplomacy and the associated risks and challenges for Russia is given.

Keywords: Greenhouse Gas Emissions, climate policy, Paris Agreement, United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC), existential threat, executive order, climate agenda, institutional and legal framework, organizational structures, national security.

For Citation: Roginko S. (2021) America's Climate Turn: Goals and Means. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 2, pp. 53–65. DOI: 10.31857/S086904990014921-5 (In Russ.).

19 февраля 2021 г. стало официальной датой возврата Соединенных Штатов в статус полноправной Стороны Парижского климатического соглашения. Вся процедура, в полном соответствии с правилами, заняла всего один месяц – в отличие от инициированного Д. Трампом выхода США из Соглашения, растянувшегося на целых три года. Тем самым США на своем примере подтвердили тот факт, что в Парижское соглашение вступить легко – выйти из него значительно трудней.

С целью сразу обозначить особую важность климатической тематики, Дж. Байден подписал исполнительный указ (Executive Order) о возвращении Штатов в Соглашение 20 января с.г., сразу после инаугурации. Тогда же были подписаны еще два исполнительных указа, напрямую относящиеся к климатической повестке. Спустя всего неделю, 27 января, были подписаны еще три исполнительных указа, касающиеся климатической тематики.

Такой взрывной активности по отдельно взятой проблеме Америка не видела, пожалуй, со времен Карибского кризиса; но бросающаяся в глаза поспешность действий не сказалась (редкий по нынешним временам случай) на уровне проработанности и связности текстов. Внимательный анализ указов Байдена убеждает, что их составляли не в суматохе инаугурационных дней - в ход пошли тщательно разработанные заготовки квалифицированных экспертов, знающих толк в государственном управлении и во внешней политике. Фактически этими указами заново сформирована вся концептуальная, институционально-правовая и организационно-структурная основа климатической политики Соединенных Штатов.

Байден: изменение климата как экзистенциальная угроза

В чем новизна подхода, заложенного в эти системообразующие документы, главный из которых, на наш взгляд, – подписанный 27 января Исполнительный указ о борьбе с климатическим кризисом в стране и за рубежом [Executive Order…]? Прежде всего – в небывало высоком приоритете, отданном климатической повестке. Назвав изменение климата «экзистенциальной угрозой», Байден по сути сделал тему климата главной для всей американской политики. Он провозгласил «общегосударственный подход к тому, чтобы поставить изменение климата в центр нашей внутренней, национальной безопасности и внешней политики» [Remarks by President Biden]. Случай беспрецедентен не только в американской, но и в мировой практике: климатической повестке дан сверхвысокий статус и приоритет над остальными направлениями деятельности администрации США. Отныне вся внутренняя и внешняя политика, а также политика безопасности должны строиться

вокруг проблемы, существование которой не до конца доказано, причины не полностью выявлены и эффекты, возможно, проявятся лет через 80 (по модельным прогнозам, достоверность, как минимум, сомнительна).

Вторая очевидная новинка: системность подхода к вопросу. Команда Байдена не ограничилась броскими декларациями о намерениях и разработала достаточно четкую систему. Главная ее идея – подчинение всего государственного аппарата императивам климатической повестки. Проработку явно вели эксперты на уровне топ-лиц из бизнес-школ университетов «Лиги плюща». Используя весь методологический аппарат американской школы менеджмента, были прописаны новые «климатические» вертикали и горизонтали власти, «климатический» функционал действующих структур и новых формирований, предложены схемы распределения прав, полномочий и ответственности между ними, описаны методы координации работы ведомств.

Предусмотрены два независимых координирующих контура: по внутренней климатической политике и по внешней климатической политике. Контур внутренней политики замыкается на созданную 27 января 2021 г. «суперструктуру» – Управление внутренней климатической политики (Climate Policy Office) при администрации президента. Руководитель этой структуры наделен двойным высоким статусом – помощника президента и Национального советника по климату (National Climate Advisor). Права и функции, которыми располагает новое Управление, тоже неординарны по объему и характеру. В частности, оно:

– координирует процесс выработки внутренней климатической политики;

– консультирует президента по данным вопросам;

– обеспечивает соответствие решений и программ внутренней климатической политики заявленным президентом целям и эффективное их достижение;

– контролирует выполнение внутренней повестки президента в области климатической политики [Executive Order].

Напрашивается вывод о том, что в одном подразделении Белого дома сконцентрированы такие разнохарактерные функции, как аналитическое обеспечение, разработка политики, координация ее выполнения и контроль над выполнением. Об эффективности подобного совмещения функций можно спорить, но пока для их выполнения Управлению дан карт-бланш на набор любой численности персонала. Кроме того, выделено финансирование и предусмотрена иная помощь для решения поставленных перед ним задач. Федеральным органам и учреждениям вменена обязанность сотрудничать с Управлением и предоставлять ему ту информацию, поддержку и помощь, которую оно может запросить.

«Вся президентская рать»

Американские ведомства, чтобы «сотрудничество с Управлением» не оказалось для них чистым ритуалом, были поставлены в жесткие рамки новой координирующей структуры – Национальной целевой группы по климату (National Climate Task Force), возглавляемой руководителем Управления – Национальным советником по климату. Состав Целевой группы впечатляет: в нее входят, в частности, министр финансов, министр обороны, Генеральный прокурор, министр внутренних дел, министр сельского хозяйства, министр торговли, министр труда, министр здравоохранения и социальных служб, министр жилищного строительства и городского развития, министр транспорта, министр энергетики, министр внутренней безопасности, председатель Совета по качеству окружающей среды, руководитель Агентства по охране окружающей среды, директор Административно-бюджетного управления Белого дома, директор Управления научно-технической политики Белого дома, помощник президента по внутренней политике, помощник президента по вопросам

национальной безопасности, помощник президента по вопросам национальной безопасности и борьбы с терроризмом, помощник президента по экономической политике.

Трудно назвать в федеральной власти США какую-либо ключевую во внутренней и экономической политике фигуру, не включенную в этот список: похоже, задействованы все. Обращает на себя внимание, что ведомства, упомянутые в списке, представлены исключительно первыми лицами – ни одного заместителя или руководителя более низкого ранга. Вся «королевская рать» мобилизована на кластер задач, связанных с организацией и внедрением провозглашенного Байденом «общегосударственного подхода к борьбе с климатическим кризисом». Ее функционал охватывает, в частности:

– планирование и исполнение ключевых федеральных мер по сокращению загрязнения климата;

– повышение устойчивости к последствиям изменения климата;

– защиту здоровья населения;

– сохранение земель, вод, океанов и биоразнообразия;

– обеспечение т.н. экологической справедливости;

– стимулирование хорошо оплачиваемых рабочих мест в профсоюзах и экономического роста [Executive Order].

Адресаты разрабатываемых Целевой группой политик и мер многообразны. Членам группы вменяется «уделять приоритетное внимание мерам по борьбе с изменением климата при разработке политики и бюджета (в своих ведомствах), в контрактах и закупках, а также во взаимодействии с государственными, местными, племенными и территориальными правительствами, рабочими и общинами и лидерами во всех секторах экономики». Климатическая повестка становится средством влияния федеральной власти на органы власти штатов, местные администрации, профсоюзы, корпорации и иные субъекты экономики. Целевой группе отведена роль инструмента «сквозного» подхода в продвижении климатических приоритетов, целей и задач в процессы целеполагания и исполнения задач на уровне всех институтов и структур, связанных с внутренней, экономической, социальной и экологической политикой в США.

Разумеется, при всей важности включения высших руководителей министерств эффективность работы в области климатической политики вряд ли возможно обеспечить только их личным участием в Целевой группе. Необходима соответствующая перестройка задач и перекройка структур подчиненных им ведомств. Указами Байдена предусмотрено и это: ведомствам «спущен» новый «климатический» функционал, предписано создание новых подразделений аппарата управления и координирующих органов: советов, рабочих групп и т.д. Например, только одному министерству здравоохранения и социальных служб приказано создать:

– Управление по вопросам изменения климата и справедливости в области здравоохранения (Office of Climate Change and Health Equity);

– Межведомственную рабочую группу по снижению риска изменения климата для детей, пожилых людей, инвалидов и уязвимых групп населения (Interagency Working Group to Decrease Risk of Climate Change to Children, the Elderly, People with Disabilities, and the Vulnerable);

– Консультативный совет по готовности системы здравоохранения (Health Care System Readiness Advisory Council) [Executive Order].

Аналогичные шаги предусмотрены и для других ведомств, однако формат статьи не позволяет описать их детально. Стоит лишь отметить такую принципиально новую структуру, как Гражданский климатический корпус (Civilian Climate Corps), создание которого поручено министру внутренних дел (Secretary of the Interior) в сотрудничестве с министром сельского хозяйства и руководителями других ведомств. Задачей Корпуса станет «мобилизация следующего поколения работников по охране природы и повышению

устойчивости» [Executive Order]. Эта инициатива демонстрирует, что не забыта и молодежь: дело подготовки и индоктринации новых поколений климатических алармистов отдано в руки МВД и обеспечено адекватным финансированием.

Военно-политический климат

Обратимся к другому координирующему контуру – по внешней климатической политике. Он заземлен на еще одну вновь созданную позицию высшего ранга – Специального посланника президента по климату (Special Presidential Envoy for Climate) со статусом члена Совета национальной безопасности. Для этого нового игрока создан аппарат в Белом доме, но аналог Целевой группы по климату не предусмотрен. Впрочем, это понятно: если организацию внутренней климатической политики в США на уровне руководства страны пришлось налаживать практически «с нуля», то во внешнеполитической деятельности давно сложились каналы и процедуры координации профильных ведомств. Ведущую роль в ней традиционно играл Совет национальной безопасности. Текущую работу обеспечивали соответствующие подразделения и позиции «климатических» переговорщиков (Climate Change Negotiators, International Carbon Markets Negotiators), которые не первый год существуют в Госдепартаменте, Министерстве энергетики, Агентстве по окружающей среде. Сложившуюся систему было решено укрепить новыми правами и полномочиями, включая координирующие права Специального посланника Президента по климату. Одновременно был расширен круг задач для профильных и смежных ведомств и подкреплен соответствующим финансированием.

Задача внешней климатической политики сформулирована в указе Байдена следующим образом: «Обеспечить, чтобы соображения изменения климата занимали центральное место во внешней политике и национальной безопасности Соединенных Штатов» [Executive Order]. Предусмотрено, в частности, что федеральные ведомства и агентства, участвующие в международной работе, представляют президенту стратегии и планы включения климатических соображений в свою международную работу в соответствии с применимым законодательством. Эти стратегии и планы должны включать следующие оценки:

– воздействие климата, имеющее отношение к стратегиям каждого агентства в конкретных странах или регионах;

– воздействие климата на управляемую соответствующим агентством инфраструктуру за рубежом (например, посольства, военные объекты)

а также предложения:

– о мерах каждого агентства по управлению такими воздействиями и по снижению рисков, в т.ч. по интеграции этих мер в свои генеральные планы деятельности;

– о направлениях международной работы каждого агентства в области климатической повестки, включая взаимодействие с партнерами [Executive Order].

Задачи были поставлены и силовым ведомствам. В частности, директору Национальной разведки США поручено подготовить Оценку национальной разведки о последствии изменения климата для национальной и экономической безопасности. Министру обороны совместно с руководителями соответствующих ведомств приказано провести более детальный анализ климатических рисков для безопасности с использованием математических моделей, имитационного моделирования, штабных игр и другого аналитического инструментария.

Не забыт и Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ). Совместно с министерством обороны ему дано поручение учитывать последствия изменения климата при разработке следующих стратегических документов: Национальная стратегия обороны, Руководство по планированию обороны, Оценки рисков председателя ОКНШ и других стратегических, плановых и программных документов и процессов. С января

2022 г. министр обороны и председатель ОКНШ должны представлять через Совет национальной безопасности ежегодную обновленную информацию по включению вопросов изменения климата в эти документы и процессы.

Аналогичная задача ввести климатическую повестку в стратегические, плановые и программные документы, а также в текущую деятельность поставлена и министерству внутренней безопасности (с тем же сроком представления регулярной отчетности в Совет национальной безопасности с января 2022 г.). Министерству обозначена проблематика изменения климата в Арктике. Речь идет как о работе по приграничной арктической зоне США, так и о туманно определенной цели реализации в арктическом регионе «национальных важнейших функций». (Что стоит за этим термином – нетрудно разгадать, если помнить о давних надеждах Вашингтона на потепление в арктических морях, которое, как предполагают вашингтонские стратеги, обеспечит ВМФ США свободный доступ в регион.) Упомянуто и о соответствующих поручениях президента США разведывательному сообществу (разумеется, без деталей) – короче говоря, в стороне не остался никто.

Задачи и инструменты

Какие первоочередные задачи поставлены перед новым военно-дипломатическим климатическим истеблишментом? Самый простой ответ содержится в упомянутом указе Байдена: «Соединенные Штаты будут в приоритетном порядке настаивать на усилении климатических амбиций и интеграции климатических соображений в широкий круг международных форумов» [Executive Order]. Таким образом, сразу обозначаются два основных объекта воздействия:

– суверенные страны (климатические амбиции которых стремятся подогреть США);

– международные организации (форумы), в задачи и функционал которых предполагается интегрировать климатическую повестку.

В числе международных организаций (форумов), на которые предполагается оказать влияние, приведены следующие: «Большая семерка» (G7), «Большая двадцатка» (G20), организации и форумы, профилированные по чистой энергетике, авиации, судоходству, Арктике, океану, устойчивому развитию, миграции и другим вопросам. Специальному посланнику президента по климату и другим ответственным сотрудникам рекомендовано поощрять новаторские подходы, включая международные многосторонние инициативы. К продвижению климатической дипломатии Соединенных Штатов будут привлечены администрации штатов, городов, племена индейцев и других национальных «стейкхолдеров»: администрация Байдена намерена активно работать с ними.

Разумеется, США как член международных организаций и участник форумов может вполне легитимно продвигать свои инициативы в их рамках – это обычная практика. Сложнее обстоит с так называемыми климатическими амбициями: под ними подразумевают прежде всего обязательства суверенных стран в рамках Парижского соглашения. Его базисный принцип – право суверенных государств самостоятельно и добровольно определять свои обязательства с учетом своей социально-экономической ситуации. Любые действия, вступающие в противоречие с этим положением Соглашения, однозначно трактуются как нелегитимные с точки зрения международного права.

Впрочем, эти соображения не смущают Вашингтон. В упомянутом президентском указе без обиняков заявлено: «Соединенные Штаты будут работать с другими странами и партнерами как на двусторонней, так и на многосторонней основе, чтобы вывести мир на устойчивый климатический путь. Соединенные Штаты также будут быстро наращивать устойчивость как внутри страны, так и за рубежом» [Executive Order]. Под эвфемизмом «устойчивость» понимаются все те же обязательства суверенных стран, и прежде всего, в области сокращения выбросов парниковых газов.

Какие действия намерены для этого предпринять США и какой инструментарий предполагают использовать, чтобы добиться от других стран повышения «климатических амбиций»?

Во-первых, Соединенные Штаты намерены увлечь мировое сообщество собственным примером, разработав новые национальные обязательства в соответствии с Парижским соглашением. Пока с нынешними обязательствами, принятыми при Обаме, возникает немало проблем из-за произвольно выбранного базового года. Так, вместо принятого в РКИК ООН в качестве базы 1990 г. США в то время решили отсчитывать свои обязательства от 2005 г. Сокращения планировались к 2030 г. на уровне 26% от базового года; относительно же 1990 г. американские обязательства выглядят намного скромнее: запланированные сокращения составят всего минус 11,1%. Какие новые обязательства представит администрация Байдена и как они будут смотреться в сравнении, например, с обязательствами ЕС (минус 55% в 2030 г. относительно 1990 г.)? От этого во многом зависит успех новой внешней климатической политики Штатов. Пока что фигурирующие в прессе цифры в пределах минус 40% от 1990 г. не впечатляют [*Рогинко* 2021[a]].

Понимая это, администрация Байдена сделала упор на главный американский аргумент – деньги. Указом предусмотрена незамедлительная разработка Плана климатического финансирования. Речь идет об активизации многосторонних и двусторонних каналов помощи развивающимся странам, используя все американские финансовые и международные институты, учреждения и службы. Цель – добиться принятия этими странами амбициозных мер по сокращению выбросов и отказа от высокоуглеродных инвестиций (то есть от экономически выгодных проектов с использованием ископаемого топлива). Разработка плана поручена Государственному секретарю и министру финансов США в координации со Специальным посланником президента по климату. Предусмотрено участие Агентства Соединенных Штатов по международному развитию (USAID), Международной финансовой корпорации развития Соединенных Штатов (DFC), Корпорации «Вызов тысячелетия» (Millennium Challenge), Агентства Соединенных Штатов по торговле и развитию (United States Trade and Development Agency), Административно-бюджетного управления Белого дома и всех остальных агентств, предоставляющих иностранную помощь и финансирование развития.

Особая ответственность в данном вопросе предсказуемо возложена на министерство финансов. В частности, министру финансов поручено:

– обеспечить присутствие и участие Соединенных Штатов в соответствующих международных форумах и институтах, занимающихся вопросами управления финансовыми рисками, связанными с климатом;

– разработать стратегию использования голоса Соединенных Штатов в международных финансовых учреждениях, включая Группу Всемирного банка и Международный валютный фонд, для содействия программам финансирования, пакетам экономических стимулов и инициативам по облегчению бремени задолженности, которые согласуются с целями Парижского соглашения и поддерживают их;

– разработать в сотрудничестве с Государственным секретарем, администратором USAID и главным исполнительным директором DFC план содействия защите тропических лесов Амазонки и других критических экосистем, которые служат глобальными поглотителями углерода, в том числе с помощью рыночных механизмов [Executive Order].

Задачи в деле перекройки мировой энергетики под предлогом климатической проблемы поставлены и перед министерством энергетики. В частности, министр энергетики уполномочен в сотрудничестве с Государственным секретарем и главами других профильных учреждений определять шаги по активизации международного сотрудничества с целью стимулировать инновации и внедрение чистых энергетических технологий, имеющих решающее значение для защиты климата. Предусмотрена и специальная схема действий против углеродной энергетики, а именно: согласованные меры Госдепартамента,

министерства финансов и министерства энергетики совместно с Экспортно-импортным банком Соединенных Штатов, корпорацией DFC и другими учреждениями. Их руководители, в зависимости от обстоятельств, должны определять шаги, с помощью которых США могут содействовать прекращению международного финансирования углеродоемкой энергетики на основе ископаемого топлива. К этой работе будет подключена широкая сеть «партнерских организаций» – прежде всего, финансовые институты.

Климатический истеблишмент

В истории американского государственного менеджмента немало примеров решения крупных стратегических задач в весьма сжатые сроки: наиболее известны программы «Манхэттен» (ядерное оружие) и «Аполлон» (лунная программа). Под эти программы с миллиардными бюджетами создавались ставшие классикой программно-целевые структуры с собственным штатом; сеть агентств и других госструктур, участвовавших в программе, была весьма ограничена и не охватывала основную массу госаппарата.

Климатический поворот, намеченный Соединенными Штатами, похоже, основан на другом подходе: сквозной «прошивке» всех ведомств и структур климатическими задачами и соответствующим функционалом. Можно сказать, что все американское государство превращено в некий аппарат гигантской целевой «климатической» программы. Ее бюджет измеряется уже триллионами: один только план развития «зеленой» инфраструктуры, уже анонсированный Байденом, имеет объем финансирования свыше 2 трлн долл., и понятно, это – только начало.

Столь скоропалительное превращение американского истеблишмента в своеобразный «клистеблишмент», на первый взгляд, мало чем обосновано. Сама проблема изменения климата – проблема долгосрочная, и даже завзятые алармисты грозят серьезными последствиями ближе к концу века. Однако Вашингтон очень спешит, лихорадочно перестраивая аппарат, наращивая климатические компетенции и мобилизуя в своеобразный крестовый поход всех, до кого он способен дотянуться. О причинах этого будет сказано ниже, а пока остановимся на еще одной ключевой составляющей создаваемого Байденом «клистеблишмента».

Известно, что при всех сколь угодно грамотно разработанных организационных структурах, механизмах координации и любых бюджетах создаваемая система не будет работоспособна без одного компонента – кадрового. Без компетентных, а главное – ангажированных – кадров, расставленных на ключевые посты, «пазл» не сложится. Линейные руководители ведомств и без того загруженные собственными профильными задачами, обычно без восторга реагируют на дополнительную нагрузку, уделяя ей внимание по остаточному принципу. В итоге дополнительный функционал не срабатывает, особенно если плохо налажены контуры координации, контроля и обратной связи. Однако даже если они вполне адекватны, об эффективности можно говорить относительно режима обычной по темпам деятельности. Режим же «пожарной команды», включенный Байденом, требует иных решений, а именно: расстановки предельно ангажированных и проверенных кадров. Особенно это актуально, если не забывать, что речь идет о людях, которые будут распределять колоссальные бюджеты.

Соответственно, ангажированность с точки зрения климатической повестки для ключевых членов команды Байдена не должна удивлять. Недоумение может вызвать, скорее, даже «нейтральность» того или иного чиновника в этом вопросе. Однако таких «климатических диссидентов» в новой администрации США нет. Нынешний кабинет уместно квалифицировать как «самый климатический» за всю историю США. Подобной концентрации специфической «климатической компетенции» ведущих функционеров Белый дом еще не видел.

Часть из «климатической команды» Байдена рекрутирована из бывших политиков времен Обамы. Самая знаковая фигура из них, безусловно, бывший госсекретаре Дж. Керри, сыгравший немалую роль в заключении Парижского соглашения. Именно для него создана уникальная должность – специального посланника президента по климату со статусом члена Совета национальной безопасности. Байден выделил его особо, охарактеризовав Керри как «одного из самых выдающихся американских государственных деятелей и одного из моих ближайших друзей, выступающего от имени Америки по одной из самых насущных угроз нашего времени» [Remarks by President Biden].

Руководство новой «суперструктурой» – Управлением внутренней климатической политики при администрации президента также поручено старому «обамовскому» кадру: Дж. Маккарти, возглавлявшей при Обаме EPA (Агентство по охране окружающей среды). Маккарти придан статус помощника президента и национального советника по климату; она же руководит упомянутой выше Национальной целевой группой по климату.

Не вызывает вопросов и мотивация руководителей главных профильных ведомств – М. Регана (Агентство по охране окружающей среды (EPA) и Дженнифер Грэнхолм (министерство энергетики). Реган, трудившийся в EPA при администрациях Клинтона и Буша-мл., в последние годы работал в одном из крупнейших НПО «климатического» профиля – Environmental Defense Fund. Грэнхолм будучи губернатором штата Мичиган, активно лоббировала федеральное финансирование для компаний – производителей электромобилей. После отставки с поста губернатора переместилась в совет директоров компании – производителя электромобилей «Протерра Инкорпорейтед».

Роль холдинга BlackRock

Привлечение старых проверенных кадров, с которыми Байден знаком еще по работе при Обаме, – понятный и предсказуемый путь. Гораздо больше вопросов вызывает другой источник заполнения ведущих вакансий в Белом доме – финансовый холдинг BlackRock. Остановимся на нем особо – из-за его особой роли в американских и мировых финансах. BlackRock – крупнейший финансовый менеджер в мире; размер активов под управлением холдинга на середину января 2021 г. составил 8,7 трлн долл. [*McKenzie* 2021]. Он – суперлидер в тройке глобальных лидеров в управлении активами (BlackRock, Vanguard и State Street, совокупный размер активов под управлением активами – 15 трлн долл. на конец 2020 г.). BlackRock, Vanguard и State Street владеют блокирующим пакетом (25% и более) голосующих акций на выборах директоров компаний списка S&P 500 (по состоянию на 2018 г.). При этом сам BlackRock присутствует в доле не менее 5% в капитале 97,5% компаний, входящих в этот список [*Napach* 2020].

Влияние «Большой тройки» во главе с BlackRock распространяется на все системообразующие корпорации и финансовые институты Америки – от IT гигантов Facebook и Amazon до нефтегазовых Chevron и Exxon Mobil, от производителей вакцин Pfizer и Johnson & Johnson до финансовых групп Goldman Sachs и Bank of America. Однако ее влияние не ограничивается владением акциями: BlackRock разработал и более современные «цифровые» инструменты.

Речь идет о софтверной платформе Aladdin, принадлежащей BlackRock, – технологической платформе для инвесторов и трейдеров, которая предоставляет услуги по продажам на финансовых рынках, анализу и мониторингу последних. Платформа Aladdin оказалась настолько востребованным инструментом, что эксперты сравнивают ее с «центральной нервной системой» как для инвестиционной индустрии, так и для нефинансовых компаний. Обеспечивая качественный инвестиционный и рыночный анализ, платформа первоначально давала участникам немалую экономию на соответствующем штате. Положившись на этот аутсорс, компании теперь нуждаются в нем, как в кислороде, без которого

они «не смогли бы функционировать». Платформа обслуживает не менее 21,6 трлн долл. активов, что эквивалентно 10% мировых акций и облигаций, равно годовому ВВП США и в четыре раза превышает стоимость всех наличных денег в мире [*Steele* 2020].

В настоящее время платформу используют не только крупнейшие американские публичные компании, такие как Apple, Microsoft и Alphabet (владелец Google и YouTube), но и 12 000 инвестиционных профессионалов, нанятых клиентами BlackRock; в ней размещены портфели 210 корпораций и финансовых институтов многих стран мира, включая крупные пенсионные фонды. Платформа обеспечивает BlackRock и лидерство в «Большой тройке»: State Street и Vanguard, основные конкуренты BlackRock, также используют Aladdin [*Steele* 2020].

При президенте Трампе корпорация BlackRock вышла на новый уровень влияния, фактически став управляющей компанией по «вертолетным» деньгам Федеральной резервной системы. Корпорации было поручено управлять специально созданными компаниями (Special Purpose Vehicles – SPV) – операторами пакета помощи экономике и населению на сумму более 2 трлн долл. [*Steele* 2020].

Глобальную роль BlackRock признал и Евросоюз: корпорацию наняли для консультирования Еврокомиссии по вопросам интеграции экологических, социальных и управленческих факторов в финансовое регулирование (т.н. ESG). Практически это означает, что BlackRock получает контроль над всей европейской финансовой системой, поскольку корпорации поручена ее перестройка на основе прежде всего климатических приоритетов.

Нельзя сказать, что в Америке никто не выражал озабоченность появлением финансовой корпорации с таким масштабом влияния на экономику. Однако статус BlackRock как небанковского института позволял ей избегать регулирования, оставаясь, по сути, «теневым банком». Попытки регуляторов в лице Министерства финансов и Совета по надзору за финансовой стабильностью (Financial Stability Oversight Council – FSOC) сдержать экспансию BlackRock корпорация успешно парировала.

Одним из проверенных приемов защиты стала традиционная для Америки практика так называемых «вращающихся дверей» – ротации руководителей между бизнесом и властью. BlackRock поставил подобную практику на поток: за последние годы зафиксировано 118 случаев перехода правительственных чиновников в корпорацию и наоборот. Своего представителя BlackRock удалось внедрить даже в упомянутый FSOC, создав тем самым ситуацию, когда корпорация фактически надзирает сама за собой, причем от имени государства [*Steele* 2020].

Казалось бы, достигнут предел, но кадровый десант BlackRock в администрацию Байдена выглядит беспрецедентным и на этом фоне. Остановимся лишь на некоторых ключевых фигурах.

Главная из них, безусловно, Б. Диз, назначенный Байденом директором Национального Экономического совета Национального экономического совета (National Economic Council) и своим главным экономическим советником. В Белом доме он не новичок: в администрации Обамы Диз работал помощником президента и старшим советником (https://obamawhitehouse). В его обязанности входил надзор за климатической, природоохранной и энергетической политикой, а также консультирование президента по ряду вопросов внутренней и международной политики.

Диз был одним из главных американских переговорщиков по Парижскому соглашению. После этого его рабочее место было предсказуемо связано с климатическим бизнесом: в 2017 г. он перешел в BlackRock на пост «глобального руководителя по инвестициям в устойчивое развитие». Там он руководил разработкой новых аналитических инструментов для оценки климатических рисков. Пакет этих инструментов, представленный BlackRock в апреле 2020 г., позволяет клиентам лучше оценивать климатические риски, заложенные в их портфелях [*Kaissar* 2020].

Пост, занятый Дизом в команде Байдена, по значимости, как минимум, сопоставим с постами Керри и Маккарти, а возможно, и превосходит их. Если внешняя и внутренняя климатическая политика поручены, соответственно, Керри и Маккарти, то Диз будет заниматься и тем, и другим. Не стоит забывать, что Диз – директор Национального экономического совета, возглавляемого президентом США, и в этом качестве будет не только продолжать работу по линии участия США в Парижском соглашении, но и обеспечивать климатические приоритеты во внутренней экономике. На эту координирующую фигуру Байден возлагает большие надежды. По его словам, Диз – это «надежный голос, на который я могу рассчитывать, чтобы помочь нам… взять на себя экзистенциальную угрозу изменения климата» [*Hunnicutt, Volcovici, Shalal* 2020].

Еще один ведущий назначенец – бывший старший советник BlackRock У. Адейемо, ставший заместителем министра финансов Джанет Йеллен. Последняя перед своим назначением заблаговременно выступала в духе климатической повестки, но BlackRock, очевидно, исходит из необходимости страховки (в частности, учитывая возраст Йеллен, которая ненамного моложе Байдена). Кроме того, выходец из BlackRock будет курировать не только вопросы климата: корпорации важнее «свой» замминистра в Минфине США как в государственном регуляторе финансового рынка.

Тот же принцип страховки прослеживается и в назначении М. Пайла, бывшего главного инвестиционного стратега BlackRock; его новая должность – главный экономический советник вице-президента Камалы Харрис. Похоже, что BlackRock не только рассматривает всерьез перспективу смены на верхнем этаже власти США; в окружение вице-президента уже вводят фигуры влияния, блокируется проникновение в ее команду представителей конкурентов.

Апофеозом амбиций BlackRock стало выдвижение своего кандидата на пост директора ЦРУ. Речь идет о Т. Донилоне, который при Обаме с 2010 по 2013 г. занимал должность советника по национальной безопасности; затем перешел в BlackRock на должность руководителя BlackRock Investment Institute – главного аналитического центра корпорации. Однако на пост директора ЦРУ его кандидатура в итоге не прошла – выбор был сделан в пользу бывшего посла США в России У. Бернса.

Впрочем, частная неудача не меняет общей картины. Администрация США, включая и Байдена, и Харрис, плотно опекается назначенцами BlackRock, поддержанными сверхмощными аналитическими службами крупнейшего мирового финансового агрегатора. Нет сомнения, в чьи руки будет отдано распоряжение гигантскими бюджетами, намечаемыми США для строительства «зеленой» экономики.

* * *

Первое, что бросается в глаза: Вашингтон спешит. Очень спешит: он намерен даже не работать, а воевать. Название для войны Дж. Керри уже подобрал заблаговременно: «Мировая война № 0» (World War Zero) [*Kerry* 2019].

Против кого война – понятно из списка объектов атак, прежде всего на экономику, основанную на минеральном топливе, его добыче, переработке и потреблении. Этот тип энергоемкой экономики характерен, прежде всего, для главных оппонентов Америки – Китая и России. Требования полного слома экономик этих стран под призывы спасти планету – то, что от Штатов надо ожидать в самое ближайшее время.

Отчего такая спешка? Ответ очевиден: экономический взлет Китая и силовое укрепление России не оставили США другого способа нанести этим странам непоправимый ущерб и отбросить их назад, вернув себе перспективу единоличного мирового лидерства. Климатическая повестка – прекрасный инструмент разорения оппонентов, к тому же подкрепленный неким подобием глобального консенсуса, скрепленного Парижским соглашением, из которого, как отмечалось, гораздо сложней выйти, чем в него войти.

Следовательно, самое опасное в нынешней ситуации – делать вид, как будто ничего не произошло, и война объявлена кому-то еще (глобальному климату, например). России придется расстаться с представлением о климатической повестке как о периферийной теме, которой можно заниматься факультативно, не формируя специальные «климатические» компетенции во власти. Пример «клистеблишмента» Байдена должен, как минимум, насторожить.

Не проще придется и Китаю, который до сих пор вполне комфортно чувствовал себя в климатической повестке. Ему могут быть предъявлены жесткие требования, выводящие его из зоны комфорта, что (не исключено) может отразиться на позиции Китая по всей климатической повестке и особенно – в части антропогенной концепции глобального потепления.

Темпы, задаваемые США, убеждают, что потребность в ответных стратегиях России и Китая понадобится очень скоро, и, возможно, здесь открывается перспектива для совместных действий. Каких именно, покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Рогинко С.А. (2021[a]) «Климатический кабинет» Байдена и Парижское соглашение // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 1. С. 7–16 (http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Roginko12021.pdf).

Рогинко С.А. (2021[b]) «Климатический саммит» Байдена: риски для Китая и России // Аналитические записки Института Европы РАН. №1. Аналитическая записка №8. (№238). С. 1–7 (http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2021/an238.pdf).

Executive Order on Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad. The White House (2021) (https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/executive-order-on-tackling-the-climate-crisis-at-home-and-abroad/); (https://obamawhitehouse.archives.gov/administration/senior-leadership/ brian-deese).

Hunnicutt T., Volcovici V., Shalal A. (2020) Biden names top economic adviser Deese to fight climate change, jobs crisis // Reuters. December 3 (https://www.reuters.com/article/us-usa-biden-deese/biden-names-top-economic-adviser-deese-to-fight-climate-change-jobs-crisis-idUKKBN28D2NU).

Kaissar N. (2020) Brian Deese and Blackrock can help fight Climate Change // *Bloomberg.* December 4 (https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-12-04/brian-deese-and-blackrock-can-help-fight-climate-change).

Kerry J. (2019) John Kerry launces coalition to fight climate crisis // The Guardian. December 01 (https://www.theguardian.com/us-news/2019/dec/01/john-kerry-coalition-climate-crisis).

McKenzie M. (2021) BlackRock assets surge to record $8.68t // Financial Times January14 (https://www.ft.com/content/53b35fee-a8c3-4a18-85ef-d7f2527d0ba0).

Napach B. (2020) Group aims to limit power of Blackrock-Vanguard-State street (https://www.thinkadvisor.com/2020/11/30/group-aims-to-limit-power-of-blackrock-vanguard-state-street/).

Remarks by President Biden Before Signing Executive Actions on Tackling Climate Change, Creating Jobs, and Restoring Scientific Integrity. The White House (2021) (https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/27/remarks-by-president-biden-before-signing-executive-actions-on-tackling-climate-change-creating-jobs-and-restoring-scientific-integrity/).

Steele G. (2020) The New Money Trust: How Large Money Managers Control Our Economy and What We Can Do About It // Economic Liberties. November 23 (https://www.economicliberties.us/our-work/new-money-trust/).

REFERENCES

Executive Order on Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad. The White House (2021) (https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/executive-order-on-tackling-the-climate-crisis-at-home-and-abroad/); (https://obamawhitehouse.archives.gov/administration/senior-leadership/ brian-deese).

Hunnicutt T., Volcovici V., Shalal A. (2020) Biden names top economic adviser Deese to fight climate change, jobs crisis. *Reuters,* December 3 (https://www.reuters.com/article/us-usa-biden-deese/biden-names-top-economic-adviser-deese-to-fight-climate-change-jobs-crisis-idUKKBN28D2NU).

Kaissar N. (2020) Brian Deese and Blackrock can help fight Climate Change. *Bloomberg* December 4 (https://www.bloomberg.com/opinion/articles/ 2020-12-04/brian-deese-and-blackrock-can-help-fight-climate-change).

Kerry J. (2019) John Kerry launces coalition to fight climate crisis. *The Guardian,* December 01 (https://www.theguardian.com/us-news/2019/dec/01/john-kerry-coalition-climate-crisis).

McKenzie M. (2021) BlackRock assets surge to record $8.68tn. *Financial Times* January14 (https://www.ft.com/content/53b35fee-a8c3-4a18-85ef-d7f2527d0ba0).

Napach B. (2020). Group aims to limit power of Blackrock-Vanguard-State street (https://www.thinkadvisor.com/2020/11/30/group-aims-to-limit-power-of-blackrock-vanguard-state-street/).

Remarks by President Biden Before Signing Executive Actions on Tackling Climate Change, Creating Jobs, and Restoring Scientific Integrity. The White House (2021) (https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/27/remarks-by-president-biden-before-signing-executive-actions-on-tackling-climate-change-creating-jobs-and-restoring-scientific-integrity/).

Roginko S. (2021[a]) «Klimaticheskii Cabinet» Bidena I Parizhskoye Soglasheniye [Biden's Climate Office and Paris Agreement] *Scientific & Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 1, pp. 7–16 (http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Roginko12021.pdf).

Roginko S. (2021[b]) «Klimaticheskii Summit» Bidena: Riski dlya Kitaya I Rossii [Biden's «Climate Summit»: Risks for China and Russia] *Analitical Papers of the Institute of Europe RAS,* no. 1, *Analitical Paper,* no. 8, (no. 238) pp. 1–7 (http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2021/an238.pdf).

Steele G. (2020) The New Money Trust: How Large Money Managers Control Our Economy and What We Can Do About It. *Economic Liberties*, November 23 (https://www.economicliberties.us/our-work/new-money-trust/).

Информация об авторе

Рогинко Сергей Анатольевич, кандидат экономических наук, руководитель Центра экологии и развития Института Европы РАН, профессор Финансового Университета при Правительстве РФ. Адрес: 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. E-mail: roginko@bk.ru

About the author

Sergey A. Roginko, Candidate of Science (Economics), Head Environment & Development Center, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Professor, Financial University of the Government of Russian Federation Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009 E-mail: roginko@bk.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 12.04.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 26.04.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 29.04.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 2. С. 66–78
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 2, pp. 66–78

DOI: 10.31857/S086904990014322-6

Оригинальная статья / Original Article

Молодежный рынок труда в США

© Н.Е. ПЕТРОВСКАЯ

Петровская Наталья Евгеньевна, Институт США и Канады Российской академии наук (Москва, Россия), vitern@mail.ru

В статье рассмотрен молодежный рынок труда крупнейшей экономики мира – США. На основе данных официальной американской статистики проведен комплексный анализ тенденций на рынке труда молодежи в США за последние 20 лет. Проанализирована динамика и структурные особенности молодежной занятости в зависимости от возрастных, расово-этнических и гендерных особенностей. Представлена отраслевая структура занятости молодежи в США. Показана роль государства в расширении возможностей трудоустройства, приведены программы профессиональной подготовки для американской молодежи. Рассмотрены характерные черты и особенности представителей поколения «Z», которые начинают выходить на американский рынок труда. Статья позволяет полнее оценить особенности и перспективы молодежного рынка труда в США.

Ключевые слова: рынок труда США, молодежь, занятость, безработица, поколение NEET.

Для цитирования: Петровская Н.Е. (2021) Молодежный рынок труда в США // Общественные науки и современность. № 2. С. 66–78. DOI: 10.31857/S086904990014322-6

Youth Labour Market in the United States

© N.E. PETROVSKAYA

Natalia E. Petrovskaya, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, vitern@mail.ru

Abstract. This article examines the youth labor market of the largest economy in the world – the United States. Based on official American statistics, a comprehensive analysis of trends in the youth labor market in the United States over the past 20 years has been conducted. The article analyzes the dynamics and structural features of youth employment, depending on racial, ethnic and gender characteristics. The industry structure of youth employment in the United States is presented. The role of the state in expanding employment opportunities is shown, and professional training programs for American youth are presented. The characteristic features of generation «Z», who are beginning to enter the American

labor market, are considered. The article allows to better assess the features and prospects of the youth labor market in the United States.

Keywords: labor market, US, youth, employment, unemployment, generation NEET

For Citation: Petrovskaya N. (2021) Youth labour market in the United States. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 2, pp. 66–78. DOI: 10.31857/S086904990014322-6 (In Russ.).

Молодежь имеет важное значение для будущего экономического роста, развития и стабильности в стране. Ситуация на молодежном рынке труда в США отражает как общемировые структурные сдвиги в экономике, обусловленные научно-техническим прогрессом, цифровизацией и глобализацией торговли (а в последний год и влиянием пандемии COVID-19), так и специфичные для США культурные и демографические тенденции. В статье предпринята попытка анализа структуры, тенденций, проблем и перспектив молодежного рынка труда США.

Как одна из самых уязвимых групп населения на рынке труда, молодые люди в три раза чаще оказываются безработными, чем взрослые люди (25 лет и старше). По данным МОТ, период трудоустройства на стабильную работу у молодых людей занимает в среднем 19 месяцев [Global Employment… 2020].

На рынке труда молодежь сталкивается со специфическими проблемами: более высоким, чем в среднем, уровнем безработицы и длительным поиском работы, неоправданными ожиданиями, трудностями в поиске рабочих мест, адекватных полученной специальности, и ряд других. В то же время полученное образование не всегда отвечает быстро меняющимся условиям на рынке труда. Отсутствие опыта работы у молодых специалистов требует дополнительных усилий не только с их стороны, но и со стороны работодателя. Определенную роль играет поколенческая дифференциация, а также ожидания от нового места работы, превышающие реально возможный уровень оплаты труда и условия работы. Все эти факторы вызывают проблемы молодежной занятости.

Динамика молодежного рынка труда в США

По данным Бюро трудовой статистики, в США в 2020 г. насчитывалось 260 млн человек трудоспособного населения. Численность гражданской рабочей силы составила почти 161 млн человек[1]. Участие в рабочей силе[2] – 61,7%. Численность занятых[3] – 147,795 млн человек, уровень занятости[4] – 56,8%. Средняя численность безработных[5] в 2020 г. в результате пандемии COVID-19 приблизилась к 13 млн человек (8,1%). Для сравнения: в 2019 г. уровень безработицы[6] был на уровне 3,7% (около 6 млн человек). Важно отметить, что пандемия COVID-19 и усилия по ее сдерживанию оказали драматическое влияние на рынок труда в 2020 г. Занятость падала, а безработица росла в марте-апреле, несмотря на улучшения к июлю, уровень занятости оставался значительно ниже, чем в феврале 2020 г.

[1] Рабочая сила (labor force) – численность людей, которые либо работают, либо активно ищут работу.

[2] Участие в рабочей силе (labor force participation rate) – отношение рабочей силы к численности трудоспособного населения, выраженное в процентах. Показывает долю трудоспособного населения в возрасте 16 лет и старше, которое либо работает, либо активно ищет работу.

[3] Занятость (employed) – оплачиваемая трудовая деятельность трудоспособного населения.

[4] Уровень занятости (employment rate) – отношение численности занятых к численности трудоспособного населения, выраженное в процентах.

[5] Безработица (unemployed) – социально-экономическое явление, при котором часть трудоспособного населения, желающая работать, не может найти работу. В США люди классифицируются безработными, если у них нет работы и они активно ее ищут в настоящее время, а также искали в течение предыдущих четырех недель.

[6] Уровень безработицы (unemployment rate) – отношение численности безработных к численности рабочей силы, выраженное в процентах.

Изменения на рынке труда затронули все демографические группы, включая молодежь. Особенно резко сократилась занятость в сфере досуга и гостеприимства, где традиционно работает большая часть молодежи. Уровень безработицы достиг пика в апреле 2020 г. как в целом на рынке труда, так и на молодежном рынке труда в частности, и составил рекордные 26,9%. К июлю ситуация улучшилась, но оставалась на уровне молодежной безработицы в кризисный и посткризисный период 2009–2011 гг. – 18,5% [Labor Force Statistics 2020].

На графике (см. рис.) показана динамика молодежного рынка труда за последние 20 лет. Из представленных данных видно, что в последние два десятилетия снижается доля рабочей силы среди американской молодежи. Если в начале XXI в. участие в рабочей силе было на уровне 71,6%, то в начале третьего десятилетия составило 57,3%.

Отчасти снижение трудовой активности можно объяснить продолжением обучения, желанием получить более высокий уровень образования. Исследовательский центр «Пью» (Pew Research Center) провел исследование о том, как проводят свое время американские подростки. Согласно полученным данным, они тратят в среднем 26 минут в день на оплачиваемую работу в течение учебного года по сравнению с 49 минутами около десяти лет назад и 57 минутами в середине 1990-х гг. [*Livingston* 2019].

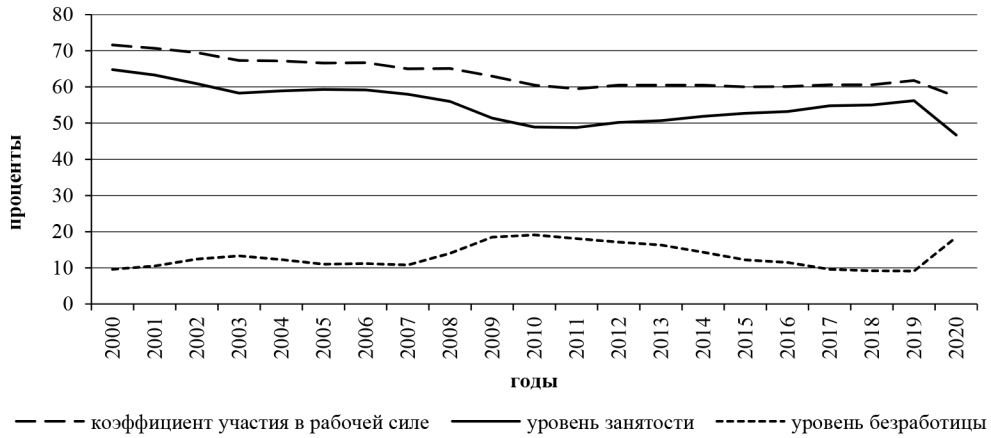

Рис. Динамика молодежного рынка труда (в возрасте от 16–24 лет) в США в период с 2000 по 2020 г.

Источник: Составлено автором по данным Бюро трудовой статистики США [Employment and Unemployment… 2020, 2016, 2012, 2008, 2004].

Несоответствие профессиональной подготовки быстро меняющимся потребностям рынка труда стало одним из важнейших факторов снижения трудовой активности американцев. В перспективе эта тенденция усилится по мере внедрения технологий и снижения потребности в рабочей силе [Экономика США 2018].

За последние 20 лет мир кардинально изменился и продолжает стремительно меняться под влиянием инноваций. Происходит переход экономики на новый технологический уклад, связанный с широким распространением цифровых технологий. Появляются новые бизнес-модели – цифровые трудовые платформы – виртуальные площадки, которые определяют, кто, где, как и когда будет выполнять работу, трансформируя таким образом привычный ландшафт труда и занятости [*Шевчук* 2020]. Для молодых людей цифровые платформы создают дополнительные возможности поиска постоянной или временной работы.

Характеристика молодежного рынка труда в США

В таблице 1 приведены данные характеристики молодежного рынка труда в США по возрастному, гендерному и расово-этническим аспектам. В таблице даны две группы молодежи. Первая группа (16–19 лет) – в основном учащиеся средних школ, колледжей, вовлеченные в трудовую деятельность. Вторая группа (20–24 года) – молодежь, которая завершила или завершает свое обучение и выходит на рынок труда в поисках полной занятости. По данным за 2020 г., доля молодежи в рабочей силе США составила 12,5%. Последние 30 лет наблюдается тенденция снижения участия в рабочей силе американской молодежи при одновременно росте доли лиц старше 55 лет, что отражает старение рынка труда в США. Медианный возраст работников в США составляет 42,5 года [Labor Force Statistics 2020, p. 63].

Таблица 1

Молодежный рынок труда в США по возрастному, гендерному, расово-этническим аспектам (2020 г.)

	Трудоспособное население США, тыс. чел.	Рабочая сила, всего, тыс. чел.	Доля участия в рабочей силе, %	Количество занятых, тыс. чел.	Доля занятых в населении данной категории, %	Количество безработных, тыс. чел.	Уровень безработицы, %
Всего	260 329	160 742	61,7	147 795	56,8	12 947	8,1
В возрасте от 16 до 19 лет	16 567	5 720	34,5	4 695	28,3	1 025	17,9
мужчины	8 373	2 859	34,1	2 333	27,9	526	18,4
женщины	8 194	2 861	34,9	2 361	28,8	500	17,5
В возрасте от 20 до 24 лет	20 918	14 487	23,8	12 497	59,7	1 990	13,7
мужчины	10 448	7 417	71,0	6 401	61,3	1 016	13,7
женщины	10 470	7 070	67,5	6 096	58,2	974	13,8
Белые в возрасте от 16 до 19 лет	12 151	4 467	36,8	3 723	30,6	744	16,6
мужчины	6 173	2 267	36,7	1 876	30,4	391	17,3
женщины	5 978	2 200	36,8	1 847	30,9	353	16,0
Белые в возрасте от 20 до 24 лет	15 335	10 951	71,4	9 633	62,8	1 318	12,0
мужчины	7 712	5 676	73,6	5 008	64,9	668	11,8
женщины	7 623	5 275	69,2	4 625	60,7	650	12,3
Афроамериканцы в возрасте от 16 до 19 лет	2 419	720	29,8	546	22,6	173	24,1
мужчины	1 197	322	26,9	242	20,2	81	**25,0**
женщины	1 221	397	32,5	305	24,9	93	**23,3**
Афроамериканцы в возрасте от 20 до 24 лет	3 079	2 005	65,1	1 600	52,0	404	20,2
мужчины	1 485	987	66,4	777	52,3	210	21,2
женщины	1 594	1 018	63,9	824	51,7	195	19,1
Азиатского происхождения в возрасте от 16 до 19 лет	921	177	19,2	151	16,4	26	14,9
мужчины	448	97	21,7	84	18,7	13	13,6
женщины	473	80	16,9	67	14,1	13	16,5

Окончание табл. 1

	Трудоспособное население США, тыс. чел.	Рабочая сила, всего, тыс. чел.	Доля участия в рабочей силе, %	Количество занятых, тыс. чел.	Доля занятых в населении данной категории, %	Количество безработных, тыс. чел.	Уровень безработицы, %
Азиатского происхождения в возрасте от 20 до 24 лет	1 341	727	54,2	605	45,1	122	16,8
мужчины	669	345	51,6	284	42,5	61	17,7
женщины	672	382	56,8	321	47,7	61	16,0
Испаноязычные в возрасте от 16 до 19 лет	4 017	1 303	32,4	1 026	25,5	277	21,2
мужчины	2 031	671	33,1	524	25,8	147	21,9
женщины	1 986	632	31,8	502	25,3	130	20,5
Испаноязычные в возрасте от 20 до 24 лет	4 791	3 418	71,3	2 904	60,6	513	15,0
мужчины	2 411	1 820	75,5	1 568	65,0	252	13,8
женщины	2 380	1 598	67,1	1 336	56,1	261	16,4

Источник: Бюро трудовой статистики США [Labor Force Statistics 2020].

Уровень безработицы среди молодежи в США существенно варьируется в зависимости от возрастной группы, гендерной принадлежности и расово-этническим аспектам (см. табл. 1). Самые высокие показатели безработицы отмечены у мужчин афроамериканцев в возрасте 16–19 лет – 25%, высокий уровень и у афроамериканских женщин этой возрастной группы – 23,3%. Самый низкий показатель наблюдается среди белых молодых мужчин в возрасте 20–24 лет – 11,8% и женщин – 12,3%. Тем не менее, эти цифры значительно превосходят уровень безработицы в стране, даже в условиях пандемии коронавируса.

Участие в рабочей силе среди молодежи в возрасте 16–24 лет, работающих или активно ищущих работу, резко возрастает в период с апреля по июль каждого года. В течение этих месяцев большое количество студентов средних школ и колледжей обычно ищут работу на лето, а выпускники выходят на рынок труда, на поиски постоянной занятости. Летом 2020 г. рабочая сила молодежи возросла на 3,6 млн человек и составила 21,5 млн человек в июле. Однако это меньше на 1,8 млн человек по сравнению с июлем 2019 г., что отражает последствия пандемии COVID-19. Участие в рабочей силе для всей молодежи в июле 2020 г. составило 57,3%, что на 4,5% ниже, чем годом ранее. В 2020 г. июльский показатель участия в рабочей силе для людей в возрасте от 16 до 24 лет был самым низким показателем за всю историю наблюдения, начиная с 1948 г. Традиционно белые имеют самый высокий уровень участия молодежи в рабочей силе, который в июле 2020 г. составил 59,4%. Для сравнения у молодежи азиатского происхождения – 42,9%, у афроамериканцев – 52,5%, латиноамериканцев – 54,4%. В течение 2020 г. уровень участия в рабочей силе снижался для всех расово-этнических групп, а также уменьшился по сравнению с предыдущими годами.

Уровень безработицы среди американской молодежи значительно выше, чем в других возрастных группах, и за последние 20 лет не опускался ниже 9,1%, а в кризисные и посткризисные периоды достигал 18–19%. Показатели уровня безработицы для возрастной группы 16–19 лет были еще выше и находились в диапазоне от 12,7% до 25,9%, а для возрастной группы – 20–24 года в диапазоне 6,7% до 15,5% (см. табл. 2). Данные по молодежному рынку труда свидетельствуют об особо острой реакции на кризисы,

ему необходимо больше времени для возврата к докризисным показателям по сравнению с рынком труда в целом. Стоит также отметить, что показатели безработицы среди молодежи могут снижаться благодаря выходу на неполный рабочий день, за счет найма на менее оплачиваемую работу и/или несоответствующую полученному уровню образования. Это ведет к росту неудовлетворенности своим положением и более частой смене работы.

Таблица 2

Динамика уровня безработицы молодежи и других возрастных групп в США

Годы	Итого		16-19 лет		20-24 года		25-54 года		55-64 года		65 лет и старше	
	Численность безработных, тыс. чел.	Уровень безработицы, %	Численность, тыс. чел.	Уровень безработицы, %	Численность безработных, тыс. чел.	Уровень безработицы, %	Численность безработных, тыс. чел.	Уровень безработицы, %	Численность безработных, тыс. чел.	Уровень безработицы, %	Численность безработных, тыс. чел.	Уровень безработицы, %
2002	8 378	5,8	1 253	16,5	1 430	9,7	4 896	4,8	635	3,9	163	3,6
2003	8 774	6,0	1 251	17,5	1 495	10,0	5 131	5,0	713	4,1	183	3,8
2004	8 149	5,5	1 208	17,0	1 431	9,4	4 650	4,6	682	3,8	179	3,6
2005	7 591	5,1	1 186	16,6	1 335	8,8	4 256	4,1	630	3,3	184	3,5
2006	7 001	4,6	1 119	15,4	1 234	8,2	3 894	3,8	595	3,0	159	2,9
2007	7078	4,6	1 101	15,7	1 241	8,2	3 904	3,7	642	3,1	190	3,3
2008	8 924	5,8	1 285	18,7	1 545	10,2	5 027	4,8	803	3,7	264	4,2
2009	14 265	9,3	1 552	24,3	2 207	14,7	8 597	8,3	1 487	6,6	421	6,4
2010	14 825	9,6	1 528	25,9	2 329	15,5	8 858	8,6	1 660	7,1	449	6,7
2011	13 747	8,9	1 400	24,4	2 234	14,6	8 069	7,9	1 579	6,6	465	6,5
2012	12 506	8,1	1 397	24,0	2 054	13,3	7 103	7,0	1 470	5,9	482	6,2
2013	11 460	7,4	1 327	22,9	1 997	12,8	6 361	6,3	1 340	5,3	435	5,4
2014	9 617	6,2	1 106	19,6	1 747	11,2	5 270	5,2	1 107	4,3	387	4,6
2015	8 296	5,3	966	16,9	1 501	9,7	4 515	4,5	978	3,8	337	3,8
2016	7 751	4,9	925	15,7	1 286	8,4	4 244	4,2	941	3,6	355	3,8
2017	6 982	4,4	827	14,0	1 127	7,4	3 850	3,7	835	3,1	343	3,6
2018	6 314	3,9	759	12,9	1 048	6,9	3 391	3,3	789	2,9	327	3,3
2019	6 001	3,7	746	12,7	1 024	6,7	3204	3,1	710	2,6	317	3,0
2020	12 947	8,1	1 025	17,9	1 990	13,7	7 298	7,1	1 839	6,7	795	7,5

Источник: Составлено автором по данным Бюро трудовой статистики США [Labor Force Statistics 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020].

В таблице 3 представлены данные, согласно которым более 42% (7,2 млн человек) молодежи в возрасте от 16 до 24 лет заняты частично, около 2 млн человек ищут работу на полный рабочий день.

Особого внимания заслуживает уровень оплаты труда молодежи. Около 3,8% зарабатывают на уровне минимальной оплаты труда (7,25 долл.) или ниже; для женщин этот показатель еще выше – 5,3% [Labor Force Statistics 2020, p. 111]. Гендерная разница в оплате труда характерна и для молодежного рынка труда. Медианный недельный доход для мужчин в возрасте 16–24 лет на полной занятости в 2020 г. составил 622 долл., для женщин – 589 долл. [Household survey 2020, p. 92]. Такой доход имели около 5,2 млн молодых мужчин

и 4,2 млн молодых женщин. Женщины чаще, чем мужчины, заняты неполный рабочий день. По данным на 2020 г., около 3,3 млн мужчин и более 4 млн женщин в возрасте от 16 до 24 лет были заняты частично: их медианный недельный доход составлял 248 долл. и 231 долл., соответственно.

Таблица 3

Занятость молодежи в США (2020 г., тыс. человек)

Возрастная группа	Полная занятость	Частичная занятость	В поисках работы на полный рабочий день	В поисках частичной занятости
16-19 лет	1 406	3 288	467	558
20-24 года	8 527	3 970	1 461	528

Источник: Бюро трудовой статистики США [Labor Force Statistics 2020].

Отраслевая структура занятости молодежи

Изучение динамики отраслевых особенностей занятости американской молодежи за последние 20 лет показало, что более 98% заняты в несельскохозяйственном секторе (см. табл. 4). Молодежь преимущественно работает в розничной торговле, в сфере образовательных услугах и здравоохранения, досуга и гостеприимства. До кризиса, вызванного пандемией COVID-19, росла численность занятых в сфере образовательных услугах и здравоохранения, досуга и гостеприимства. Наблюдается планомерное снижение численности занятых в розничной торговле из-за развития, в частности, интернет-торговли.

Таблица 4

Динамика отраслевой структуры занятости молодежи в возрасте 16–24 лет
(США, тыс. человек)

Отрасли	2002 г.	2004 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2013 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.
Всего занятых в возрасте от 16-24 лет	21 501	21 447	21 021	19 304	18 564	19 684	20 333	21 196	17 507
Сельское хозяйство	387	338	418	381	372	419	309	322	298
Несельскохозяйственный сектор	21 115	21 110	20 604	18 923	18 192	19 330	20 024	20 874	17 209
• *Государственное управление*	1 617	1434	1 538	1 588	1 433	1254	1403	1 466	1 145
• *Самозанятые, работа в семейном бизнесе*	479	488	464	350	447	336	398	401	371
• *Частные наемные работники, из них:*	19 019	19188	18 601	16 986	16 311	17 740	18 223	19 008	15 693
Добыча полезных ископаемых	24	41	107	44	63	137	75	66	46
Строительство	1322	1543	1 217	871	819	868	883	1 135	933
Обрабатывающая промышленность	1476	1515	1 390	1 068	1 015	1 306	1 385	1 451	1 189
Оптовая торговля	482	452	371	321	297	339	277	266	230
Розничная торговля	4 220	4 140	3 880	3 851	3 659	3 756	4 005	3 647	3 558
Транспорт и коммунальные услуги	528	503	464	413	355	486	447	663	673
Информационные услуги	491	353	369	317	361	317	288	277	117
Финансовая деятельность	1 103	1 052	979	823	794	649	725	728	642
Профессиональные и деловые услуги	1 800	1 701	1 659	1 350	1 395	1 566	1 547	1 706	1 352
Образовательные услуги и здравоохранение	1 928	2 110	2 175	2 141	2 169	2 235	2 236	2 844	1 905
Досуг и гостеприимство	4 662	4 703	4 926	4 799	4 595	5 078	5 437	5 282	4 180
Другие услуги	983	1 075	1 064	988	789	1 003	918	941	871

Источник: Составлено автором по данным Бюро трудовой статистики США [Employment and Unemployment… 2015, 2013, 2010, 2009, 2004, 2003].

В мире каждый пятый молодой человек относится к поколению NEET[7]. Среди молодежи, которая нигде не учится и не работает, большинство составляют молодые женщины. В эту группу входят три возрастные категории: 15–19 лет, 20–24 и 25–29 лет. По данным МОТ, в 2019 г. в мире насчитывалось 267 млн NEET [Global Employment Trends… 2020]. В США в 2018 г. около 9 млн человек были NEET, из них 57% женщин. Большая часть представителей молодежи NEET имеют образование ниже среднего [*Desilver* 2019]. Количественные показатели поколения NEET важны, так как в дальнейшем они будут играть важную роль в обеспечении занятости и экономическом росте страны. Попадание в группу NEET имеет долгосрочные последствия для дальнейшего социально-экономического положения этих молодых людей [*Петровская* 2019]. Эксперты опасаются, что без специальной помощи представители поколения NEET не смогут получить необходимые навыки для работы, интегрироваться в общество, реализовать трудовой потенциал. Под угрозой оказывается жизнь, социальное и экономическое будущее целого поколения и нации в целом [U.S. Youth Employment 2014].

Программы стимулирования занятости в США

Правительство США оказывает существенную помощь молодым людям в обеспечении занятости и получении образования. Как правило, особое внимание уделено социально-уязвимым молодым людям в возрасте от 16 до 24 лет с целью повысить их конкурентоспособность на рынке труда.

На сегодняшний день существуют четыре основные федеральные программы занятости молодежи и профессиональной подготовки в ведении Управления занятости и профессиональной подготовки Министерства труда США. Их цель – предоставить возможности трудоустройства и получения образования, развития лидерских качеств и общественной деятельности для молодежи из малообеспеченных семей. Закон 1998 г. об инвестициях в рабочую силу (The Workforce Investment Act) расширил прежние программы и создал новые для обеспечения более беспрепятственного профессионального обучения и образования для молодежи круглый год.

1) Программа Job Corps – национальная программа по обеспечению бесплатной профессиональной и технической подготовки молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет. Программу проводят с 1964 г. в 121 центре по всей стране. Ежегодные ассигнования составляют 1,7 млрд долл. Участниками программы в 2018 г. были почти 47 тыс. человек [Vulnerable Youth 2020].

2) Программа Youth Activities (Youth Workforce Investment Activities Program) – программа инвестиций в трудовые молодежные ресурсы, которая предлагает разнообразные образовательные и карьерные программы через региональную сеть по развитию трудовых ресурсов. На ее финансирование в 2019 г. было выделено 903,4 млн долл., а в 2020 г. – 913,4 млн долл. Численность участников в 2019 г. составило 160,5 тыс. человек.

3) Программа YouthBuild – программа грантов для организаций, которые обучают молодых людей из малообеспеченных семей строительным профессиям. Финансирование программы в 2020 г. составило 94,5 млн долл. В 273 центрах по программе ежегодно обучаются около 6 тыс. человек.

4) Программа Reentry Employment Opportunities[8] включает профессиональную подготовку и другие услуги для несовершеннолетних и взрослых правонарушителей. Молодежный компонент программы в 2019 г. был профинансирован на сумму 49,5 млн долл., а в 2020 г. – на 26,6 млн долл. из общего объема ассигнований в размере

[7] Not in Education, Employment or Training.
[8] Ранее известная как программа «Реинтеграции бывших правонарушителей».

93 млн долл. и 98 млн долл., соответственно. Более 10 тыс. человек стали участниками данной программы в 2019 г. [Vulnerable Youth… 2020].

Экономики стран мира переходят на новый технологический уклад, связанный с широким распространением цифровых технологий. Происходят крупномасштабные перемены, включая трансформацию рынка труда. Речь идет, в том числе, и о жизненном цикле компаний. Если в 60-е годы XX в. среднюю продолжительность жизни компаний из списка S&P 500 оценивали в 50 лет, то сейчас речь идет о 10–30 годах для крупного и среднего бизнеса и 5–10 годах для малых предприятий. Сокращение жизненного цикла компаний – общемировой тренд. В новых реалиях пожизненный найм и карьера в одной компании практически невозможны. Сокращается жизненный цикл профессий и специальностей. Конечно, это вносит коррективы и ведет к изменениям в построении карьеры, в частоту переобучения и переквалификации с целью повысить собственную ликвидность на рынке труда.

Все большее распространение получают новые формы занятости, которые кардинально расходятся с ее традиционной моделью. Бизнес быстро реагирует на колебания рынка и старается оптимизировать состав и численность работников. Современные трансформации трудовых отношений носят глубокий характер и обусловлены изменением содержания и форм организации труда. Впереди открываются не только бесчисленные возможности для повышения качества трудовой жизни, расширения возможностей образования, сокращения гендерного разрыва, и решения многих других задач, но и усиливается неопределенность на рынке труда. Необходимо разрабатывать новые технологии регулирования социально-трудовых отношений.

Информационные технологии, вызывая противоречивые последствия, оказывают серьезное влияние на занятость, организацию труда и квалификацию рабочей силы в США. Технологии заметно меняют потребность на рынке труда в профессиях, порождают новые требования к квалификации работников [Экономика США 2014]. Три из четырех рабочих мест, которые будут созданы в ближайшие годы, потребуют более высокого уровня образования и профессиональной подготовки.

Поколение Z

В конце XX в. американские ученые У. Штраус и Н. Хоув разработали теорию [*Howe, Strauss* 1991], согласно которой примерно каждые 20 лет меняется поколение с характерными чертами и особенностями. По их периодизации, в США сейчас живут шесть поколений: «поколение победителей» (родились в период 1900–1923 гг.), «потерянное поколение» (родились в период 1923–1943 г.), поколение «беби-бумеров» (родились в период 1943–1963 гг.), «поколение X» (родились в период 1963–1983 гг.), «поколение Y» (родились в период 1983–2003 гг.), «поколение Z» (родились после 2003 г.) [*Попов* 2018]. Существуют и другие точки зрения относительно периодизации поколений, которые варьируются от представленных цифр в диапазоне до семи лет.

С начала XXI в. на рынок труда выходили представители поколения «Y» («поколение Миллениума», «Миллениалы», «сетевое поколение», «эхо-бумеры») [*Попов* 2018]. Исследователи пишут, что основным источником информации для «Y» стал Интернет и социальные сети, а не книги и школа. Представители этого поколения кардинально отличаются от всех предыдущих, они активно вовлечены в цифровые технологии, иначе выстраивают коммуникации, по-другому работают с информацией, их не нужно адаптировать к новым технологиям. По данным социологов, «миллениалы» сменят карьеру шесть–восемь раз в течение жизни, в том числе из-за склонности к разнообразию.

Сейчас на рынок труда начинают выходить представители поколения «Z» («цифровое поколение», «зумеры», «цифровой человек», «хоумлендеры»). Согласно данным аналити-

ческого центра «Пью», к поколению «Z» они относят американцев, которые родились после 1996 г. [*Igielnik* 2020]. При такой периодизации их численность составляет около 68 млн человек [*Kasasa* 2021]. С этого поколения существенно меняется расово-этнический состав США: только 52% – белые, 25% испаноязычных, 14% афроамериканцев, 6% азиатов, 5% – другие. Таким образом, каждый четвертый «зумер» – испаноязычный. Согласно прогнозам Бюро переписи США, – это первое поколение, в котором белые не будут составлять большинство к 2026 г. [Census Bureau 2017]. Возможно, что представители поколения «Z» станут самыми образованными. Они с меньшей вероятностью бросят школу и скорее всего поступят в колледж. Кроме того, они из более образованных семей. Например, в 2019 г. у 44% «зумеров» родители получили степень бакалавра или выше. У «миллениалов» в том же возрасте только 33% родителей имели такое образование. Такова общая тенденция к увеличению доли американцев с высшим образованием.

Во втором десятилетии XXI в. в США, наряду с традиционными мерами политики в сфере образования, был сделан акцент на подготовку кадров по естественным и инженерным специальностям. В образовательных программах STEM[9] (наука, технологии, инженерное дело и математика) в той или иной степени участвуют все федеральные ведомства [Экономика США 2018]. По прогнозам Бюро трудовой статистики, ожидается рост занятости более чем на 20–30% к 2028 г. по таким специальностям STEM, как аналитик информационной безопасности, математики, специалисты в области статистики. У перечисленных специальностей медианный годовой доход в 2018 г. составил около 100 тыс. долл. [K-12 2018]. Представителей поколения «Z» больше всего интересует карьера в бизнесе, здравоохранении и технологиях. Работа на производстве и в сфере розничной торговли наименее для них привлекательна.

Среднестатистически первый мобильный телефон у представителей поколения «Z» появляется в 10 лет. Согласно опросу аналитического центра «Пью», проведенному в 2018 г., 95% детей от 13 до 17 лет имеют смартфон; около 45% подростков говорят, что находятся в сети «почти постоянно»; 44%, по их утверждению, присутствуют в сети несколько раз в день [*Parker, Igielnik* 2020]. Социальные сети — неотъемлемая часть их жизни и работы. Самые популярные – YouTube, Instagram, TikTok, Snapchat. Опросы показывают, что около 80% представителей поколения «Z» хотят, чтобы их хобби превратилось в карьеру. Более того, 60% из них считают важным влиять своими взглядами на мир, на общество в целом [*Цэцэгмаа, Энхбаяр, Алтанчимэг* 2019].

Меняется и то, как подростки (15–17 лет) проводят свое летнее время[10]. По данным Бюро трудовой статистики, больше времени они посвящают образованию, меньше отдыху и работе. Только 18% подростков поколения «Z» (15–17 лет) были трудоустроены в 2018 г. – по сравнению с 27% подростков «миллениалов» в 2002 г. и 41% подростков «поколения X» в 1986 г. В среднем ежедневно летом подростки 3 ч. 42 мин. проводят перед экранами (телефонов, планшетов, компьютеров), 1 ч. 18 мин. тратят на оплачиваемую работу, 39 мин. на образование и 35 мин. заняты волонтерской деятельностью [*Livingston* 2019]. Волонтерство – общественно полезная неоплачиваемая добровольная работа. Согласно официальной американской статистике, 62,6 млн человек в возрасте от 16 лет и старше заняты волонтерской деятельностью, из них 8,4 млн человек в возрасте от 16 до 24 лет [Volunteering 2016]. Самая низкая активность наблюдается среди возрастной группы 20–24 года – 18,4%, тогда как подростки в возрасте от 16 до 19 лет вовлечены довольно существенно – 26,4%. Американская молодежь занимается волонтерством преимущественно в образовательных и молодежных организациях (30,6%), в религиозных

[9] Science, Technology, Engineering, Mathematics.
[10] Исследования касается одного летнего месяца – июля.

(25,4%) и в сфере социальных или общественных услуг (14,4%). Основное направление волонтерской деятельности американской молодежи – преподавание, репетиторство, сфера питания и сбор пожертвований.

Пандемия COVID-19 вызвала всплеск безработицы. В наиболее уязвимом положении оказались афроамериканская и азиатская молодежь. Потеря работы влечет большие финансовые трудности, особенно в бедных семьях. Например, в 2018 г. вклад работающей молодежи в доход семей, находящихся за чертой бедности, составил 26%, тогда как доля дохода молодежи в семьях с доходом в четыре раза выше черты бедности составила только 9% [Youth Labour 2020].

* * *

Анализ проблем молодежного рынка труда и государственных мер, направленных на их решение, способствует пониманию как текущих, так и долгосрочных проблем американского и мирового рынков труда. Результаты такого анализа могут быть использованы для прогнозирования развития ситуации в США и при выработке рекомендаций для российского молодежного рынка труда.

Опыт США показывает, что одним из ключевых направлений политики в сфере занятости является содействие молодежной занятости. Для повышения конкурентоспособности молодежи на рынке труда требуются значительные инвестиции в их профессиональную подготовку, необходимо расширять возможности для их самореализации, разрабатывать новые формы стимулирования участия в трудовой деятельности. Долгосрочная государственная стратегия поддержки молодежи имеет принципиальное значение для будущего страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Калужский М.Л. (2018) Сетевой рынок труда: монография. ОмГТУ. Москва; Берлин: Директ-Медиа.

Петровская Н.Е. (2019) Проблемы занятости в XXI веке: глобальные тенденции и национальные особенности (опыт США): монография. М.: ИНФРА-М.

Попов Н.П. (2018) Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения. №4(146). С. 309–323.

Попов Н.П. (2018) Смена поколений в США: миллениалы приходят в политику // Россия и Америка в XXI веке. №1. С. 11.

Цэцэгмаа Ц., Энхбаяр Ч. Алтанчимэг З. (2019) Отношение к труду и форма занятости поколений X, Y, Z: сходства и различия // Международный научно-исследовательский журнал. №5 (83). С. 6–10.

Шевчук А.В. (2020) От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. №1. Т. 32. С. 30–54.

Экономика США: ресурсы, структура и динамика (2014) Под ред. Супяна В.Б. М.: Магистр: ИНФРА-М.

Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития (2018) Отв. ред. Супян В.Б. М.: Издательство «Весь Мир».

Census Bureau US (2017) Population Projections Datasets (https://www.census.gov/programs-surveys/popproj/data/datasets.html).

Desilver D. (2019) 10 facts about American workers (https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/08/29/facts-about-american-workers/)

Employment and Unemployment Among Youth (2020) Bureau of Labour Statistics (https://www.bls.gov/news.release/pdf/youth.pdf).

Giattino C., Ortiz-Ospina E., Roser M. (2020) Working Hours. Our World in Data (https://ourworldindata.org/working-hours).

Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs (2020) ILO (https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_737648.pdf).

Household survey (2020) Bureau of Labour Statistics (https://www.bls.gov/cps/cpsa2020.pdf).

Howe N., Strauss W. (1991) Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company.

Kasasa (2021) Boomers, Gen X, Gen Y, and Gen Z Explained (https://www.kasasa.com/articles/generations/gen-x-gen-y-gen-z).

Labor Force Statistics from the Current Population Survey (2020) Bureau of Labour Statistics (https://www.bls.gov/cps/cpsa2020.pdf).

Livingston G. (2019) For U.S. teens today, summer means more schooling and less leisure time than in the past (https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/08/13/for-u-s-teens-today-summer-means-more-schooling-and-less-leisure-time-than-in-the-past/).

Livingston G. (2019) The way U.S. teens spend their time is changing, but differences between boys and girls persist (https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/02/20/the-way-u-s-teens-spend-their-time-is-changing-but-differences-between-boys-and-girls-persist/).

Parker K., Igielnik R. (2020) On the Cusp of Adulthood and Facing an Uncertain Future: What We Know About Gen Z So Far (https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/05/14/on-the-cusp-of-adulthood-and-facing-an-uncertain-future-what-we-know-about-gen-z-so-far-2/).

U.S. Youth Employment (2014) The Rockefeller Foundation (https://www.rockefellerfoundation.org/report/u-s-youth-employment/).

Volunteering in the United States (2016) Bureau of Labour Statistics (https://www.bls.gov/news.release/pdf/volun.pdf).

Vulnerable Youth: Employment and Job Training Programs (2020) Congressional Research Service Report. August 31 (https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R40929).

Youth Labor Force Indicators in the Context of COVID-19 (2020) Congressional Research Service (https://crsreports.congress.gov/product/ pdf/IN/IN11491).

K-12 (2018) Bureau of Labour Statistics (https://www.bls.gov/k12/ students/careers/stem-table.htm).

REFERENCES

Census Bureau US (2017) Population Projections Datasets. (https://www.census.gov/programs-surveys/popproj/data/datasets.html).

Desilver D. (2019) *10 facts about American workers* (https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/08/29/facts-about-american-workers/).

Ekonomika SSHA: resursy, struktura i dinamika (2014) [The US economy: Resources, structure, and dynamics]. Ed. Supyan V.B. M.: Magister: INFRA-M.

Employment and Unemployment Among Youth (2020) Bureau of Labour Statistics (https://www.bls.gov/news.release/pdf/youth.pdf).

Giattino C., Ortiz-Ospina E., Roser M. (2020) *Working Hours. Our World in Data* (https://ourworldindata.org/working-hours).

Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs (2020) ILO (https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_737648.pdf).

Household survey (2020) Bureau of Labour Statistics (https://www.bls.gov/cps/cpsa2020.pdf).

Howe N., Strauss W. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069.* New York: William Morrow & Company.

Kaluzhsky M.L. (2018) *Setevoj rynok truda: monografiya* [Networked labor market]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.

Kasasa (2021) *Boomers, Gen X, Gen Y, and Gen Z Explained* (https://www.kasasa.com/articles/generations/gen-x-gen-y-gen-z).

Labor Force Statistics from the Current Population Survey (2020) Bureau of Labour Statistics (https://www.bls.gov/cps/cpsa2020.pdf).

Livingston G. (2019) *For U.S. teens today, summer means more schooling and less leisure time than in the past* (https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/08/13/for-u-s-teens-today-summer-means-more-schooling-and-less-leisure-time-than-in-the-past/).

Livingston G. (2019) *The way U.S. teens spend their time is changing, but differences between boys and girls persist* (https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/02/20/the-way-u-s-teens-spend-their-time-is-changing-but-differences-between-boys-and-girls-persist/).

Parker K., Igielnik R. (2020) *On the Cusp of Adulthood and Facing an Uncertain Future: What We Know About Gen Z So Far* (https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/05/14/on-the-cusp-of-adulthood-and-facing-an-uncertain-future-what-we-know-about-gen-z-so-far-2/).

Petrovskaya N.E. (2019) *Problemy zanyatosti v XXI veke: global'nye tendencii i nacional'nye osobennosti (opyt SSHA): monografiya* [Employment problems in the XXI century: Global trends and National characteristics (US experience)]. Moscow: INFRA-M.

Popov N.P. (2018) Rossijskie i amerikanskie pokoleniya XX veka: otkuda prishli millenialy? [Russian and American generations of the XX century: where did millennials come from?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no. 4 (146), pp. 309–323.

Popov N.P. (2018) Smena pokolenij v SSHA: millenialy prihodyat v politiku [Generational Change in the United States: Millennials come to politics]. *Rossiya i Amerika v XXI veke,* no. 1, p. 11.

Shevchuk A.V. (2020) Ot fabriki k platforme: avtonomiya i kontrol' v cifrovoj ekonomike [From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy]. *Sociologiya vlasti*, no. 1, vol. 32, pp. 30–54.

The US economy in the XXI century: challenges and development trends. (2018) [The US economy in the XXI century: challenges and development trends]. Ed. Supyan V. B. Moscow: Ves" mir.

Tsetsegmaa Ts, Enkhbayar Ch. Altanchimeg Z. (2019) Otnoshenie k trudu i forma zanyatosti pokolenij X, Y, Z: skhodstva i razlichiya [Attitudes to work and the form of employment of generations X, Y, Z: similarities and differences]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, no. 5 (83), pp. 6–10.

U.S. Youth Employment (2014) The Rockefeller Foundation (https://www.rockefellerfoundation.org/report/u-s-youth-employment/).

Volunteering in the United States (2016) Bureau of Labour Statistics (https://www.bls.gov/news.release/pdf/volun.pdf).

Vulnerable Youth: Employment and Job Training Programs (2020) Congressional Research Service Report. August 31 (https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R40929).

Youth Labor Force Indicators in the Context of COVID-19 (2020) Congressional Research Service (https://crsreports.congress.gov/product/ pdf/IN/IN11491).

K-12 (2018) Bureau of Labour Statistics (https://www.bls.gov/k12/students/careers/stem-table.htm).

Информация об авторе

Петровская Наталья Евгеньевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономических исследований ФГБУН «Институт США и Канады РАН». Адрес: 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3,. E-mail: vitern@mail.ru

About the author

Natalia E. Petrovskaya – Candidate of Science (Economics), senior research fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. Address: 2/3, Khlebny per., Moscow, Russian Federation, 121069. E-mail: vitern@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received:
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised:
Статья принята к публикации / Accepted:

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 2. С. 79–89
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 2, pp. 79–89

DOI: 10.31857/S086904990014924-8

РОССИЯ И МИР
RUSSIA AND THE WORLD

Оригинальная статья / Original Article

«Догоняющая модернизация» России: прошлое и настоящее

© Г.Н. КРАЙНОВ

Крайнов Григорий Никандрович, Российский университет транспорта (Москва, Россия), krainovgn@mail.ru

В статье рассмотрены проблемы «догоняющей модернизации» России с использованием конкретно-исторического и политологического подходов. Догоняющая модернизация – это проведение реформ «сверху» с целью догнать передовые страны, подражая им в своем развитии, используя их конкретные структуры, технологии, отдельные элементы культуры. При вынужденном характере модернизации, под внешним давлением необходимо преодолеть отставание от Запада, сохранить свою независимость, суверенитет. Модель «догоняющего развития» действует в России с XVI в. вплоть до современности, но показала свою неэффективность, тупиковость.

Современная Россия активно проводит политику импортозамещения, по сути отказалась от старой модели «догоняющего развития», встает на путь инновационного развития, активно создает модель национальной модернизации по принципу опережающего развития «обгонять, не догоняя». В обществе необходимо формировать просвещенный патриотизм при внимательном отношении к любому зарубежному опыту, использованию всего передового, инновационного в мире. Отстаивая национальные интересы, следует учитывать наши самобытные особенности, в том числе православие, традиционализм, советские идеи, опыт и социальную справедливость.

Ключевые слова: «догоняющая модернизация», «догоняющее развитие», подражание, Россия, Запад, передовые страны, прошлое, настоящее.

Для цитирования: Крайнов Г.Н. (2021) «Догоняющая модернизация» России: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. № 2. С. 79–89 DOI: 10.31857/S086904990014924-8

Russia's «Catching up Modernization»: Past and Present

© G.N. KRAINOV

Grigory N. Krainov, Russian University of Transport (Moscow, Russia), krainovgn@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of "catching up modernization" of Russia with the use of concrete historical and political science approaches. Catching up modernization is the implementation of reforms

"from above" in order to catch up with the advanced countries, imitating them in their development, using their specific structures, technologies, individual elements of culture. Such modernization is more of a forced character, under external pressure it becomes necessary to overcome lagging behind the West in order to not become dependent, to maintain its independence and sovereignty. This model of "catch-up development" has been in effect in Russia since the 16th century and up to the present, but has shown its inefficiency, deadlock.

Modern Russia today is actively pursuing a policy of import substitution, in fact has abandoned the old model of "catching up development", is embarking on the path of innovative development, is actively pursuing a model of national modernization based on the principle of advancing development, "overtaking, not catching up". It is necessary to form an enlightened patriotism in society with a careful attitude to any foreign experience, the use of everything advanced, innovative in the world, taking into account our distinctive features, including Orthodoxy, traditionalism, Soviet ideas, experience and social justice, and resolutely defend our national interests.

Keywords: "catch-up modernization", "catch-up development", imitation, Russia, the West, advanced countries, the past, the present.

For Citation: Krainov G. (2021) Russia's "Catching up Modernization": past and present. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 2, pp. 79–89. DOI: 10.31857/S086904990014924-8 (In Russ.)

Сегодня не утихают острые дискуссии вокруг цели, задач, содержания проводимых российских реформ. До сих пор в российском обществе нет согласованного мнения: по какому пути развиваться – западному, самобытному, евразийскому? По традиции этот путь в России определяет власть. Навязываемая модель «догоняющих реформ сверху через подражание» изначально обрекала Россию на отставание: те, кого мы догоняем, тоже не стоят на месте и по мере нашего приближения уходят в своем развитии дальше за горизонт. К сожалению, это превращается в перманентный процесс. Модель «догоняющей модернизации» – это «догнать путем подражания», своеобразная форма зависимости от передовых, развитых западных стран, а зависимость всегда приводит только к отставанию.

Выражение «догоняющее развитие» применимо при рассмотрении «однолинейности» исторического развития (формационный подход), а не в концепции «рядоположенности» цивилизаций и культур (цивилизационный подход). Идея догоняющего развития акцентирует внимание на особом характере российского поступательного движения, преодолении отставания от Запада, чтобы не попасть в зависимость, сохранить суверенитет. Модернизация в этом случае носит в большей степени вынужденный характер.

Догоняющую модернизацию можно сравнить с перекатыванием квадратного колеса: когда колесо поставили на ребро, движение ускоряется, а когда колесо встанет на плоскость, движение останавливается. Так же и в общественном развитии: после модернизации, реформ начинаются контрреформы, застой. Догоняющая модернизация приводит к неравномерному, скачкообразному развитию. Народная пословица гласит: «Ждать да догонять хуже всего». В данной статье предпринята попытка анализа прошлого и настоящего модели «догоняющей модернизации» России.

Возникновение и развитие идеи «догоняющего развития» России

Идею догоняющего развития России впервые высказал Петр I, который в 1713 г. по поводу построенного в Петербурге корабля отметил: «Снилось ли вам, братцы, все это тридцать лет назад? Историки говорят, что науки, родившиеся в Греции, распространились в Италии, Франции, Германии, которые были погружены в такое же невежество,

в каком остаемся и мы. Теперь очередь за нами: если вы меня поддержите, быть может, мы еще доживем до того времени, когда догоним образованные страны» [*Эйдельман* 2013]. В петровское время ориентиром для модернизационных реформ стали голландские и германские примеры, ценности.

В 1872 г. историк-западник С. Соловьев в «Публичных чтениях о Петре Великом» и комментариях к ним отмечал: «Русский народ не отстал по своему развитию от других европейских народов, а только запоздал на два века, благодаря тем неблагоприятным условиям, которые окружали его со всех сторон до самого Петра» [*Соловьев* 1995]. Соловьев и другие представители «государственной школы» считали, что особенности отечественной истории были предопределены природными и географическими факторами, огромными просторами России, ее промежуточным положением между Европой и Азией. Однако наибольшее влияние на Россию все же оказывала Европа. По мнению Соловьева, Россия и Европа в рамках одной христианской цивилизации имеют общую историческую судьбу.

В 1911 г. В. Ключевский развил идеи своего учителя Соловьева и писал в своем дневнике: «Закон жизни отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созреет для реформы. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро» [*Ключевский* 1968]. В начале XIX столетия для подражания в России взяли уже французские ценности.

Идеи догоняющей модернизации под лозунгом «догнать и перегнать» получили развитие в советское время. В. Ленин в сентябре 1917 г. в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» писал: «Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и *экономически*»[1].

И. Сталин 19 ноября 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) сказал: «Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в смысле установления нового политического строя, советского строя. Это хорошо. Но этого мало. Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма, нужно ещё догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении»[2].

4 февраля 1931 г. на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности Сталин отметил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[3].

22 мая 1957 г. Первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев на зональном совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик СССР призвал «*догнать и перегнать* Америку за три года по производству мяса, молока и масла на душу населения» [*Медведев* 1989].

Траектория догоняющего развития бывает разной. Используя опыт развитых стран, можно сократить путь и время, проложить новую колею по бездорожью и попытаться достичь желаемой цели. Советская Россия в XX в. попыталась так поступить, свернув на путь социалистической модернизации. В стране были проведены индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция, она превратилась в мощную индустриальную державу, достигла военно-политического паритета с Западом. Однако западные соперники не стояли на месте, во второй половине XX в. они перешли на постиндустриальную стадию развития.

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198.
[2] Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 26.
[3] Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 29.

История, сущность и содержание «догоняющего» развития России

Чтобы понять логику, природу и механизм догоняющих реформ в России необходимо провести научный анализ всего исторического развития страны.

Отметим, что на территории Русской равнины первобытно-общинный строй продлился на 2 тысячи лет дольше, чем в Средиземноморье, в долинах Нила, Тигра и Ефрата. Неолитическая революция, когда человек современного вида перешел от присваивающего к производящему хозяйству (земледелию, скотоводству с последующим разделением труда), произошла здесь значительно позже. Дальнейшее развитие древнерусских земель было обусловлено поздним отступлением Великого ледника с территории нашей страны, началом развития без предшествующей культурной почвы, меньшей численностью населения и др.

Что касается развития первых европейских стран, то они изначально имели определенные преимущества на основе достижений и культурной почве Древней Греции и Рима.

К концу периода Великого переселения народов (IV–VII вв.), по сути этнической революции, древние восточнославянские племена заселили часть Русской равнины. Древнерусские земли в VIII–XII вв. развивались в русле общеевропейского направления, заметным и противоречивым было и византийское влияние.

При князе Владимире I Святом в 988 г. было принято христианство в православном варианте из Византии, что и послужило отправной точкой отдаления Руси от Запада. Модернизация Руси началась на основе территориального, религиозного, культурного единства русских земель.

В 1054 г. произошел раскол единой христианской религии на католическую и православную. Великая схизма создала и усиливала будущие противоречия, конфликты между католическим Западом и православной Русью.

В 1237 г. начинается монгольское нашествие на Русь. С 1240 г. на 240 лет устанавливается зависимость русских земель от Золотой Орды, что кардинально изменило вектор развития Руси в сторону восточной цивилизации. Шесть поколений людей жили в условиях золотоордынской подчиненности, русские князья перенимали модель, стиль восточного управления. Россия оказалась по сути отрезанной от Европы, формировала свой «азиатский» тип феодализма. Сформировавшееся к началу XVI в. Московское государство переняло от Золотой Орды азиатский стиль взаимоотношений деспотической власти и традиционного общества. Слабое развитие частной собственности, свободы, бесправие подданных лишало российское общество внутренней энергии саморазвития [*Крайнов* 2009].

В истории России догоняющую модернизацию начал еще Иван IV Грозный, который в ходе неудачной Ливонской войны в 1558–1583 гг. пытался выйти к берегам Балтийского моря и в Европу. Стремление Бориса Годунова провести необходимые реформы тоже закончились неудачно. Из Смуты начала XVII в. Россия выходила, усиливая крепостное право, самодержавную власть и постепенно ограничивая роль сословно-представительных органов (Земских соборов).

В XVII в. европейские страны пошли по пути развития капитализма, в то время как в России устанавливались крепостнические отношения, тормозившие ее развитие. Страна все больше отставала от Запада. Перед угрозой внешней агрессии Россия сосредоточивалась, проводила выборочно «реформы сверху» в промышленности, в военной сфере, но эти реформы не касались сельского хозяйства, деревни. Неравномерность экономического развития привела к дихотомии «развитый город – отсталая деревня». Друг на друга наслаивались первобытно-общинный строй на Севере, феодальный – на Кавказе, индустриальный – в центральной России. На Западе товарно-денежные зародились в XVI

в., в России это произошло лишь в XVIII в., а капитализм стал активно развиваться лишь после отмены крепостного права в 1861 г.

Анализ российской модернизации позволяет увидеть определенную цикличность развития, подтвержденную научными публикациями [*Пантин* 1997]. Можно выделить несколько таких циклов, волн модернизационных реформ и контрреформ в истории России:

– попытки реформ Ивана IV Грозного, Бориса Годунова – кризисы Смутного времени;

– реформы Петра I – отказ от реформ в период дворцовых переворотов; - преобразования Екатерины II – контрреформы Павла I;

– реформы Александра I – контрреформы Николая I;

– реформы Александра II – контрреформы Александра III;

– реформы С. Витте и П. Столыпина – контрреформы февраля–октября 1917 г., политика «военного коммунизма»;

– переход к НЭПу и реформы – сталинский «великий перелом», отказ от НЭПа;

– реформы Н. Хрущева и А. Косыгина – контрреформы брежневского «застойного» периода;

– реформы второй половины 80-х – 90-е гг. XX в. – преобразования в России в начале XXI в.

Петр I предпринял масштабную модернизацию страны, используя опыт таких европейских стран, как Голландия, Англия, Австрия, Пруссия. «Осовременивание» России проводилось административными методами «сверху», путем законодательного регулирования всех сторон жизни общества с целью воплотить идею государственного блага, служения Отечеству. Однако петровская европеизация больше касалась дворян, высших слоев общества и мало изменила традиционную жизнь основной части населения – крестьян. Произошел социокультурный раскол между «верхами» и «низами» российского общества. Говоря о петровской модернизации, Г. Плеханов отмечал: «К азиатскому туловищу московской Руси "царь-плотник" приделал европейские руки... Сила новых, европейских рук, оказывая России большие услуги в ее международных сношениях, невыгодно отражалась на многих сторонах ее внутреннего быта. Вздернув Россию, по выражению Пушкина, "на дыбы", великий царь раздавил народ под бременем налогов и довел деспотизм до неслыханной степени могущества» [*Плеханов* 1922 Т.3, с.74].

Постепенно петровская вестернизация радикально ломала старый и насаждала новый европейский образ жизни. Историк XIX в. М. Погодин писал: «Мы просыпаемся. Какой нынче день? – 18 сентября 1840 года. Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному первоначально Петром, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он, шерсть настрижена с овец, которых развел он. Попадается на глаза книга — Петр Великий ввел в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее — этот язык при Петре сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносят вам газеты — Петр Великий начал их издание. Вам нужно купить разные вещи — все они от шейного платка до сапожной подошвы будут напоминать вам о Петре Великом, одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге. За обедом, от соленых сельдей до картофеля, который сенатским указом указал он сеять, до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить вам о Петре Великом. После обеда вы едете в гости — это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам, допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого. Пойдем в университет — первое светское училище учреждено Петром Великим.… Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться, не можем оборотиться ни в одну сторону без того, чтобы не встретился с нами Петр, дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье, все он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу!» [*Анисимов* 2017].

В России появились мануфактуры, заводы, промышленность, армия и флот, образование и наука, новая культура. Однако сохранялась и старая народная традиционная жизнь и культура. Симбиозом двух культур – западнической и почвеннической – определена самобытность России. Мы заимствовали некоторые западные технологии, элементы культуры Запада, но не его гражданский, политический строй. Поэтому Россия не сумела встать на рельсы прогрессивного, ускоренного и динамичного развития. Отсюда — новое отставание в период дворцовых переворотов как ответ на реформы Екатерины II, Александра I.

Екатерина II проводила реформы в духе «просвещенного абсолютизма», желая сблизить Россию с «просвещенной» Европой XVIII в., отменить даже крепостное право. Однако, убоявшись консервативной дворянской оппозиции, отказалась от своих идей, изложенных в «Наказе» Уложенной Комиссии.

Пришедший к власти в 1796 г. Павел I наперекор своей матери начал проводить уже политику «непросвещенного абсолютизма», и, по выражению Ключевского, его деятельность носила характер «не столько политический, сколько патологический».

В следующем цикле в русло либеральных реформ в духе «просвещенного абсолютизма» направил страну Александр I. Победа над Наполеоном воодушевила передовую часть общества на их продолжение. Провести масштабную модернизацию страны не позволили нерешительность царя, отсутствие широкой поддержки реформ среди дворянства. Усиление консервативно-охранительных сил, подавление восстания декабристов в 1825 г. привели к контрреформам Николая I. Основой незыблемости самодержавия при нем провозглашался традиционализм под лозунгом «Православие, самодержавие, народность».

На рубеже 30–40-х гг. XIX в. возникли славянофильство и западничество – два либеральных идейных течения, оппозиционных царскому правительству. Западники (В. Белинский, Н. Чернышевский, Г. Грановский, С. Соловьев и др.) утверждали, что Россия развивается и должна развиваться по западному пути, потому что Россия и Западная Европа – одно культурно-историческое целое. Славянофилы (почвенники, русофилы – И. Киреевский, А. Хомяков, К. Аксаков, Ю. Самарин и др.) критиковали попытки западников, власти копировать европейские ценности без учета особенностей России. Они считали, что православный народ в крестьянских общинах – главная движущая сила России.

Следующий цикл «великих реформ» 1860-х гг. наступил при Александре II. Наконец-то освободили крестьян от крепостной зависимости, были проведены земская, судебная, городская, финансовая, военная, образовательная, цензурная реформы буржуазного характера. Однако модернизация не была завершена, прерванная убийством Александра II народовольцами 1 марта 1881 г. Вступивший на престол Александр III проводил политику контрреформ, в частности, ограничены самостоятельность судебных, земских органов и др.

Новый цикл модернизации отмечен реформами С. Витте – П. Столыпина, которые проводили политику индустриализации страны, развития фермерского хозяйства, умиротворения общества после первой российской революции. Общество обрело гражданские свободы, появились многопартийность, профсоюзы и др. По экономическому развитию Россия была в числе первых пяти стран мира. Модернизационный процесс прервали убийство П. Столыпина в 1911 г., вступление России в Первую мировую войну в 1914 г. В стране обострились противоречия, чем воспользовались думская либеральная оппозиция, революционеры. 2 марта 1917 г. Николай II отрекся от престола. Февральские и октябрьские события 1917 г. разрушили Российскую империю, привели к Гражданской войне, жесткой политике «военного коммунизма». Раскол между властью и народом, государством и обществом сохранялся.

Догоняющая модернизация в дореволюционной России так и не смогла вывести страну на уровень передовых европейских стран.

В начале 1920-х гг. в среде русской эмиграции возникла евразийская концепция истории России, которая ведет отсчет с выходом в Софии в 1921 г. сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев» (авторы П. Савицкий, Г. Флоровский, Н. Трубецкой). На основе исторического анализа евразийцы пришли к выводу, что западные либеральные ценности нельзя автоматически перенести на российскую почву, так как евразийская Россия имеет свой самобытный культурно-исторический тип. Среди их задач – создание новой «евразийской» идеологии вместо коммунистической при сохранении советского политического строя. Евразийская идеология имела много общего с славянофильской и просуществовала до 30-х гг. XX в. Реализовать задуманное ее представители не смогли. Тем не менее проблемы, ими поставленные, актуальны и для современной России.

В 1921 г. переход к новой экономической политике, казалось бы, открыл новый цикл модернизации страны. Однако развитие рыночной модели социализма сознательно ограничивалось и вытеснялось монопольной властью большевиков в угоду марксистской доктрине, будучи использованной только как антикризисная программа для восстановления народного хозяйства. Уже к концу 1920-х гг. от НЭПа отказались, сталинское руководство победило во внутрипартийной борьбе и стало формировать командно-административную, тоталитарную систему. Для укрепления своей единоличной власти Сталин применял репрессии в отношении своих прямых и потенциальных оппонентов.

Советское государство практиковало мобилизационный тип развития. При полном контроле за функционированием общества оно удерживало его в постоянном напряжении в ожидании внешней агрессии. В стране развернулась масштабная военно-патриотическая работа. В 1918 г. был введен Всеобуч – обязательное обучение военному делу граждан в возрасте 18–40 лет. Подростки допризывного возраста 16–17 лет проходили военное обучение на добровольной основе [*Крайнов* 1993].

Попытку следующей модернизации страны можно связать с реформами Н. Хрущева и А. Косыгина, которые хотели ввести на предприятиях определенную самостоятельность, хозяйственный расчет, улучшить систему партийно-государственного управления и др. Не принятые партийно-государственной бюрократией, эти реформы не дали должного результата. Последовательные и глубокие, они угрожали бы самой власти, системе. Характерно высказывание на этот счет Хрущева: «Мы в руководстве сознательно были за оттепель, но испугались, что за оттепелью польется поток, а мы окажемся не в состоянии его контролировать, и он может и нас затопить. Он может выйти за советские берега, образовать такие волны, которые сметут все барьеры, стены, удерживающие советское общество» [Мемуары… 1990].

После прихода к власти Л. Брежнева происходит тихая реабилитация Сталина. Вопрос о преодолении «культа личности» ушел с повестки дня, консервативная политика постепенно приводит к «застою». Ужесточение идеологической линии партии сопровождалось подавлением правозащитного, диссидентского движения.

Начавшаяся в 1985 г. «перестройка» в СССР предусматривала вначале экономическую модернизацию и совершенствование социализма. После XIX Всесоюзной партийной конференции в 1988 г. начались непродуманные и поспешные политические реформы, которые привели к разрушению политической системы и развалу СССР. В 1990-е гг. российская либеральная политическая элита принимала за образец для модернизации государственную модель, экономический и политический опыт США.

С 2000-х гг. новая Россия постепенно восстанавливает суверенитет, влияние на международной арене, превращаясь в один из самостоятельных мировых центров. В то же

время современная Россия повторяет, воспроизводит свои исторически традиционные черты. Среди них можно выделить следующие:

1. Инициатором реформ выступало государство.

2. Реформы проводила чиновничья бюрократия.

3. Старые социальные структуры подлежат ликвидации, народ рассматривается как материал для социального эксперимента. Реформы приводят к социальному расслоению в обществе.

4. Быстрые реформы чередуются откатом от реформ, сохраняются традиционные черты.

5. Внешнее давление подгоняет «догоняющее развитие» [*Крайнов* 2019].

При догоняющем развитии через подражание образцам более развитых стран реформы основаны не на естественном саморазвитии общества, а по инициативе власти «сверху». На конкретных примерах из истории России можно отметить: реформы всегда начинались под давлением внешнеполитических факторов. Экономическое, военно-техническое отставание от развитых стран Запада приводило к угрозе внешней агрессии, поражению в войне, потере авторитета власти и государства.

Внутренними причинами, предпосылками реформ были различные народные движения, бунты, восстания, революции, а также необходимость развития народного хозяйства, расширения и освоения новых территорий, укрепления российского государства и власти, совершенствования управления обществом и др.

Модели «догоняющей модернизации» и современность

Возникшая в середине XX в. теория модернизации принимала передовые страны Запада за образец, пример для подражания остальным, а несовпадения с этими образцами трактовались как незавершенная модернизация страны. На определенном историческом этапе, когда западные страны бурно развивались на пути капитализма, это было оправдано. Сегодня такая точка зрения пересматривается в концепции множества «модернизмов». В частности, С. Хантингтон выделил две модели модернизации: вестернизация и догоняющее развитие. Вестернизация понимается как процесс перерастания традиционного общества в современное, индустриальное путем переноса соответствующих структур, технологий, образа жизни западных стран. Политолог выделяет несколько путей модернизационного развития:

1. Вестернизация без модернизации – выборочное, поверхностное усвоение западных элементов, структур образцов, технологий, ценностей без опоры на развитие своих культурных традиций. Скажем, Филиппины длительное время находятся под опекой США, но там не сформировался американский капитализм, и люди живут в бедственном положении.

2. Модернизация без вестернизации – осовременивание на традиционной почве с использованием достижений передовых развитых стран. Например, Япония провела модернизацию на собственной культурной основе, не разрушая традиционные общинные институты. Тем же путем развиваются и другие страны Юго-Восточной Азии.

3. Догоняющее развитие – соотношение модернизации и вестернизации здесь примерно одинаковое, но постоянно такое соотношение неэффективно. Те, кого догоняют, продолжают активно развиваться. Такая модель использовалась, в том числе, в России. Догоняющее развитие через подражание позволяет достичь на каком-то историческом этапе некоторых успехов, но в конечном счете ведет в тупик.

4. Национальная модель модернизации – достигнув определенного уровня вестернизации, перейти к типу развития, диктуемому национальными интересами и перспективами страны. Например, освоив с помощью развитых стран компьютерную технику, техно-

логию, следует переходить к своим инновационным технологиям, а не ждать появления у развитой страны квантового компьютера. Хантингтон считает такую модель наиболее оптимальной. В этом случае можно говорить о разных типах модернизации, множестве «модернизмов» [*Huntington* 1996].

Исследователь Ш. Айзенштадт считает, что в условиях современных трансформаций Запад уже не может быть универсальным образцом развития. На локальном уровне каждая страна, учитывая опыт и достижения других, должна определить: в каком типе модернизации она нуждается? В данном случае тоже можно говорить о множестве «модернизмов» [*Eisenstadt* 2000].

Исторический опыт показывает: крайние точки зрения – «западное развитие» и «самобытное развитие» сегодня смещаются к центру. Формируется модель «Заимствование – Самобытность», при учете всего мирового (не только западного) опыта развития и самобытных национальных, региональных особенностей.

Сегодня России необходимо перейти от «догоняющей» модели модернизации к национальной по принципу опережающего развития «обгонять, не догоняя». Общество нуждается в формировании просвещенного патриотизма, внимании к любому зарубежному опыту, но с учетом наших самобытных особенностей, в том числе православия, традиционализма, советского опыта и т.д. Словом, следует решительнее отстаивать наши национальные интересы. Консолидации российского общества в достижении целей инновационного развития может способствовать эффективная реализация перспективных национальных и федеральных проектов, программ социально-экономического развития страны.

В ближайшие годы нужно полностью решить вопросы импортозамещения и перейти к постиндустриальному технологическому укладу. Необходимо продвигать наши экономические интересы путем создания мощных транснациональных корпораций, компаний. Опираясь на достижения фундаментальной науки, образования, кадровый потенциал, Россия вполне способна обеспечить инновационный прорыв, вернуть статус мирового технологического лидера. Стратегическая линия развития страны должна быть направлена на защиту интересов граждан, формирование гражданского общества, повышение жизненного уровня людей, рост конкурентоспособности национальных товаров на внутреннем и внешнем рынках [*Иванов* 2011].

* * *

Догоняющая модернизация – это проведение реформ «сверху» с целью догнать передовые страны, подражая им в своем развитии, используя их конкретные структуры, технологии, отдельные элементы культуры. Модель «догоняющего развития» действовала в России с XVI в. вплоть до современности и показала свою неэффективность, тупиковость. Новая Россия в 1990-е гг. попыталась на равных встроиться в западную модель развития. Однако США и западные страны были настроены подчинить и превратить Россию в свой сырьевой придаток, развернув санкционную политику, особенно после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. Россия не может согласиться с такой политикой Запада. Страна активно проводит политику импортозамещения, по сути отказалась от старой модели «догоняющего развития», выбирает путь инновационного развития, осуществляя модель национальной модернизации.

Россия не должна и не может развиваться по схеме догоняющего развития на базе сырьевой экономики. Опираясь на собственный научный, образовательный, промышленный и ресурсный потенциал, адаптируя лучшую зарубежную практику к потребностям страны, необходимо обеспечить переход к постиндустриальному обществу, базирующемся на экономике знаний и новой технологической платформе. Учитывать можно не только

опыт Запада, но и стран Востока: Китая, Японии, Южной Кореи, Малайзии и др. В той или иной мере эти страны преодолели «догоняющее развитие», перейдя к развитию инновационному. Нам необходимо эффективно использовать преимущества своего географического, геополитического положения, опыт и особенности цивилизационного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов Е. (2017) Петр Первый: благо или зло для России? М.: КоЛибри.

Иванов В.В. (2011) Инновационная политика России: варианты и перспективы // Инновации. № 02 (148). С. 17–24.

Ключевский В.О. (1968) Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука.

Крайнов Г.Н. (1993) Скауты в России // Отечественная история. № 5. С. 207–212.

Крайнов Г.Н. (2009) «Догоняющие» реформы в России: история и современность // Современные проблемы науки и образования. № 6-1. С. 117–119.

Крайнов Г.Н. (2019) О современном состоянии профсоюзного движения в России // Социологические исследования. № 8. С. 157–161. DOI: 10.31857/S013216250006179-9

Медведев Р.А. (1990) Н.С. Хрущев: Политическая биография. М.: Книга.

Мемуары Н.С. Хрущева (1990) // Вопросы истории. № 4. С. 62–85.

Пантин В.И. (1997) Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М.: Мос. филос. фонд.

Плеханов Г.В. (1922) Новый защитник самодержавия, или Горе Г.Л. Тихомирова. Соч. в 24 т. М, 1922. Т. 3. С. 74. Соловьев С.М. (1999) Соч. Кн. 17. М.: Колокол-Пресс.

Эйдельман Н. (2013) «Революция сверху» в России. М.: Книга.

Eisenstadt S. N. (2000) Multiple Modernities // Daedalus. Winter. Vol. 29. № 1. P. 3–29.

Huntington S.P. (1996) The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York.

REFERENCES

Anisimov E. (2017) *Petr Pervyj: blago ili zlo dlya Rossii?* [Peter the Great: good or evil for Russia?] Moscow: KoLibri.

Ivanov V.V. (2011) Innovacionnaya politika Rossii: varianty i perspektivy [Innovation policy of Russia: options and prospects]. *Innovations*, no. 02 (148), pp. 17–24.

Klyuchevsky V.O. (1968) *Dnevniki. Aforizmy i mysli ob istorii* [Diaries. Aphorisms and thoughts about history]. Moscow: Nauka.

Krainov G.N. (2009) «Dogonyayushchie» reformy v Rossii: istoriya i sovremennost' [«Catching up» reforms in Russia: history and modernity]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya,* no. 6-1, pp. 117–119.

Krainov G.N. (1993) Skauty v Rossii [Scouts in Russia]. *Otechestvennaya istoriya,* no. 5, pp. 207–212.

Krainov G.N. (2019) O sovremennom sostoyanii profsoyuznogo dvizheniya v Rossii [On the current state of the trade union movement in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya,* no. 8, pp. 157–161. DOI: 10.31857/S013216250006179-9

Medvedev R.A. (1990) *N.S. Hrushchyov: Politicheskaya biografiya* [N.S. Khrushchev: A political biography]. Moscow: Kniga.

Memuary N.S. Hrushcheva (1990) [Memoirs of N. S. Khrushchev]. *Voprosy istorii,* no. 4, pp. 62–85.

Pantin V.I. (1997) *Cikly i volny modernizacii kak fenomen social'nogo razvitiya* [Cycles and waves of modernization as a phenomenon of social development]. Moscow: Mos. filos. fond.

Plekhanov G.V. (1922) *Novyj zashchitnik samoderzhaviya, ili Gore G.L. Tihomirova* [The new defender of absolutist tsarism or the grief of Mr. G.L. Tikhomirov] Collected works in 24 volumes. Moscow: 1922. V. 3. P. 74.

Solov'ev S.M. (1999) *Soch*. Kn.17 [Essays. Book 17]. Moscow: Kolokol-Press.

Eidelman N. (2013) *«Revolyuciya sverhu» v Rossii* [«Revolution from above» in Russia]. Moscow: Kniga.

Eisenstadt S.N. (2000) Plural modernity. *Daedalus. Winter*, vol. 29, no. 1, pp. 3–29.

Huntington S. P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Changing World Order*. New York.

Информация об авторе

Крайнов Григорий Никандрович, доктор исторических наук, профессор кафедры «История» Российского университета транспорта. Адрес: 127994, Москва, ул. Образцова, д.9, с.2. E-mail: krainovgn@mail.ru

About the author

Grigory N. Krainov – Doctor of Science (History), Professor of the Department of History of the Russian University of Transport. Address: 9, p. 2, Obraztsova str., Moscow, Russian Federation. 127994. E-mail: krainovgn@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 07.04.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 25.04.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 29.04.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 2. С. 90–102
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 2, pp. 90–102

DOI: 10.31857/S086904990014923-7

Оригинальная статья / Original Article

«Они» и «мы»: восприятие своей и других стран российскими гражданами

© Е.Б. ШЕСТОПАЛ

Шестопал Елена Борисовна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), shestop0505@rambler.ru

Статья основана на результатах политико-психологического исследования образов своей собственной и чужих стран в сознании российских граждан. Методология включала опрос с большим количеством открытых вопросов, глубинные интервью, картографический метод, семантический дифференциал и проективный тест. Результаты проекта показали наибольшее воздействие на восприятие своей собственной и других стран таких факторов, как событийный контекст, культурные традиции, психологическое состояние российского общества, коммуникативная среда. Полученные результаты свидетельствуют, что для россиян в целом не характерен территориальный экспансионизм. Важнее для нас признание российской культуры и системы ценностей. Комплекс «национальной неполноценности», распространенный в 1980-х–2000-х гг., до конца пока не преодолен. Однако подъем национальной гордости, вызванный воссоединением Крыма с Россией, определяет общественные настроения, несмотря на волатильность этого тренда.

Анализ восприятия других стран позволил выделить механизмы их категоризации российскими гражданами. Представления российских граждан о других странах включают «соседей» (постсоветские страны), «стратегических партнеров» (Индию и Китай), «забытых союзников» (Латинскую Америку и Африку) «значимого другого» (отдельные страны Европы и менее значимый Евросоюз), образ «врага» (США) и «туристическую Мекку» (Турция и Таиланд).

Ключевые слова: политическое восприятие, образ страны, факторы восприятия, идентичность, ментальная «карта мира».

Для цитирования: Шестопал Е.Б. (2021) «Они» и «мы»: восприятие своей и других стран российскими гражданами // Общественные науки и современность. № 2. С. 90–102. DOI: 10.31857/S086904990014923-7

Работа выполнена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

«They» and «We»: Russian Citizens' Perception of Their Own and Foreign Countries

© E.B. SHESTOPAL

Elena B. Shestopal, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), shestop0505@rambler.ru

Abstract. The paper is based on the results of political-psychological study of Russian citizens' images of their own and foreign countries. Methodology included a survey with a number of open-ended questions, in-depth interviews, methods of cartography, semantic differential and a projective test. The study has shown that perceptions of a country are influenced mostly by such factors as the events context, cultural traditions, psychological conditions of Russian society and communication. Our results prove that Russians in general do not share territorial expansionism. Recognition of Russian culture and value system by others is more important for them.

At the current moment the national «inferiority complex» that had been widely spread in the 1980-2000-s is not completely overcome, nevertheless the growth of national pride after reunification with Crimea determines social moods, though the trend is volatile.

Our analysis of Russians' perception of other countries enabled us to distinguish categorization mechanisms, used by our citizens. So the images of other countries include «neighbors» (post-Soviet countries) «strategic partners» (India and China), «forgotten allies» (Latin America and Africa), «significant «other» (individual European countries and less significant EU, «enemy» image (USA) and the «tourist Mecca» (Turkey and Thailand).

Keywords*:* political perception, country image, perception factors, identity, mental «world map»**.**

For Citation: Shestopal E. (2021) «They» and «We»: Russian Citizens' Perception of Their Own and Foreign Countries. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 2, pp. 90–102. DOI: 10.31857/S086904990014923-7 (In Russ.)

Положительный образ страны сейчас нередко трактуют как один из важнейших факторов ее «мягкой силы». Трудно представить себе позитивный образ страны за рубежом, если ее жители видят себя в «черном цвете». Именно так наши граждане оценивали свою страну с перестроечных 1980-х гг. Политическая элита тогда убеждала нас, что советский период был «черной дырой» в истории страны, и 70 лет советской власти не принесли ничего, кроме отставания от «цивилизованного» мира. Поскорее догнать, став его частью, пусть и ценой утраты суверенитета – этот тренд доминировал вплоть до 2014 г.

Большинство населения именно такой – неразвитой, отсталой, несовременной, – и видело свою страну все 1990-е и 2000-е гг. Более ранние исследования образа России [*Шестопал* 2012] свидетельствовали о серьезном комплексе «национальной неполноценности». Были не просто отброшены политические ценности советского образца – сомневались и в традиционных ценностях русской, российской культуры, истории. Вместо них гражданам предлагали общемировые, европейские, западные ценности и цели развития. Неудивительно, что с нами не считались другие: мы сами себя не уважали.

События последнего времени быстро меняют и политическую реальность, и наши представления о своей стране, о мире и о нашем в нем месте. Современное восприятие своей и других стран в России стало предметом нашего анализа в масштабном политико-психологическом исследовании, которое проходило с 2017 г. по 2020 г. Среди множества вопросов, которыми мы задавались в ходе исследования, на первый план вышли два главных: кто такие «мы» и кто такие «они»?

Как мы видим себя? «Мы» – европейцы, азиаты или «евразийцы», цивилизованные или варвары, великая страна или региональная держава? ***Кто такие «они»?***

Отличаются ли они от нас или мы с ними похожи, чужие он нам или свои, кто наши враги, друзья, соперники и союзники? Как меняется представление нашего общества о «них» под воздействием быстрых изменений международной среды? Ответы на вопросы о «них» во многом зависят от нашей собственной идентификации. В то же время понять самих себя можно лишь при сравнении с другими, отталкиваясь от их образов. В этой статье предпринята попытка обобщить результаты нашего исследования.

Теоретические подходы к анализу странового восприятия

В изучении образов своих и других стран мы опирались на четыре основных подхода: теорию политической идентичности, работы политических географов и теоретиков международных отношений и на политико-психологический подход.

Теория политической идентичности позволяет рассматривать образ своей страны в сознании граждан как некий «набор параметров для самоотождествления» [*Семененко* 2007, с. 5]. Содержательное наполнение этих «элементов» формирует «внутренний» образ страны, позволяет соединить те или иные компоненты ее образа с механизмами соотнесения индивидом себя с той или иной социальной общностью. В 2000-е гг. появилось немало работ, посвященных кризису идентичности [*Дробижева* 2017; *Евгеньева, Селезнева* 2017], которые позволили политическим психологам анализировать механизмы формирования образа своей страны в контексте определения других.

Теоретики в области ***международных отношений и сравнительной политологии*** продвигаются в нескольких направлениях. *Первое рассматривает* образ страны в контексте самовосприятия государства, то есть конструирования им собственного образа. *Второе* выдвигает проблему «коммуникационной модели в мировом информационном пространстве», с помощью которой «страна ведет диалог с другими странами и народами» [*Галумов* 2007; Образ России 2013] и реализует влияние в межгосударственных отношениях [*Харт, Джонс* 2011]. Влияние на изменение образа страны особенно актуально для так называемых «растущих держав» [*Li (Leah), Chitty* 2009; *Браун* 2018; *Chaban, Elgström, Gulyaeva* 2017], к числу которых относят и Россию.

Наконец, *третье направление,* представленно анализом образов *стран в массовом сознании. Образы своего* государства служат гражданам основой поддержки ими внешней политики. Говоря об образах *другого государства,* Р. Херрманн и М. Фишеркеллер [*Herrmann, Fischerkeller* 1995, p. 425–428; *Castano, Bonacossa, Gries* 2016] выделяют в нем три компонента. Первый позволяет понять мотивацию внешнеполитической деятельности оппонента, второй – судить об уровне его могущества, третий – о процессе принятия решений. Их сочетание находит отражение в стереотипных образах «врага», «империи», «дегенерата», «союзника», «колонии». В ряде работ этот перечень дополнен образами «варвара» [*Herrmann, Voss, Shchooler, Ciarrochi* 1997, p. 409] и «изгоя» [*Cottam* 2004, p. 45].

Политические географы рассматривают образ России в сознании российских граждан прежде всего с точки зрения территориального компонента. Д. Замятин, Н. Замятина, И. Митин, Д. Заяц, В. Колосов [*Колосов*, 2008] и другие в исследованиях страновых образов фокусируют внимание на их когнитивных и собственно пространственных аспектах, не обращаясь к эмоциональной природе восприятия. замена слова психологической на эмоциональной.

Последняя тема по преимуществу исследована в рамках ***политико-психологического подхода*** и, в особенности, в теории политического восприятия. Изучая образ страны комплексно, учитывают не только содержание образа, но и его сложную психологическую структуру. Кроме рациональных, здесь выделены еще и неосознаваемые пласты

образа страны. В политико-психологической литературе последних лет появились работы, где проблема восприятия анализируется применительно к восприятию своей собственной и других стран [*Бокова, Ван Бейбей* 2016]. Такого рода подход позволил нам сформулировать собственную концептуальную модель, представленную ниже.

Концептуальная модель изучения образов стран и описание исследования

Наш анализ показал, что образ своей страны у наших респондентов имеет, наряду с *рациональными* компонентами, *неосознаваемые,* по преимуществу эмоциональные составляющие. Их выявление требует специальной методологии. В психологической структуре образа отслежены такие параметры, как *привлекательность, сила и активность*. В содержательном плане мы выявляли наличие и определяли значимость следующих компонентов образа страны:

– территория;
– власть;
– лидер;
– население;
– роль страны в мире.

На формирование образов страны влияют объектные факторы [*Шестопал* 2019, с. 44–72] (сама страна, ее лидеры и население и контекст, в котором выделены устойчивые и изменчивые компоненты). Интересуют нас и *субъектные факторы*: социально-демографические и психологические характеристики воспринимающих страну граждан. Один из центральных здесь – *территориальный фактор*. *Темпоральный фактор* позволяет понять, как меняются образы страны со временем, как респонденты видят этот образ в настоящем, прошлом и будущем. В предложенной модели учтен также и *коммуникативный фактор*, который в современной политике играет особую роль.

Примененная исследовательская модель позволяет получить актуальное представление опрошенных о том, как «Мы» видим «Их», какова степень нашей с этими странами общности и отличий, то есть картину мира, сложившуюся в сознании российских граждан.

Методология. Отдельные части эмпирического исследования проводились в разные годы, начиная с 2014 г. по 2019 г. Последний этап исследования проходил с 2017 г. по 2020 г.

Методология включала в себя *опрос* с большим количеством открытых вопросов, фокусированные *интервью* с использованием *метода «неоконченных предложений»*, а также метод *проективных тестов («рисунок России»), картографический метод и семантический дифференциал.* Неосознаваемые аспекты образа страны зафиксированы посредством выявления метафор в ответах и анализом символов и сюжетов в рисунках. Для интерпретации полученных данных использованы *качественные методы* с элементами *количественных*, в частности методы кодирования и шкалирования ответов на открытые вопросы, а также статистический анализ.

Выборка. В исследовании участвовали респонденты из Москвы, Брянской, Самарской, Саратовской, Смоленской, Томской и Челябинской областей, республик Башкортостан, Дагестан, Крым и Тыва. Выборка в целом превышает 3000 опрошенных. На каждом этапе численность респондентов определялась исходя из задач и стандартов качественного исследования. Не будучи репрезентативной для России в целом, выборка была сбалансирована по полу, возрасту и образованию.

Результаты исследования и их обсуждение

«Мы». Образ России в самой России. Первое**,** что бросается в глаза – процесс формирования национально-государственной идентичности в сознании наших граждан (чувство «мы»), несмотря на тридцатилетний период, трансформации явно не завершен. На вопрос «кто мы такие?» однозначного ответа пока нет. Национально-государственная идентичность оказалась расколотой между национально-государственной, региональной, поколенческой и иными частными идентичностями, которые гражданам осознать значительно проще, чем свою связь со страной в целом.

Впрочем, в этом мы не уникальны, и идентификационный раскол не исключительно российская особенность. Например, С. Хантингтон, исследуя проблему американской идентичности в книге «Кто мы?», изданной в 2004 г., также указывал на противоречия между национальной и космополитичной, национальной и субнациональной идентичностями в современной Америке [*Хантингтон* 2018, с. 20–33]. Именно нерешенность этих противоречий привела в 2019–2021 гг. к политическим, расовым, гендерным и другим расколам американского общества.

Еще одна проблема, на которую указал Хантингтон и с которой столкнулись и мы в нашем исследовании, – различия в национальной идентичности у рядовых граждан и представителей элит, особенно транснациональных. Они не отождествляют ни себя, ни свои корпоративные и личные интересы со своей страной. Хантингтон показал, что отличие в восприятии своей страны между элитами и обществом есть величина не постоянная. Разрыв между ними может сокращаться в моменты серьезных угроз нации. Ситуация резко изменилась в США в связи с событиями 11 сентября 2001 г. В России поразительный сдвиг в сторону консолидации нации произошел под влиянием крымских событий 2014 г. Однако в наших условиях этот кризис был куда более острым, помноженным на катастрофическое разрушение прежней идентичности с распадом Советского Союза.

Присоединение Крыма к России и последующая череда санкций Запада против нашей страны помогли нам в поиске ответа на вопрос: кто мы такие? Ответ оказался во многом связан с осознанием особого пути России, отличия от Запада по ключевым национальным целям и ценностям. События того периода поставили в повестку дня начавшуюся в тот период, но так и не доведенную до конца «национализацию» элит.

Кризис национально-государственной идентичности благодаря «Крымской весне» был несколько смягчен, но не преодолен полностью. Незавершенным в сознании граждан остался и «крымский консенсус». Даже в чисто пространственном смысле образы России и Крыма до конца не слились в сознании опрошенных. Такая же проблема была выявлена и в отношении других регионов (Калининград, Сахалин). Очевидно, что стихийный процесс консолидации идет нелинейно, и без внятной политической и информационной стратегии государства его успех не гарантирован. Общество самостоятельно вряд ли сможет вернуться к «норме».

В то же время, несмотря на определенные зигзаги, фундаментальные сдвиги в массовом сознании россиян все же произошли, и вряд ли этот процесс кардинально повернется вспять. «Комплекс национальной неполноценности», который доминировал у нас на протяжении почти трех десятилетий для ***большинства граждан,*** остался в прошлом. Правда, его остаточные проявления были обнаружены у отдельных групп населения.

Образ своей страны в сознании граждан имеет довольно четкие очертания в отношении ***содержательных характеристик*****:** Мы отслеживали 6 среди из них:

– стержневым компонентом образа страны выступает ***народ.*** Данный конструкт имеет наибольшую устойчивость и единообразие даже с учетом разнообразия региональных типов восприятия;

– ***образ политического лидера*** – один из ключевых компонентов в восприятии страны. Речь здесь идет как о лидерах прошлого, так и о действующих политиках. В представлениях россиян именно политический лидер должен предложить национальную идею, стратегию и образ будущего страны;

– ***власть*** выступает самой рельефной частью образа, что не мешает респондентам оценивать ее весьма негативно. Представления о федеральной власти в стране формируются сквозь призму восприятия более близких респонденту местного и регионального уровней властей. Здесь есть свои исключения. В частности, в Москве мы столкнулись с феноменом слияния в сознании граждан властей разного уровня. В столице респонденты видят власть только как федеральную. Городская власть как бы «проваливается» под весом федеральной;

– отвечая на вопрос о том, что для них значит Россия, респонденты с уверенностью выделяли параметр ***территории***. Большинство убеждены, что наши границы останутся прежними. Своей земли мы никому не отдадим, а прирасти она может разве что за счет Донбасса. Поправки в Конституцию, которые касаются невозможности отчуждения нашей территории, отвечали ожиданиям граждан. Свою континентальную и культурную идентичность респонденты связывают преимущественно с Европой, видя себя ее частью;

– к пространственным компонентам образа страны примыкают и его ***культурно-исторические*** аспекты. Они актуализируют идентификацию с местом, с образами прошлого и будущего. Полученные данные показывают, что образ России у российских граждан содержит определенный набор противоречий. Среди них фрагментация символического пространства образа страны, размывание пространственных границ, амбивалентность прошлого, идеализация будущего в сочетании с негативной оценкой настоящего. Подобные противоречия могут сигнализировать о серьезных глубинных проблемах формирования национально-государственной идентичности современного общества;

– ***миссия России на международной арене*** – наиболее подвижный компонент**.** В настоящее время этот аспект вызывает у опрошенных более позитивный отклик, чем внутренняя политика. Миссию страны на международной арене они видят не в завоеваниях и агрессии, а в том, чтобы быть защитниками более слабых и угнетенных, нести другим народам мир. Не приходится сомневаться, что возвращение к «нормальности» в мировых делах наши граждане связывают с ролью России как великой державы и однозначно одобряют действия власти по возвращению стране этого статуса.

Другое измерение образа страны – его **психологические характеристики.** Они отличаются определенной противоречивостью. ***Эмоциональной доминантой*** в нем служит образ народа с исключительно позитивным характером. Столь же положительным выглядит и образ национального лидера. Вместе с тем этим двум компонентам противостоит негативный образ власти в сознании ее граждан. Правда, его стали воспринимать намного позитивнее, чем в 2000-е и тем более в 1990-е гг. Прогресс, достигнутый в последние годы, несомненен.

Еще один вывод касается ***когнитивного измерения*** образа свой страны. В отличие от образов других стран, он обладает высоким уровнем когнитивной наполненности и интереса. Многие исследователи фиксируют быстрые изменения картины мира российских граждан, и особенно взгляда на самих себя [*Дробижева* 2017; *Ильинская* 2016], что связано с преодолением кризиса российской идентичности 1990-х–2000-х гг. Политическая оптика сегодня меняется по сравнению с тем периодом и с точки зрения смыслов и ценностей, которые составляют стержень идентичности, и в характере отражения происходящих процессов.

«Они». Образы других стран в сознании граждан новой России. Сознание наших сограждан, вся картина мира пережили за последние три десятилетия несколько серьезных поворотов и стрессов. В основе внешнего для нас мира в первые годы после распада СССР лежали представления, сформированные советской идеологической системой координат.

В книге Б. Грушина «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения» приведены данные социологических опросов. Они показывают, что, начиная с 1960-х гг., во времена Н. Хрущева и Л. Брежнева советские граждане искренне верили, что их страна – лучшая. Более того, их знания о других странах были когнитивно довольно богатыми, хотя и не свободными от ряда пропагандистских клише [Грушин 2001].

Разрушение этой стройной картины мира, где «мы» – хорошие, а «они» – враги, мечтающие нас уничтожить, произошло в конце 1980-х, в годы перестройки. В этот период начался критический пересмотр советского наследия. Вместе с псевдомарксистской идеологией была разрушена и наша национальная идентичность, замененная ценностями «демократии», «гласности» и «прав человека». В массовое сознание настойчиво внедрялась мысль, что там, в «цивилизованных» странах не только уровень жизни выше, и сами эти страны – пример того, как надо жить. «Прорабы перестройки» (В. Коротич, Ю. Афанасьев, Д. Волкогонов и другие) характеризовали советский период истории России как «черную дыру», отклонение от ее магистрального пути, от «нормы». Во многом образ России как страны, которую большевики завели «не туда», стал основой комплекса «национальной неполноценности», сформировавшейся в нашем обществе. На место формулы – «мы – хорошие, они – плохие» пришла формула «они – хорошие, мы – плохие».

В первые годы после падения «железного занавеса» россияне массово выезжали за рубеж и были очарованы новым для них миром. Это была своеобразная реакция на нашу прежнюю закрытость. Именно в открытости многим виделось основное завоевание демократии. Расставшись с прошлыми штампами и идеологическими клише, наши граждане наивно поверили, что мир стал иным и с восторгом принял нас в свои объятья. Мир в целом и, особенно, так называемый цивилизованный западный мир, казался дружелюбным и готовым к сотрудничеству.

В 2000-е – 2010-е гг. и особенно после 2014 г. в обществе наступило некоторое отрезвление. Столкнувшись с санкциями и угрозами, мы вспомнили старую фразу, что у России есть только два союзника: армия и флот. По существу, в прошедшие годы восприятие не только стран Запада, но и партнеров, соседей, бывших союзников, заметно трансформировалось в нашем обществе.

Сегодня большинство населения здраво оценивает усложняющийся контекст взаимодействия нашей страны с зарубежными «партнерами», воспринимаемыми как конкуренты, а то и открытые враги. Западных «партнеров» стоило бы поблагодарить за напоминание, что в геополитической игре все страны играют за свои команды, соблюдая собственные национальные интересы. Игра эта мало напоминает поддавки, в которые играли сначала М. Горбачев, а затем Б. Ельцин.

Наше исследование показало, что «комплекс национальной неполноценности», который доминировал у нас на протяжении почти трех десятилетий, для большинства граждан остался в прошлом. Конечно, его проявления все еще фиксируются у части населения, причем у наиболее образованной и космополитичной. Интересна в этом отношении группа молодых респондентов. С одной стороны, взгляд на свою страну во многом определяется глобальными сетями, которые формируют у них «заимствованную извне» точку зрения. С другой стороны, эта возрастная группа начисто лишена каких-либо собственных комплексов, кроме разве что комплекса превосходства. У них нет чувства стыда. Впрочем, среди старшего поколения также все еще встречается подобное самоуничижение.

Анализ образов разных стран в сознании россиян показал: «другие», конечно, отличаются от нас уникальными неповторимыми чертами. Однако есть и нечто общее, обусловленное скорее особенностями нашего национального менталитета. Оценивая ту или иную страну, респонденты относят ее к определенной категории. Сам их набор характеризуется степенью эмоциональной близости той или иной страны к нам по шкале «свой–чужой», ее привлекательностью, силой и рядом других критериев.

Соседи по постсоветскому пространству

Прежде всего нас интересовали образы бывших республик СССР. В проекте они были представлены двумя славянскими странами (Украина и Белоруссия), тремя закавказскими республиками (Армения, Грузия. Азербайджан) и тремя странами Средней Азии (Казахстан, Киргизия и Таджикистан).

В нашей внешнеполитической стратегии эти страны обозначены как ключевое направление российской внешней политики [Концепция…]. В отличие от официальной позиции МИДа, наши респонденты не воспринимают отношения с этими странами как самые значимые для них лично и для страны в целом. Если на рациональном уровне они еще признают их важность, то неосознанно в это до конца не верят, полагая, что США, Европа или Китай намного для нас важнее.

Можно зафиксировать достаточно амбивалентное отношение граждан к этим странам, его переходный характер: от советского единства и «дружбы народов» мы уже ушли, а к более формальным связям с «заграницей» так и не дошли.

Примечательно, что авторитарные характеристики политических режимов ряда стран воспринимаются не как слабость, а скорее как преимущество. Наиболее комфортными для проживания странами с потенциалом и достаточно благополучным будущим выглядят Казахстан и Белоруссия, чьи персоналистские режимы респонденты трактуют как важное условие их поступательного развития.

Забытые союзники (Латинская Америка и Африка). Страны Латинской Америки российские граждане, как и ранее советские, включают в перечень друзей России, однако вспоминают их в последнюю очередь. С одной стороны, к странам Латинской Америки, как и Африки, российские граждане сохранили теплые чувства (42%). С другой – большинство опрошенных о них уже или совсем не помнят или с усилием вспоминают как о «забытых союзниках».

Позитивные образы стран Африки и Латинской Америки, в отличие от прежних советских образов, имеют *неполитический характер.* В частности, повышенное внимание у россиян вызывает футбол. Неудивительно: сборные латиноамериканских государств неоднократно выигрывали чемпионаты мира. Аргентинские, бразильские и африканские игроки выступают в ведущих клубах мира, широко известны и по российским турнирам.

Образы этих групп стран объединяет и некая ностальгия по более тесному, насыщенному общению с народами Латинской Америки и Африки в советский период.

Европа – «значимый другой». Место **Европы** в российской культуре, политике и истории трудно переоценить. С петровских времен наша национальная самооценка формировалась в сравнении с Европой, которая выступала своего рода эталоном. Образ Европы у современных россиян ассоциируется как с Евросоюзом, так и с отдельными странами.

Евросоюз. Наше исследование показало прежде всего значимость *политического* контекста его восприятия. Оценки ЕС, начиная с 2014 г., стабильно ухудшались. В такой ситуации близость культурных традиций, уважение к европейскому наследию оказались отодвинутыми ощущением ненадежности ЕС как партнера, даже его «предательством» под давлением США.

В содержательном плане ЕС важен не столько как политический, сколько как экономический союз, причем респонденты отмечают прежде всего финансовые институты. Военная мощь практически отсутствует.

Интересными оказались отличия между имевшими личный опыт посещения ЕС и теми, кто основывает свое восприятие на информации СМИ. Вопреки нашим предположениям, более позитивным оказалось отношение к ЕС у тех, кто там ни разу не бывал. Впрочем стереотипы, почерпнутые из наших же СМИ, оказались весьма устойчивыми. Однако высокая привлекательность образа ЕС не мешает относиться к нему с настороженно-

стью и недоверием, чаще видеть угрозу безопасности России с его стороны. По мнению опрошенных, опасно для нас приближение границ НАТО и развертывание системы ПРО.

Европа для нас — это не столько ЕС, сколько отдельные страны континента. Наиболее четкими и когнитивно богатыми оказались представления наших граждан только о Великобритании и Германии, оцененные нашими респондентами как страны сильные и влиятельные. Даже Франция, не говоря уже о других государствах региона, в большей степени воспринимаются, скорее, как направления туристических маршрутов, нежели участники международных отношений.

Эмоциональный знак образов большинства стран Европы позитивен. Чаще всего их расценивают как партнеров или соседей. К наиболее «враждебным» опрошенные относят Великобританию и Эстонию, а самой «дружественной» считают Испанию.

Стратегические партнеры: Китай и Индия. Применительно к этим двум странам респондентами достаточно часто используется категория «стратегических партнеров». В то же время можно заметить принципиальную разницу в восприятии нашими гражданами этих стран и их народов. В истории советско-китайских отношений в середине XX в. имелись значительные охлаждения. Не забывая прошлое, Китай признают геополитическим и торговым партнером. Россияне, тем не менее, опасаются возможного вооруженного столкновения или китайской экспансии на Востоке у наших границ. Лимитированный (со стороны Китая) гражданский диалог и небольшая популярность Поднебесной у наших туристов не способствуют искоренению стереотипов, не помогают россиянам понять китайцев. В последнее время заметное негативное воздействие на образ Китая и китайцев оказала эпидемия коронавируса.

Что касается Индии как государства, то у россиян выработалось дружеское отношение, но сам народ кажется им далеким, непонятным.

США – образ врага. У образа США в сознании российских граждан есть ряд отличий – как в его психологической структуре, так и смысловой наполненности. По своим *психологическим особенностям* этот образ когнитивно сложен и четко сформирован. Его эмоциональная составляющая отличается яркостью негативных реакций. Доля тех, кто видит в образе США положительные характеристики, не превышает 16%.

Три психологических параметра образа – *привлекательность, сила и активность* отличают США от других изучаемых нами стран. Так, образ выглядит крайне *непривлекательным.* В то же время в нем ярко выражены *сила и активность.* В этих двух характеристиках не сомневался ни один респондент.

Содержательное наполнение образа США также несколько выбивается из общего ряда образов других стран. Прежде всего отметим, что *политическая* составляющая образа США очень выразительна по сравнению с другими аспектами. При этом российские респонденты видят США в первую очередь сквозь призму *внешнеполитических* конфликтов и противоречий. И американское государство, и власть, и лидеров, и миссию страны на международной арене они воспринимают исключительно негативно. Образ США – это «враг» в чистом виде.

Туристическая Мекка: образы Турции и Таиланда. Обе страны связывает их высокая туристическая привлекательность для российских граждан. Образ Таиланда когнитивно беден. Он построен на ассоциациях и стереотипах. В отношении Турции значимыми для восприятия факторами стали: исторические пересечения (особенно русско-турецкие войны), относительная близость территорий, некоторые аспекты международного сотрудничества Турции и России, а также личный опыт посещения многими россиянами данной страны.

Образ Турции в сознании российских граждан трудно назвать гармоничным. В нем присутствует достаточное количество противоречий. Например, турок описывают как доброжелательных и услужливых, и в то же время как неискренних и стремящихся обмануть.

С Турцией налажены неплохие экономические отношения (туризм, крупные проекты в сфере ВПК, энергетики). Однако международная политика Турции в отношении России часто оставляет у опрошенных негативное впечатление. Впрочем, это не мешает им ездить туда на отдых даже в моменты резкого обострения отношений.

Индустрия гостеприимства и в целом «мягкая сила» в политике Турции и Таиланда оказывают существенное воздействие на их восприятие российскими гражданами. Для большинства россиян эти страны действительно стали «туристической Меккой». Положительное восприятие закрепилось на эмоциональном уровне российского массового сознания несмотря на то, что на рациональном уровне граждане вполне осведомлены об опасностях этих «райских уголков».

* * *

Подытоживая наше исследование, обратимся к тем вопросам, которые следуют из полученных результатов и требуют дальнейшего изучения.

Первый их них касается перспектив преодоления идентификационного кризиса. Чудом удержавшись на краю пропасти, мы смогли сплотиться и возвращаемся к самим себе. Были и шаги назад (посткрымский синдром), и продвижения вперед к большей консолидации общества (Олимпиада в Сочи и Чемпионат мира по футболу).

Несмотря на очевидные успехи, однозначно говорить о преодолении кризиса мы пока не можем. Очевидно, что для окончательного успеха обществу не хватает крупных целей и проектов, которые не сводились бы к организации массовых празднеств или отдельных спортивных или международных побед, способных поднять национальный дух. Страна нуждается в новой стратегии с дальними и органичными для нашей культуры целями, в незаурядных моральных лидерах.

Предстоит преодолеть идентификационный раскол между большинством общества и элитами, цели и ценности которых не совпадают. «Национализация элит» явно не завершена, что вызывает у граждан острое ощущение несправедливости. Общество и власть по-разному оценивают значение тех или иных стран для России.

С этим явлением связан и ***второй вопрос***: почему наше общество использует две совершенно разные системы оценки «других» – стран ближнего и дальнего зарубежья, партнеров и конкурентов, друзей и врагов. Психологический парадокс восприятия состоит в том, что близкие по целям и интересам партнеры, соседи менее значимы для нашей страны, чем более далекие территориально, психологически и исторически «чужие» и даже враждебные страны?

Третья тема для дальнейшего анализа касается парадоксального ви́дения многих, если не большинства зарубежных стран исключительно с точки зрения туризма и отдыха. За исключением США наши представления о других странах ассоциированы прежде всего с неполитическими сюжетами и интересами.

В советские годы зарубежный мир привлекал нас как место с бурной политической жизнью, интересами разных партий и общественных движений, народными традициями и высокой культурой. В 1990-е–2000-е гг. мы знали, что за рубеж едут работать или учиться, торговать или просто за покупками. Сейчас наши респонденты рассматривают другие страны исключительно как место отдыха и путешествий. Единственное исключение – футбол и футболисты. Столь узкое представление о других странах, народах и государствах говорит об ужасной духовной бедности, которая никогда не была характерна для русской культуры.

В наибольшей степени это относится к «туристической Мекке»: Турции, Таиланду, Египту. Однако тот же тренд зафиксирован и в восприятии Чехии и Франции, Нидерландов и Испании. Подобный взгляд на другие страны можно, конечно, объяснить желанием

получить за свои деньги полноценный отдых за рубежом. Не поддается объяснению тот факт, что наши граждане готовы рисковать жизнью, покупая билет в Турцию сразу после убийства российского посла и гибели русского летчика, в Турцию, где свирепствует пандемия. Умом понимая, что туда ехать опасно, все равно едут.

Проведенное нами исследование показало: за три десятилетия свободного перемещения по миру миллионов наших граждан их картина мира не обрела ни систематичности, ни когнитивной четкости и явности. Они так и живут в плену стереотипов и штампов. Видимо, только личного опыта недостаточно для должного восприятия картины зарубежного мира, включающей не только знания, но и сформированную с учетом наших национальных интересов систему ценностей. Без грамотной информационной политики государства тут не обойтись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Браун Дж. (2018) Антибрендинг России в американских медиа // Международные процессы. Т. 16. № 2. С. 91–121.

Ван Бэйбэй, Бокова Н.Б. (2016) Сравнительный анализ рациональных и бессознательных аспектов восприятия власти в Китае (по результатам эмпирического исследования) // Политическая наука. № 2. С. 170–192. ИНИОН РАН.

Галумов Э. (2013) Имидж против имиджа. Образ России: дефицит «мягкой силы» / З.Г. Медоева, И.А. Василенко, Е.М. Малышева [и др.] // ПОЛИС. № 4. С. 88–99.

Грушин Б. (2001) Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4-х кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция.

Дробижева Л.М. (2017) Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. № 1 (393). С. 26–36;

Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. (2017) Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. № 4. С. 48–64.

Ильинская С.Г. (2016) Метаморфозы российской идентичности в контексте постсоветского развития. М.: ИФ РАН.

Колосов В.А. (2008) Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник ДВГСГА. Сер. 1. Гуманитарные науки. № 1. С. 72−91.

Концепция внешней политики Российской Федерации (http://www.kremlin.ru/acts/news/785).

Семененко И.С. (2007) Культура, общество и образ России // Журнальный клуб Интелрос «Неприкосновенный запас». №1 (http://www.intelros.ru/2007/05/29/irina_semenenko_kultura_obshhestvo_i_obraz_rossii.html).

Хантингтон С. (2018) Кто мы? М.: Изд-во АСТ.

Харт Э., Джонс Б. (2011) Как укрепляются растущие державы? // Вестник международных организаций. № 2 (33). С. 11–25.

Шестопал Е.Б. (2019) Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018). М.: Весь мир.

Шестопал Е.Б. (ред.). (2012) Психология политического восприятия в современной России. М.: РОССПЭН. С. 337–378.

Castano E., Bonacossa A., Gries P. (2016) National Images as Integrated Schemas: Subliminal Primes of Image Attributes Shape Foreign Policy Preferences // Political Psychology. Vol. 37. No. 3. Pp. 351–366;

Chaban N., Elgström O., Gulyaeva O. (2017) Russian Images of the European Union: Before and after Maidan // Foreign Policy Analysis. № 13. Pp. 480–499.

Cottam M. (2004) Introduction to Political Psychology / M. Cottam [et al.]. Mahwah; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.

Cottam M.L., Cottam R.W. (2001) Nationalism and Politics: The Political Behavior of Nation States. London: Boulder.

Herrmann R.., Voss J.F., Shchooler T.Y.E., Ciarrochi J. (1997) Images in International Relations: An Experimental Test of Cognitive Schemata // International Studies Quarterly. No. 41. Pp. 403–433;

Herrmann R.K., Fischerkeller M.P. (1995) Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive-strategic research after the Cold War // International Organization. Vol. 49. No. 3. Pp. 415–450.

Li (Leah) X., Chitty N. (2009) Reframing national image: A methodological framework // Conflict & communication online. Vol. 8. No. 2 (http://www.cco.regener-online.de/2009_2/pdf/li_chitty.pdf).

REFERENCES

Bokova N.B., Van Beibei (2016) Sravnitelnyi analiz rationalnyh i bessoznatelnyh aspektov vosprijatija vlasty v Kitaje [Comparative study of rational and unconscious aspects of power perception in China]. *Politicheskaya nauka.* Special issue, no. 2, pp. 170–192.

Brawn J. (2018) Antybrending Rossii v amerikanskih Media [Antybrending of Russia in American Media]. *Mezhdunarodnye processy*, vol. 16, no. 2, pp. 91–121.

Concepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Russian Federation foreign Policy Concept] (http://www.kremlin.ru/acts/news/785).

Cottam M. (2004) *Introduction to Political Psychology.* M. Cottam (eds.) [et al.]. Mahwah; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.

Drobizheva L.M. (2017) Obshcherossijskaja identichnost i uroven mezhnatsionalnogo soglasija kak otrazhenije vektora ronsolidatsionnyh processov [All-Rassian identity a and a level of interethnic consent as a reflection of a vector of consolidation precesses]. *Sociologicheskije issledovanija*, no. 1 (393), pp. 26–36.

Evgenjeva N.V., Slezneva A.V. (2017) Transformacija natsionalno-gosudarstvennoj identichnsty rossijskoj molodezhy v post-sovjetsky period: tsennostnyje osnovanija i symvolicheskije representatsii [Transformation of a Russian youth national identitiy in a Post-Soviet period: value basis and symbolic represetations]. *Politiya*, no. 4, pp. 48–64.

Galumov E. (2005) Imidzh protiv imidzha [Image against image]. *POLIS,* no. 4, pp. 88–99.

Grushin B. (2001) *Chetyre zhizni Rossii v zerkale obshchestvennogo mnenija. Ocherky massovogo soznanija rossijan vremen Chrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Yeltsyna v 4-h knigah. Zhizn 1-aja. Epoha Chrushcheva* [Four lives of Russia in a public opinion mirror. Essays of Russians' mass consciousness of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev's and Yeltsin's times]. Moscow: Progress-Tradiciya.

Hart A., Jones B. (2011) Kak ukrepljajutsja rastushchije derjavy? {How do the growing states strenghthen? *Vestnik mezhdunarodnyh organizasyj*, no. 2 (33), pp. 11–25.

Herrmann R., Voss J.F., Shchooler T.Y.E., Ciarrochi J. (1997) Images in International Relations: An Experimental Test of Cognitive Schemata. *International Studies Quarterly*, no. 41, pp. 403–433.

Herrmann R.K., Fischerkeller M.P. (1995) Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive-strategic research after the Cold War. *International Organization,* vol. 49, no. 3, pp. 415–450.

Huntington S. (2018) Kto my? [Who we are?]. Moscow: AST.

Ilinskaya S.G., (2016) *Metamorfozy rossiyskoy identichnosti v kontekste postsovetskogo razvitiya* [Metamorphoses of Russian Identity in the Context of Post-Soviet Development]. Moscow: IF RAN.

Kolosov V.A. (2008) Geograficheskiye obrazy i geopoliticheskiye predstavleniya: puti formirovaniya i podkhody k izucheniyu [Geographic images and geopolitical representations: ways of formation and approaches to study]. *Vestnik DVGSGA*. Ser. 1. Gumanitarnyye nauki, no. 1, pp. 72−91.

Li (Leah) X., Chitty N. (2009) Reframing national image: A methodological framework. Conflict & communication online, vol. 8, no. 2 (http://www.cco.regener-online.de/2009_2/pdf/li_chitty.pdf).

Semenenko I. S. (2007) Kultura,obshchestvo I obraz Rossii[Kulture, society and Russia's Image]. *Zhurnalny klub Intelros «Neprikosnovjenny zapas»*, no. 1, (http://www.intelros.ru/2007/05/29/irina_semenenko_kultura_obshhestvo_i_obraz_rossii.html).

Shestopal E.B. (ed.) (2012) *Psychologija politicheskogo vosprijatija v sovremennoj Rossii* [Psychology of political perception in contemporary Russia]. Moscow: ROSSPEN, pp. 337–378.

Shestopal E.B. (2019) *Vlast i lidery v vospriyatii rossiyskikh grazhdan. Chetvert veka nablyudeniy (1993–2018).* [Authorities and leaders in the perception of Russian citizens. A quarter of a century of observations (1993–2018). Moscow: Ves mir.

Информация об авторе

Шестопал Елена Борисовна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп.4, к.561 E-mail: shestop0505@rambler.ru

About the author

Elena B. Shestopal, Doctor of Science (Philosopy), professor, Head of the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Dept. of Political Science, M.V.Lomonosov Moscow State University. Address: 27. building 4, office 561. Moscow, Lomonosovsky prosp. E-mail: shestop0505@rambler.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 06.04.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.04.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 22.04.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 2. С. 103–113
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 2, pp. 103–113

DOI: 10.31857/S086904990014922-6

ДИСКУССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ
DISCUSSIONS IN SOCIAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original Article

Социология и история: общее, особенное, перспективы

© В.В. ШИЛОВ

Шилов Владимир Викторович, Березниковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета (Березники, Пермский край, Россия), vvs595959@mail.ru

В статье рассмотрены объект, предмет, структура и функции социально-политических, гуманитарных наук. Показана противоречивая судьба социальных наук в советский период, их важное значение в поступательном развитии общества. Проанализированы цели, задачи представителей общественных наук, политиков, общественных деятелей в процессе формирования ценностных установок личности в эпоху цифровых коммуникаций. Выделена возрастающая роль историософии и исторической социологии в эпоху колоссальной плотности и скорости информационной среды, а также необходимость представителям общественных наук овладеть междисциплинарной методологией.

Ключевые слова: наука, закономерности развития, научные школы, власть, теоретические и полевые исследования, синтез знаний, анализ, прогноз, информационные потоки, междисциплинарность, рекомендации, практическое применение, гражданская ответственность.

Для цитирования: Шилов В.В. (2021) Социология и история: общее, особенное, перспективы // Общественные науки и современность. № 2. С. 103–113. DOI: 10.31857/S086904990014922-6

Sociology and History: General, Special, Perspectives

© V.V. SHILOV

Vladimir V. Shilov, Bereznikovsky Branch of the Perm National Research Polytechnic University (Berezniki, Perm Territory, Russia), vvs595959@mail.ru

Abstract. The object, subject, structure and functions of socio-political, humanitarian sciences are considered. The contradictory destiny of social sciences in the Soviet period, their importance in the progressive development of society is shown. The goals and tasks of the representatives

of social sciences, politicians, public figures in the process of forming value attitudes of the individual in the era of digital communications are analyzed. A statement is made about the growing role of historiosophy and historical sociology in the era of colossal density and speed of the information environment and the need to master the interdisciplinary methodology for social scientists.

Keywords: science, laws of development, scientific schools, government, theoretical and field research, synthesis of knowledge, analysis, forecast, information flows, interdisciplinarity, practical application, civil liability.

For Citation: Shilov V. (2021) Sociology and History: General, Special, Perspectives. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 2, pp. 103–113. DOI: 10.31857/S086904990014922-6 (In Russ.)

Представители гуманитарных наук хорошо знают, что на формирование норм нравственности и этики личности влияют не только сложившаяся система образования и воспитания, объекты материальной и духовной культуры общества, но и социально-экономические, политические отношения, доминирующие в социуме. Поэтому деление общественных наук на «гуманитарные» и «социально-политические» во многом будет условно. Тем не менее мы остановимся на последней классификации, в частности на таких социально-политических науках, как история и социология.

В различных словарях, учебниках и учебных пособиях *объект и предмет истории и социологии* почти не имеет существенных различий. *Объектом* исторической науки считают совокупность обществ, составляющих человечество (в социологии указывают, что это – само общество, объективная реальность).

Предмет исторической науки определяется как изучение закономерностей развития общества, а также его отдельных сегментов, явлений (в социологии упор сделан на раскрытии причинно-следственных связей, возникающих между индивидами и группами в процессе социального взаимодействия).

В то же время даже школьный учитель истории на своих уроках часто «вторгается» в предметную область социологии, не замечая и не акцентируя на этом внимания своих подопечных. В высшей школе преподаватель истории просто обязан раскрывать студентам глубинные причинно-следственные связи исторических событий и явлений, а также показывать историко-культурный «горизонт прогнозирования» (forecasting time-frame) муниципалитету, региону, страны (если мы действительно хотим уйти от оставшихся элементов школы схоластики, в самом худшем смысле этого понятия – оторванность от жизни, отвлеченные рассуждения, пусть даже и подаваемые в «игровой» форме с историческими «прибаутками»). Несколько сложнее со структурой истории и социологии, но можно и здесь выделить трехуровневую систему и определенное тождество.

Социологию часто подразделяют: 1) макро- (теоретическая) социология; 2) мезо- (средний уровень) социология (изучающая социальные институты: политика, образование, армия, религия, город, семья и т.п.; 3) микро- (прикладная) социология – получение информации конкретных социальных фактов из реальной общественной жизни, которые и снабжают информацией к теоретическим и практическим размышлениям все уровни социологии.

В исторических науках традиционно проводят деление по хронологии и регионам, выделяя следующие уровни: глобальная, национальная, региональная и локальная история. Здесь появляется желание «притянуть», структурировать историческую науку по аналогии с социологией – «макро- мезо- и микро- уровни», то есть «связать» (показать «общность» истории с социологией) тем более солидное количество исторических наук

и вспомогательных исторических дисциплин. Однако это выглядит довольно «революционно», и данный вопрос будет рассмотрен в отдельной статье.

Определение сущности и основных содержательных характеристик любого объекта и предмета исследования возможно только при наличии категориально-понятийного оформления. В нашем случае о категориях, методах, методологии исторической науки размышляли и писали советские историки в период застоя [*Барг* 1984, с. 342] и перестройки [*Ковальченко* 1987], в том числе представители пермской школы (см. [*Кертман* 1971]). Официально у всех обществоведов в советский период официально была только одна методология – марксистско-ленинская.

Тем не менее в годы «застоя» советским историкам были доступны и некоторые зарубежные труды по общим проблемам методологии истории. Например, интересная работа французского историка М. Блока, изданная в 1973 г. с солидным по нынешним меркам тиражом в 21 500 экземпляров [*Блок* 1973].

С социологией в СССР было сложнее. Более того, ее судьба в Стране Советов была трагична (напомню, кстати, что один из отцов научной социологии П. Сорокин был нашим соотечественником). Только в период «хрущевской оттепели» началось фактическое возрождение социологии. В 1956 г. в Москве прошла конференция Международного института социологии по проблемам мирного существования (тогда ученые заставили руководство АН СССР задуматься о существовании общественной науки, отличной от философии и научного коммунизма).

В 1958 г. была создана первая в СССР Советская социологическая ассоциация (ССА). Однако только в 1991 г. состоялся первый съезд социологов СССР. 22 января 1992 г. ССА прекратила свое существование, передав Российскому обществу социологов (РОС) свои полномочия в Международной социологической ассоциации и региональные отделения на территории России.

В Пермском Прикамье становление социологии во многом обязано доктору философских наук, профессору Пермского политехнического института (ныне ПНИПУ) З. Файнбургу. В 1967 г. он создал и возглавил лаборатории промышленной социологии и социологии высшего образования в Пермском политехническом институте. За разработку одной из первых в СССР методик социального планирования коллектива предприятия в 1969 г. он был награжден медалью ВДНХ СССР.

В годы застоя советские социологи предпочитали заниматься в рамках проблем микро- (прикладной) и мезо- (отраслевой) социологией. Известный социолог В. Ядов в конце 1950-х гг. создал лабораторию социологических исследований при ЛГУ. Впервые в Советском Союзе здесь стали изучать трудовую мотивацию и ценностные ориентации [*Здравомыслов, Ядов*, *Рожин* 1967]. В 1968 г. Ядов защитил диссертацию на соискание степени доктора философских наук по теме «Методологические проблемы конкретного социологического исследования».

На уровень исследований, дискуссий макро- (теоретической) социологии вплоть до перестройки советские социологи практически не выходили, так как ее «заменял» исторический материализм. Полемика с адептами этой науки могла привести к большим личным проблемам. Упомянутый Файнбург только в 1991 г. опубликовал свою монографию «Не сотвори себе кумира…: Социализм и “культ личности”» с подзаголовком «очерки теории» [*Файнбург* 1991].

Многие представители исторических наук в годы застоя предпочитали «уходить» в археологию, этнографию, в «досоветский период» или занимались исследованием зарубежных стран. Критически осмысливать историю советского периода не представлялось возможным, тем более значительная масса архивных документов советского периода исследователям была недоступна.

Строгий «классовый подход» не позволял историкам и социологам писать об «общечеловеческих ценностях», тем более критиковать советскую номенклатуру, ее решения,

и это была трагедия социально-политических наук советского периода. Более того, не имея объективных данных о советском обществе, его слабых и сильных сторонах, реформаторы периода перестройки и кардинальных реформ 1990-х гг., действуя методом «проб и ошибок» вместе с водой выплеснули и ребенка (нем.: Das Kind mit dem Bade ausschtten).

В наши дни уже почти нет тем, закрытых для исследований, но появилась другая проблема. Существует мнение, что «историю» и «социологию» вряд ли можно считать именно научными дисциплинами, так как наука возникает только тогда, когда начинают проявляться определенные закономерности. Как следствие – многочисленные труды по макро- (теоретической) социологии и глобальной, национальной истории, в том числе и учебники по этим отраслям знаний, – это всего лишь некие самостоятельные авторские мнения.

Кандидат философских наук А. Нестеренко на страницах солидного журнала «Вопросы истории» в статье с провокационным названием «Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии» пишет: «Историю следует рассматривать не как науку, а как синтетический вид мировоззрения, в котором научная рациональность сочетается с религиозным, мифологическим, обыденным и художественным видами мировоззрения» [*Нестеренко* 2019, с. 57].

Представитель «философской науки» Нестеренко будет прав, если без критического анализа поверхностно читать многочисленные «исторические» труды, начиная с «отца истории» Геродота. Даже наш древнерусский Нестор Летописец в своей «Повести временных лет», ценнейшем источнике о начальной истории древнерусского государства, показывает и всемирную историю от библейского «Ветхого Завета». Причем, по его версии, один из трех сыновей Ноя – Иафет, стал «прародителем» наших далеких предков славян.

Выискивать погрешности, недостатки («искать блох») обязательно нужно. Неслучайно практически все учебники, пособия, выдержавшие испытанием времени, при переиздании, как правило, всегда имеют пометку «дополненное и исправленное». Таковы азы науки.

Обвинять в «мифологичности, религиозности, обыденном и художественном мировоззрении» вряд ли корректно, скажем, и таких мыслителей, как Вольтер. Он ввел понятие «философия истории» и впервые применил оригинальный метод исследования в работе о Людовике XIV с позиций именно *исторической социологии* – эпоха рассмотрена как широкий спектр социальных структур, личностей, которые стали основой сложных, противоречивых социальных процессов [*Вольтер* 1809].

Заслуживает внимания и немецкий мыслитель (и богослов), историк культуры И. Гердер, который еще в XVIII в. поставил вопрос о существовании общих законов исторического развития, предложив теорию исторического прогресса народов и человечества. Гердер одним из первых привлек внимание исследователей к фольклору как проявлению уникального духа того или иного народа [*Гердер* 1977].

Представители истории социальных наук могут вполне корректно заметить, что в статье не названы знаковые мыслители Античного мира (Аристотель, Платон и даже, по крылатому выражению Цицерона, «отец истории» Геродот и др.), или, скажем, арабский философ Средневековья Ибн-Хальдун (1332–1406), которого ряд авторов считают основоположником арабской социологии [*Араби* 1990, с. 107]. Он уже в XIV в. скрупулезно рассматривал причины подъема и упадка стран и народов, что, несомненно, делает ему большую честь (см. [*Сорокин* 1992, с. 176]).

Подробный анализ заслуг перед социальными науками великих мыслителей прошлого займет очень много места, поэтому ограничимся перечислением наиболее известных.

В XIX–XX вв. появляется плеяда замечательных представителей *философии истории или историософии.* В их трудах исследованы имманентная логика развития человеческого

общества, единство и многомерность исторического процесса, проблемы социального детерминизма, истинность исторических фактов и событий. *Историческая социология* рассматривает развитие общества в истории, формирование в результате длительных и сложных социальных процессов социальных структур, исследует причины возникновения, существования, упадка империй, а также природу государств, процессы их создания, социальное неравенство и гендер. Их труды востребованы и современными исследователями. Назовем только некоторых исследователей вышеперечисленных сложных социальных явлений: Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, О. Конт, Г. Спенсер, Н. Данилевский, В. Ленин, О. Шпенглер, П. Сорокин, К. Ясперс, А. Тойнби, Т. Парсонс, А. Франк, Р. Мертон, Л. Козер, Р. Дарендорф, Д. Дейвис, М. Олсон, Дж. Ленски, Р. Сведберг, К. Поппер, Т. Кун, П. Бурдье, И. Валлерстайн, Дж. Даймонд и др.

Отцами-основателями исторической социологии традиционно считают К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюргейма, Г. Зиммеля. Примечательно, что, как считал американский социолог, специалист в области теории элит и сравнительной исторической социологии Р. Лахман, социология с самого начала создавалась как историческая дисциплина и ее предметом были социальные трансформации. Только впоследствии социология стала больше сосредоточиваться на современном обществе, анализируя отдельные аспекты статистического среза общества и пытаясь объяснить индивидуальное поведение [*Лахман* 2016]. В наши дни в России историческая социология, ее предмет, функции вызывают жаркие дебаты (см. [*Романовский* 2008, с. 3]), несмотря на солидный период ее существования.

Историки-традиционалисты, добротные специалисты в области конкретных исторических наук и вспомогательных исторических дисциплин нередко обвиняют представителей философии истории и исторической социологии в «хронологической беспечности», отсутствии четкого различия «исторического факта» и «исторического мифа», строгих принципов исследовательской деятельности в процессе разработки знаний. Другими словами, упреки состоят в неприменении методологии.

В некотором смысле с этими историками конкретных исторических дисциплин можно согласиться, так как одна из черт лжеученого – невозможность его проверить. Прогнозом развития «на ближайшие века», скажем, о победе коммунизма на Земном шаре [*Маркс, Энгельс* 1955, с. 419–459], «конце истории» [*Фукуяма* 2007] или о грядущем «столкновении цивилизаций» [*Хантингтон* 2006] приходится верить только на слово, что в науке неприемлемо. Например, оригинальная работа профессора, историософа О. Шпенглера «Закат Европы» (1-й том в 1918 г. и 2-й том в 1922 г.) все еще не подтверждает этот самый «закат» на значительной территории Земного шара [*Шпенглер* 2019]. Впрочем, если принять его положение, что последние 100 лет «закат Европы» все-таки наблюдается, то это был довольно блистательный закат.

Историки, несмотря на частую схожесть объекта и предмета исследования с социологами, по большому счету, в массе своей дистанцируются от них и социальных философов. Более того, и в их среде не только возникают различные школы, но и между ними идут довольно жаркие дискуссии. Приведем примеры.

Большой интерес вызывают труды представителей «Новой исторической науки» (Школа «Анналов»), основанное блестящими мыслителями Л. Февром [*Февр* 1991], упомянутым выше М. Блоком [*Блок* 1973] и Ф. Броделем [*Бродель* 2008]. Несмотря на вроде бы «железную аргументацию» и немалое количество сторонников (прежде всего среди западноевропейских исследователей социальной истории), в противовес Школе анналов, в Италии в 1970-е гг. возникло такое интересное направление в исторической науке, как «микроистория». Труды представителей этой школы, безусловно, заслуживают внимания и уважения благодаря интересным работам Д. Леви [*Леви* 1996] и К. Гинзбурга [*Гинзбург* 2004].

Представители «микроистории», последователи Гинзбурга и Леви (Х. Медик, Н. Земон Дэвис, Э. Ле Руа Ладюри) ставили, на первый взгляд, другую цель, чем представители Школы анналов («тотальной истории»): показать «историю» небольших территорий и популяций (поселок, семья) и ментальность «обычного» человека [*Репина* 1998, с. 78], который «теряется» в глобальной истории (исторических трудах). На основе этих многочисленных «частных явлений» и следует выявлять господствующие представления и тенденции развития общества в целом.

Оригинально звучит сделанное в Базеле в 1990 г. высказывание одного из разработчиков этого интересного направления в исторической науке – итальянского историка Дж. Леви: микроистория – это «не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» (цит. по [*Медик* 1994, с. 193]).

Во второй половине XX в. при становлении «новой истории» сформировалось и такое направление развития исторической науки, как «история повседневности». Первоначально оно возникло в среде западногерманских молодых ученых, которые начали пристально изучать условия жизни, труда и отдыха (проживание и быт, рекреация, лечение, питание, адаптация). Привлекли их внимание факторы, влияющие на формирование норм поведения, политические предпочтения именно «простых людей».

Социологи-«полевики» (прикладная социология) могут здесь возмутиться: мол, «историки повседневности» занимаются не своим делом, отбирают у них «хлеб». Впрочем, подобные «претензии» могут предъявить и социологам.

Однако данное направление в исторической науке (история повседневности) сложилось в среде западногерманских ученых историков неслучайно. Наблюдая системный кризис в немецкой исторической науке во второй половине прошедшего столетия, они и противопоставили традиционному подходу изучения новой и новейшей истории (социальной истории Германии, прежде всего госполитики, глобальных и экономических структур и процессов) исследования «малых жизненных миров» и повседневной жизни «обычных», «рядовых» граждан [*Топычканов* 2006].

Выход из противоречивой сложившейся ситуации историки (представители макро- и микро- школ) не нашли и в конце XX столетия. В исторической науке появляется направление «глобальная история», видимо, как ответ на процессы глобализации и из-за невозможности традиционной «всеобщей истории» преодолеть практику национально-государственной истории [*Ионов* 2009].

Можно предположить, что возникновение «микроистории» и «истории повседневности» было вызвано скепсисом относительно безграничных возможностей индустриального общества. Ее подвергли жесткой критике историки-традиционалисты в той же Германии (в Великобритании, Франции и особенно в США к ним отнеслись доброжелательнее), прежде всего, за отрицание понятия «тотальная история», отсутствие методик и т.п. В конце 1980-х гг. «история повседневности» все же достойно заняла свою «нишу» в сонме социальных наук, став составной частью исторической науки.

Возникает сложнейший вопрос: какова цель, задачи любого исторического исследования? С одной стороны, функция профессионала историка вроде бы проста – рассказать, *как было на самом деле* (как в математике – докажи!). Однако данная функция характерна в основном для вспомогательных исторических дисциплин (генеалогия, хронология, топонимика, нумизматика и др.) или для таких исторических наук, как археология или этнография.

Близко к конкретным историческим наукам и дисциплинам стоит микро- (прикладная) социология, которая тоже работает с вещественными факторами (наличие и условия проживания, предметов труда и быта, доступность и качество питания и т.п.). Социолог-прикладник (полевик) привлекает для изысканий документы, в основном, временного хранения: книги учета, протоколы, анкеты, опросные листы и пр., – которые еще не стали достоянием архивов («вотчины» историков).

Конкретные исторические дисциплины отвечают на вопрос «что это» (орудие труда, быта, охоты, украшение) и «как это» (работает, применяется). В частности, об этом размышлял замечательный археолог, культур-антрополог, историк науки Л. Клейн. Он даже говорил, что археология по методологической природе схожа с криминалистикой [*Клейн* 2013].

Прикладная социология тоже отвечает на конкретные вопросы, дает четкую диагностику социальной системы, группы, личности, предлагает и дает «заказчику» конкретную рекомендацию для практического воплощения (историки проводят экспертизы при составлении, скажем, музейных экспозиций, энциклопедий, справочников).

Конкретные исторические науки и вспомогательные исторические дисциплины, как и микро- (прикладная) социология, будут существовать всегда. Однако задача истории не только отвечать на вопросы «что это» и «как это», а выявлять причинно-следственные связи появления орудий труда и быта, оружия, выяснять и раскрывать предпосылки и этапы возникновения достижений материальной и духовной культуры, причины «застойных», кризисных явлений в жизни социума, истоки разрушительных войн.

Подобный анализ наблюдается в трудах замечательных исследователей, представителей макро- (теоретической) социологии, о которых было сказано выше. Здесь интересно отметить и размышления немецкого философа и социолога П. Барта. Более века назад он считал, что историю не стоит рассматривать, как ничем не регулируемую игру событий. Философию истории Барт отождествлял с социологией, а собственно история виделась ему в виде конкретной социологии, тогда как теория истории абстрактна и совпадает с абстрактной социологией [*Барт* 1902].

По мнению автора, сегодня у истории и социологии функции идентичны и выразить их можно в трех словах: *анализ-синтез-прогноз*. Здесь «дипломированные социологи» могут возразить: «прогноз» – это только их «епархия», а задача, функция «историка» изучать исключительно прошлое… Возразим известными словами В. Ключевского, первого отечественного историософа, имеющего и массу конкретных исторических исследований: «История – это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого».

Более того, если историк не будет «надзирать» за власть имущими, для социума это может закончиться трагедией. Гениально сказал об этом Ключевский: «История не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Данный постулат вполне применим и к социологии.

Выхватывая «выгодные» исторические факты прошлого, интерпретируя их в угоду установленному режиму, неразборчивые в средствах политики будут заниматься обоснованием «статус-кво» (для этого у них нередко есть мощнейший арсенал пропаганды – от ораторов-комиссаров до ТВ и Интернета). Удивительно точно писал Дж. Оруэлл в культовом романе «1984»: «тот, кто управляет прошлым, тот управляет будущим» [*Оруэлл* 2019].

Изучая сложнейшие социальные процессы и явления, нужен не просто «историк» конкретной дисциплины (археологии, этнологии, исторической демографии, исторической психологии, дипломатик, и многих других). Необходим исследователь многогранного исторического процесса, который говорит о сложных «историософских» проблемах общества и индивида, используя «кооперацию научных дисциплин», то есть принципы мультидисциплинарного исследования.

Историческая наука на Западе после знаменитой работы Гегеля «Философия истории» (термин ввел, как отмечалось выше, Вольтер) из истории как описательного повествования трансформировалась в историософию [*Гегель* 1993]. В России только Ключевского можно считать первым историософом [*Ключевский* 1989].

Ключевский умер в 1911 г., а судьба его учеников (школы) во многом трагична. После 1917 г. многим из них пришлось эмигрировать, а те, кто остались, были репрессирова-

ны. «Советская историческая наука» была практически полностью идеологизирована. Советский период изображали в отечественной историографии как «лакокрасочный», а досоветский представляли в довольно мрачных тонах.

Проследим по советским учебникам историю самой большой социальной общности (класса) России – крестьянства. «По логике» этих учебников, наше бедное крестьянство из века век все более и более «закрепощали», на протяжении веков его жестко эксплуатировали. Даже отмена крепостного права в 1861 г. квалифицировалась как один из видов обмана и грабежа многострадального русского крестьянства… Впрочем, у думающего студента (читателя) закономерно возникал вопрос: а как наше бедное крестьянство более чем за тысячу лет существования государства выжило до 1917 г.?

Социологию в СССР заменял «Научный коммунизм» (доказывал неизбежность гибели капитализма и победы коммунизма на всех континентах) наряду с «Историей КПСС». «Марксистско-ленинская философия» с 1963 г. до конца 1980-х гг. была обязательным учебным предметом в советских вузах.

В конце перестройки кафедры «Научного коммунизма» были перепрофилированы на преподавание введенной в программы вузов курсов «социологии» и «политологии». Курс «Истории КПСС» заменили на «Отечественную историю», что тогда спасло от увольнений многих преподавателей этих предметов.

В Конституции РФ в статье 13 записано: в России «признается идеологическое многообразие» (п.1) и «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (п.2). К сожалению, и сегодня историческая наука в известном смысле нередко выполняет «идейно-политическую» функцию, истории и социологии не только не свойственную, но и категорически противопоказанную. «Историков» и «социологов», выступающих в многочисленных СМИ (некоторые даже имеют и базовое образование рассматриваемых наук), правильнее было бы называть просто «пропагандистами» – не более.

Представители академической исторической и социологической науки могут возразить: не их дело обращать внимание и тратить свое драгоценное время на разоблачение фейков «желтой прессы», проходных «мыльных сериалов», политических шоу с участием квазиученых-обществоведов. С этой точки зрения, они возможно, и правы. Однако власть (эксперты) отнюдь не на страницах желтых изданий обещает «прорыв» («чудо»?), «прыжок в новый технологический уклад» и возможность за пять–шесть лет войти в пятерку ведущих экономик мира. В то же время понятия «прорыв», «прыжок» даже экономисты в своих трудах не используют. (Такие словосочетания, как «японское экономическое чудо», появились постфактум и его анализируют те же исследователи экономической истории стран и народов.)

Как объяснить молчание российских представителей социальных наук, когда на заседании в Страсбурге 19 сентября 2019 г. Европарламент принял резолюцию, в которой приравнял фашизм и коммунизм («грубой фальсификацией» назвала такое решение только официальный представитель МИД РФ М. Захарова.)

Подводя итог, следует сделать вывод: представители исторической и социологической науки призваны не только выявлять причинно-следственные связи сложных явлений, но и формировать мировоззрение граждан (возможно, это и есть «конечная» функция истории и социологии?). Кроме профессиональных навыков, они должны обладать и гражданским мужеством.

Профессиональные компетенции, разумеется, всегда будут иметь приоритет. Любой исследовательский процесс – это работа, требующая большого внимания, усидчивости, часто монотонной, рутинной и порой скучной деятельности. Полученные историком результаты, скажем, в экспедициях, архивах, – многочисленные «подсчеты», сгруппированные в статистические таблицы. Данные многочисленных социологических опросов,

интервью, оформленные в инфографике, – только половина или даже начальная стадия работы историка и социолога.

Научный руководитель (или оппонент, или «заказчик»), просмотрев многочисленные статистические таблицы, графики с различными показателями или рейтинги политических лидеров, партий, конфессий и т.п., – в конце научной работы («диссертации», «отчета») может написать едкое словосочетание «ну и что» или просто поставить большой вопросительный знак.

В XXI в., когда мы имеем колоссальную плотность и скорость информационной среды, получить новые знания можно только, овладев *междисциплинарной методологией*. Умение работать с большими массивами информации самых различных отраслей знаний, обладать эрудицией – таким и будет главное качество современного исследователя. Конечно, он должен обладать неиссякаемой любознательностью, незаурядным умом и большим трудолюбием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Араби Б. (1990) Ибн-Хальдун – основоположник арабской социологии // Социологические исследования. Т. 11. С. 107–109.

Барг М.А. (1984) Категории и методы исторической науки. М.: Наука.

Барт П. (1902) Философия истории как социология / Пер. с нем. М.С. Модель. С.-Петербург.

Блок М. (1973) Апология истории, или Ремесло историка. Пер. с фр. Е.М. Лысенко. М.: Наука.

Бродель Ф. (2008) Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир.

Вольтер Ф.М. (1809) История царствования Людовика XIV и Людовика XV королей французских, с привосокуплением словаря всех знаменитых Французских мужей: министров, полководцев, писателей и художников, прославивших царствование сих государей. Соч. в 4 т. Пер. А. Воейков. Ч. 3. М.: В Унив. Тип.

Гегель Г.В.Ф. (1993) Лекции по философии истории. СПб.: Наука.

Гердер И.Г. (1977) Идеи к философии истории человечества / Пер. и примеч. А.В. Михайлова; Отв. ред. А.В. Гулыга. М.: Наука.

Гинзбург К. (2004) Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история / Пер. с итал. и послесл. С.Л. Козлова. М.: Новое издательство.

Здравомыслов А.Г., Ядов В.А., Рожин В.П. (1967) Человек и его работа (социологическое исследование). М.: Мысль. (Включена в список лучших книг по социологии XX в., составленный МСА).

Ионов И.Н. (2009) Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. № 2. С. 33–60.

Кертман Л.Е. (1971) Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. № 1. С. 55–68.

Клейн Л.С. (2013) Этногенез и археология. В 2-х тт. Т. 1. Теоретические исследования. Т. 2. Арии и varia. СПб.: Евразия.

Ключевский В.О. (1989) Методология русской истории, 1884/1885 г. Соч. в 9 т. Т. VI. М.: Мысль.

Ковальченко И.Д. (1987) Методы исторического исследования. М.: Наука.

Лахман Р. (2016) Что такое историческая социология? / Пер. с англ. М.В. Дондуковского, под науч. ред. А.А. Смирнова. М.: Изд. Дом. «Дело» РАНХиГС.

Леви Д. (1996) К вопросу о микроистории. – Современные методы преподавания новейшей истории. М.: Наука.

Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Манифест Коммунистической партии. Соч. 2-е изд. в 50-ти т. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Медик Х. (1994) Микроистория // THESIS. Вып. 4. С. 193–202.

Нестеренко А.Н. (2019) Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии // Вопросы истории. № 4. С. 57–66.

Оруэлл Дж. (1999) «1984». Пер. с англ. В. Голышева. М.: Изд-во АСТ.

Репина Л.П. (1999) Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. С. 7–13.

Романовский Н.В. (2008) К итогам «круглого стола» по исторической социологии // Социологические исследования. № 10. С. 3–13.

Сорокин П.А. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. Общ. ред. сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат.

Топычканов А.В. (2006) История повседневности в немецкоязычной историографической традиции. Краеведение в России: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы II Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине – основа патриотизма» (Воронеж, 31 января – Москва, 1 февраля 2005 г.) / Гл. ред. С.О. Шмидт. М.: Ключ-С.

Файнбург З.И. (1989) Не сотвори себе кумира…: Социализм и «культ личности»: (Очерки теории). М.: Политиздат.

Хантингтон С. (2003) Столкновение цивилизаций. Перевод с англ. Т. Велимеев, Ю. Новиков. Послесловие С. Переслегин. М.: АСТ.

Февр Л. (1991) Бои за историю. М.: Наука.

Фукуяма Ф. (2007) Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левин. М.: АСТ.

Шпенглер О. (2019) Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Образ и действительность / Пер. с нем. Н.Ф. Гарелин. Изд-во: Поппури. Том 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. С.Э. Борич. Изд-во: Поппури.

REFERENCES

Arabi B. (1990) Ibn-Hal'dun – osnovopolozhnik arabskoj sociologii [Ibn-Khaldun – the founder of Arab sociology]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya,* no. 11, pp. 107–109.

Barg M.A. (1984) *Kategorii i metody istoricheskoj nauki* [Categories and methods of historical science]. Moscow: Nauka.

Bart P. (1902) *Filosofiya istorii kak sociologiya* [Philosophy of History as Sociology]. Per. with him. M.S. Model. St. Petersburg.

Block M. (1973) *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [Apology of history, or Craft of the historian]. Transl. with fr. E.M. Lysenko; USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka.

Braudel F. (2008) *Grammatika civilizacij* [Grammar of Civilizations]. Moscow: Ves' mir.

Fainburg Z.I. (1989) *Ne sotvori sebe kumira…: Socializm i «kul't lichnosti»* [Do not make yourself an idol ...: Socialism and the "cult of personality"]: (Essays on the theory). Moscow: Politizdat.

Febvre L. (1991) *Boi za istoriyu* [Fights for the story]. Moscow: Nauka.

Fukuyama F. (2007) *Konec istorii i poslednij chelovek* [The end of history and the last man]. Per. from English M.B. Levin. Moscow: AST.

Ginzburg K. (2004) *Mify – emblemy – primety. Morfologiya i istoriya* [Myths - emblems - signs. Morphology and History]. Transl. with ital. and after S.L. Kozlova. Moscow: New Publishing House.

Hegel G.V.F. (1993, 2000) *Lekcii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. St. Petersburg: Nauka.

Herder I.G. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind]. Per. and note. A.V. Mikhailova; Repl. ed. A.V. Gulyga; USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka.

Huntington S. (2003) *Stolknovenie civilizacij* [The Clash of Civilizations]. Translated from English. T. Velimeev, Yu. Novikov. Afterword S. Pereslegin. Moscow: AST.

Ionov I.N. (2009) Novaya global'naya istoriya i postkolonial'nyj diskurs [New global history and postcolonial discourse]. *Istoriya i sovremennost'*, no. 2, pp. 3–60.

Kertman L.E. (1971) Zakony istoricheskih situacij [Laws of historical situations]. *Voprosy istorii*, no. 1, pp. 55–68.

Klein L.S. (2013) *Etnogenez i arheologiya* [Ethnogenesis and archeology]. In 2 vols. T. 1. *Theoretical research*. T. 2. Arias and varia. St. Petersburg: Eurasia.

Klyuchevsky V.O. (1989) *Metodologiya russkoj istorii, 1884/1885 g.* [Methodology of Russian History, 1884/1885]. Op. in 9 vols T. VI. Moscow: Mysl', pp. 5–93.

Kovalchenko I.D. (2003) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow: Nauka.

Lahman R. (2016) *CHto takoe istoricheskaya sociologiya*? [What is historical sociology?]. Per. from English M.V. Dondukovsky, under the scientific. ed. A.A. Smirnova. Moscow: Publishing. House. «Delo» RANEPA.

Levy D. (1996) K voprosu o mikroistorii [On the issue of microhistory]. *Sovremennye metody prepodavanuya istorii.* Moscow: Nauka.

Marx K., Engels F. (1955) *Manifest Kommunisticheskoj partii* [Manifesto of the Communist Party]. Op. 2nd ed. in 50 vols. T. 4. Moscow: Gos.izdatelstvo politicheskoy literanury.

Medic H. (1994) Mikroistoriya [Microhistory]. *THESIS*, vol. 4, pp. 193–202.

Nesterenko A.N. (2019) Pochemu istoriya ne nauka: razmyshleniya o specifike predmeta, ob"ekta i metoda istoriografii [Why history is not science: reflections on the specifics of the subject, object, and method of historiography]. *Voprosy istorii,* no. 4, pp. 57–66.

Orwell J. (2019) «*1984».* Per. from English In Golysheva. Moscow: AST Publishing House.

Repina L.P. (1999) Personal'naya istoriya: biografiya kak sredstvo istoricheskogo poznaniya [Personal history: biography as a means of historical knowledge]. *Kazus,* vol. 2, pp. 7–13.

Romanovsky N.V. (2008) К итогам «круглого стола» по исторической социологии [To the results of the round table on historical sociology]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya,* no. 10, pp. 3–13.

Sorokin P.A. (1992) *CHelovek. Civilizaciya. Obshchestvo [Person.* Civilization. Society]. Society ed. comp. and foreword. A.Yu. Sogomonov: Per. from English. Moscow: Politizdat.

Spengler O. (2019) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Vol. 1. Image and reality. Trans. from the German N. F. Garelin. Publishing house: Potpourri, vol. 2. World-historical perspectives. Trans. from the German S. E. Borich. Publishing house: Potpourri.

Topychkanov A.V. (2006) Istoriya povsednevnosti v nemeckoyazychnoj istoriograficheskoj tradicii [The history of everyday life in the German-speaking historiographic tradition]. *Local history in Russia: history, current status, development prospects.* Materials of the II All-Russian Seminar of Local History «Love for a Small Motherland – the Basis of Patriotism» (Voronezh, January 31 – Moscow, February 1, 2005) / Ch. ed. S.O. Schmidt. Moscow: Klyuch-S, pp. 309–321.

Voltaire F.M. (1809) *Istoriya carstvovaniya Lyudovika XIV i Lyudovika XV korolej francuzckih, s privosokupleniem slovarya vsekh znamenityh Francuzskih muzhej: ministrov, polkovodcev, pisatelej i hudozhnikov, proslavivshih carstvovanie sih gosudarej* [The history of the reign of Louis XIV and Louis XV of the French kings, with the addition of the dictionary of all the famous French husbands: ministers, commanders, writers and artists who glorified the reign of these sovereigns]. Op. in 4 vols. Per. A. Voeikov. Part 3. Moscow: In Univ.

Zdravomyslov A.G., Yadov V.A., Rozhin V.P. (1967) *Chelovek i ego rabota (*sociologicheskoe issledovanie*)* [Man and his work (case study)]. Moscow: Mysl'.

Информация об авторе

Шилов Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Общенаучные дисциплины» Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета, член Правления Российского общества социологов (Пермское отделение). Адрес: 618400, г. Березники Пермский край, Улица Химиков, 10, каб. 205. E-mail: vvs595959@mail.ru

About the author

Vladimir V. Shilov – Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of General Scientific Disciplines of the Bereznikovsky Branch of the Perm National Research Polytechnic University, member of the Board of the Russian Society of Sociologists (Perm Branch). Address: Chemists Street, 10, office. 205, Berezniki, Perm Territory, Russian Federation, 618400. E-mail: vvs595959@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 06.04.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.04.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 22.04.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 2. С. 114–125
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 2, pp. 114–125

DOI: 10.31857/S086904990014377-6

Оригинальная статья / Original Article

Кант, Ролз и проблема публичного применения прагматического разума

© А.Г. ЖАВОРОНКОВ

Жаворонков Алексей Геннадьевич, Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия); Институт гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград, Россия), outdoors@yandex.ru

Статья посвящена анализу интерпретации кантовской концепции публичного применения разума в работах Дж. Ролза – в свете антропологических недостатков его подхода. Продемонстрированы основные особенности связей между применением разума (в том числе его ограничениями) и идеей «необщительной общительности» в работах И. Канта. Перечислены особенности позиции Ролза и исследованы неантропологические и антропологические отличия его интерпретации от кантовской трактовки публичного применения разума. Сформулированы некоторые общие соображения о преимуществах применения кантовского понятия прагматического разума на современном этапе дискуссии вокруг стратегий и ограничений его публичного применения.

Ключевые слова: И. Кант, Дж. Ролз, философская антропология, разум, публичность.

Для цитирования: Жаворонков А.Г. (2021) Кант, Ролз и проблема публичного применения прагматического разума // Общественные науки и современность. № 2. С. 114–125. DOI: 10.31857/S086904990014377-6

Kant, Rawls and the Problem of Public Use of Pragmatic Reason

© A.G. ZHAVORONKOV

Alexey G. Zhavoronkov, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), outdoors@yandex.ru

Abstract. The paper presents an analysis of John Rawls' interpretation of Kant's idea of public use of reason – in the light of anthropological deficits of his approach. First, the author explains the anthropological connection between the use of reason (and its limitations) and the idea of 'unsocial sociability' in Kant's

work. In the next part, the author presents the main features of Rawls' position while exploring the non-anthropological and anthropological differences between his interpretation and the original concept of public reason in Kant's work. The final part contains some general considerations on the advantages of using Kant's concept of pragmatic reason in the current discussion on strategies and limitations of the public use of reason.

Keywords: Kant, Rawls, philosophical anthropology, reason, publicity

For Citation: Zhavoronkov A. (2021) Kant, Rawls and the Problem of Public Use of Pragmatic Reason. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 114–125. DOI: 10.31857/S086904990014377-6 (In Russ.).

Начало 1970-х гг. послужило отправной точкой нового, чрезвычайно широкого этапа дискуссии о практических аспектах кантовского понятия публичного разума. Исходный импульс новой трактовке этого понятия, не только распространенного в академической среде, но и нашедшего повсеместное применение в современной западной политике и юриспруденции, задали, в первую очередь, работы Дж. Ролза о справедливости. Несмотря на широкий характер обсуждения, почти во всех затронутых им областях социологии, политологии и философии (например, в критической теории, начиная с Ю. Хабермаса) оно не учитывает антропологические аспекты применения разума, связанные с кантовским понятием прагматического разума. Этим аспектам, а также их следствиям, не принятым во внимание как у Ролза, так и в работах большинства других представителей социальных наук[1], посвящена данная статья.

Публичный разум по Канту

Теоретическим фундаментом оппозиции публичного и частного (приватного) применения разума принято считать, в первую очередь, кантовские Критики. Детальное описание этой оппозиции предложено в эссе И. Канта «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?». По его утверждению, публичное применение разума, в отличие от применения частного, не должно подвергаться ограничениям, поскольку способствует просвещению[2]. В качестве примера первого он называет обращение ученого к широкой публике, а частным его применением – использование кем-либо своего разума на «доверенном ему *гражданском посту* или службе» [*Кант* 1994, т. 8, с. 31], например священником, офицером или советником министерства финансов. Для представителей упомянутых профессий, а также для многих других групп граждан (например, для всех налогоплательщиков), согласно Канту, важно выполнять свои обязательства, не препятствуя этому исполнению постоянными рассуждениями о возможной нецелесообразности своих действий. В противном случае эффективное выполнение обязанностей стало бы невозможным.

Предложенное Кантом разделение и иллюстрирующие его примеры вызывают ряд вопросов. Во-первых, по логике Канта, тому, кто пользуется разумом для выполнения своих должностных обязанностей, важно в первую очередь хорошо их исполнять. Означает ли это, например, что нужно без сомнений повиноваться даже тем приказам, которые с очевидностью приведут к вредным последствиям? Очевидно, что подобный вывод противоречит рассуждениям Канта. Речь не о том, что в сфере частного применения разума не следует размышлять о возможных последствиях наших действий. Плоды этих размышлений – в случае их потенциальной значимости для широкой

[1] См. об этом на примере социологии XX в. в [*Жаворонков* 2019].

[2] Частное применение разума по Канту может ограничиваться, но в определенных рамках, не препятствующих просвещению.

аудитории – до́лжно выносить в публичное пространство, в котором мы выступаем как граждане, а не только как представители узкого (в том числе профессионального) сообщества[3]. Впрочем, тем самым проблема, по крайней мере на первый взгляд, решается лишь частично. Из перспективы гегелевско-марксистской традиции можно упрекнуть Канта в том, что своей оппозицией публичного и частного применения разума он фактически отделяет мышление от действия и предоставляет свободу в публичной сфере лишь предлагающим варианты решений облеченным властью правителям [*Žižek* 2012, p. 980].

Вторая проблема состоит в том, что́ именно Кант считает примерами публичного и частного применения разума. Почему под публичным применением разума понимается лишь широкое общественное обсуждение, а не дискуссия внутри какого-либо сообщества? При ответе на этот вопрос нужно учитывать, что Кант не отождествляет публичный и частный аспект применения разума с разделением между публичной и частной сферой. Он имеет в виду, что на применение разума влияют ограничения, наложенные обязательствами профессионального и/или юридического характера. Иными словами, приватность указывает не только на ограниченность аудитории и сферы использования, но и на неполноту формы практического применения разума в заданных обязательствами рамках[4]. Наконец, кантовское утверждение, что в отношении публичного использования разума главное заключается в том, чтобы занять пассивную, ничем не ограниченную позицию, может показаться слишком размытым и даже слабым из-за своего негативного характера. Однако, как справедливо указывают некоторые исследователи (см. [*O'Neill* 1986, p. 525–527; *O'Neill* 1989, p. 30–32]), именно пассивная позиция на практике часто оказывается не только принципиально важной. Она труднодостижима в случае активного сопротивления со стороны тех, кто хочет ограничить своим оппонентам возможности для публичных высказываний[5].

Говоря о публичном разуме как инструменте просвещения, мы подходим к проблеме кантовского понимания социальной роли прагматического разума, служащей общественному благу. Кант упоминает это понятие в «Критике чистого разума» и в «Метафизике нравов», но в первую очередь оно находит развитие в антропологических лекциях и в «Антропологии с прагматической точки зрения». Согласно Ф. Каульбаху, вероятно первому исследователю, обратившему особое внимание на это рассуждение, Кант использовал его в качестве инструмента осмысления различных феноменов природы и человеческого мира в контексте, который не мыслится и не может быть лишь теоретическим [*Kaulbach* 1966, p. 67]. Тем самым Кант предлагает аудитории возможности ориентироваться в мире и, конкретнее, в различных ситуациях повседневной жизни [*Lenk* 1979, p. 34]. Формально, будучи частью кантовской концепции практического разума, прагматический разум закладывает необходимые теоретические основания для кантовского проекта антропологии как науки, систематизирующей знания о мире согласно с принципами научного анализа (см. подробнее [*Sturm* 2009]).

[3] Следует также различать ситуации, в которых есть сомнения, связанные с нашей личной этической позицией, и те случаи, когда мы видим, что тот или иной приказ или правило четко противоречит базовым, принятым профессиональным сообществом принципам деятельности (ср. примеры для врачебной этики в [*Kennett* 2017]). В последнем случае чинимые вышестоящими лицами препятствия для общественного обсуждения проблемы прямо противоречат кантовским принципам публичного применения разума.

[4] Даже если поставить под сомнение тезис, что латинское *privatus* в данном контексте у Канта может значить «лишенный чего-либо», в рамках кантовской антропологии представление об ограниченности частного применения разума не только имеет смысл, но и служит одним из фундаментальных аспектов, связывающих представление о применении разума в социальной сфере с понятием необщительной общительности.

[5] Разумеется, предложенные краткие ответы имеют лишь предварительный характер. В ходе дальнейшего анализа автор вернется к вопросу о потенциальных недостатках аргументации Канта.

Из описанных Кантом, хотя и несколько фрагментарно, особенностей прагматического разума можно сделать вывод о его двойственной направленности. В антропологических координатах, задаваемых прагматическим разумом, человек одновременно играет роль объясняющего мир и самого себя (*explanans*) и служащего предметом объяснения (*explanandum*). Это позволяет лучше понять как уже существующие социальные схемы и принципы, так и изменять их вместе с другими людьми. Соответственно, в социальной сфере у прагматического разума есть два главных аспекта – индивидуальный и коллективный. С одной стороны, это развитие социальных способностей благодаря более успешному ориентированию в окружающем мире. С другой стороны – это достижение большего благополучия в социальной сфере с помощью согласованных усилий по изменению ее устройства.

Кантовская концепция прагматического разума открывает возможность получить систематические знания о социальном мире и о нас как существах, активно и пассивно вовлеченных в данный процесс, а также представляет собой специфическую форму его теоретического применения. Одновременно она предполагает и практическое применение разума, направленное на достижение общего благополучия. В таком контексте классической кантовской оппозиции публичного и частного применения разума придается дополнительная, антропологическая перспектива. Эта перспектива описывает ограничения применения человеческого разума, позволяющие некоторым исследователям говорить о кантовской антропологии как форме «нечистой» этики [*Louden* 2000]. Вместе с тем публичное применение разума связано с понятием «необщительной общительности» [*Кант* 1994, т. 8, с. 16–17]. Последнее в свою очередь, характеризует отношения между разнонаправленными сторонами человеческой жизни. В частности, речь идет о стремлении к изоляции и необходимости социализации ради достижения более сложных целей, нежели те, что теоретически были бы доступны и отдельному индивиду, не включенному в общественные связи.

В сравнении с М. Монтенем, Г. Гроцием, А. Шефтсбери, Ф. Хатчесоном, Ж.-Ж. Руссо и другими, более ранними участниками дискуссии о роли эгоистических склонностей в социальной сфере, кантовская позиция уникальна своим сочетанием антропологической перспективы с перспективой этической, культурной, исторической и политической. Благодаря этому она на различных уровнях объясняет возможности соразмерять собственные интересы и цели с интересами и целями других. С этической точки зрения, речь идет о причинах несоответствия между нашими желаниями и моральными принципами. Рассматривая механизмы человеческой культуры, Кант доказывает одновременную необходимость «необщительных» эгоистических склонностей человека как источника уникальных индивидуальных целей и идей и социальной кооперации, ограничивающей человека, но необходимой для реализации этих идей[6]. Кроме того, согласно Канту, нам не следует опасаться социальных конфликтов, а принимать их как неизбежный элемент развития общества, без противоречий обреченного на стагнацию и постепенный упадок.

Наконец, в своих политических и антропологических работах 1790-х гг. Кант, в особенности на примере идеи космополитизма, демонстрирует, что без социализации невозможно расширить свою картину мира и тем самым разнообразить и углубить собственные индивидуальные цели. Напротив, границы этих целей, а также методов их достижения задает именно необходимость кооперации с другими для поиска консенсуса.

Упомянутые выше антропологические факторы оказывают значительное влияние на применение публичного разума по Канту. Во-первых, возможности для его развития

[6] Наличие двух разнонаправленных тенденций в человеке по Канту соответствует замыслу природы. Подробнее об этических, культурных, исторических и антропологических аспектах понятия необщительной общительности см. [*Wood* 1991].

и применения в публичной сфере доступны всем людям без исключения[7], в том числе потому, что связаны с особенностями их природы, предполагающими стремление к социализации. Во-вторых, даже не ограниченное намеренно (то есть не приватное) применение разума на практике подвержено влиянию таких факторов, как естественные склонности людей, слабость их духа, а также дополнительные, неморальные основания их поступков. В-третьих, применение разума в публичной сфере неизбежно связано с соперничеством между индивидами и социальными группами, которое, однако, есть зло неизбежное [*Кант* 1994, т. 8, с. 84]. Впрочем, отсюда проистекают не только вредные, но и полезные для развития общества следствия.

В-четвертых, публичное применение разума дает возможность не только свободно изменять нас самих, что следует из знаменитого кантовского определения предмета прагматической антропологии [*Кант* 1994, т. 7, с. 138]. Так, руководствуясь знаниями о мире и достигая согласия с другими сторонами, мы имеем и возможность трансформировать наши социальные нормы поведения.

Политическая интерпретация публичного разума у Ролза

При сравнении идеи публичного применения разума у Канта и ее политической интерпретации у Ролза можно увидеть, что именно антропологические аспекты, вместе с особенностями трактовки понятий публичного и частного, формируют четкую границу между позициями двух философов.

Огромному влиянию в современных социальных науках кантовская концепция публичного применения разума в первую очередь обязана именно Дж. Ролзу, а также широте своего практического применения[8]. В то же время намеченную Кантом глубокую и тонкую прагматическую связь между теоретическим и практическим применением разума в социальной сфере приняли во внимание лишь представители поздней критической теории, в частности А. Хоннет [*Honneth* 2007, p. 11–14] – правда, с существенными ограничениями, наложенными гегельянской традицией. В работах Ролза особенно заметен антропологический пробел в интерпретации стратегий публичного применения разума.

Концепция публичного применения разума всегда играла основополагающую роль в работах Ролза. В своей поздней статье «Еще один взгляд на идею публичного разума» («The Idea of Public Reason Revisited») Ролз ретроспективно оценивал свою теорию справедливости в ее развитии с 1970 по 1990 г. Идею публичного разума он превращает в критерий, характеризующий ключевые различия между двумя главными, «асимметричными» работами – «Теория справедливости» и «Политический либерализм» [*Rawls* 1997, p. 806–807][9]. В «Теории справедливости» Ролз формулирует идею социального контракта, которая задает базовые условия отношений между членами общества, где каждый принимает либеральную доктрину и действует в соответствии с ней. В таких

[7] В кантовских лекциях и малых работах 1770–1780-х гг. есть явные признаки того, что Кант считал полноценное развитие способностей разума недоступным для представителей неевропейских рас (что совершенно справедливо критиковали как его современники Г. Форстер и И.Г. Гердер, так и представители социальных наук, обратившие внимание на эту тему в последние два десятилетия). Поздний Кант в политических работах и в «Антропологии с прагматической точки зрения» отказывается от дискриминационных расовых классификаций в свете своей идеи космополитизма.

[8] Из соображений экономии автор не станет ссылаться на многочисленные исследования о влиянии Канта на Ролза. Из российских работ стоит отметить [*Грановская* 2015], хотя понятию публичного разума в ней уделено совсем мало места, а отличия интерпретации Ролза от позиции Канта не анализируются. Антропологические недостатки понятия трактовки публичного разума у Ролза, насколько автору известно, пока не становились предметом специального исследования.

[9] Глубокий анализ отличий между двумя работами в контексте трансформации теории справедливости Ролза см. в [*Кашников* 2004, с. 212–230] (о раннем Ролзе, в том числе о влиянии на него кантовской деонтологии, см. также с. 72–94).

обстоятельствах применение публичного разума ограничено жесткими рамками общих моральных представлений как основание для отношений между гражданами в демократическом обществе. В «Политическом либерализме» картина иная: речь идет о том, как образом граждане могут совмещать свои индивидуальные моральные представления (религиозного и нерелигиозного характера) и приверженность часто противоречивым доктринам с общностью понимания справедливости.

В этих условиях идея публичного разума включена в крайне интересные размышления о способах достичь равновесия между обеспечением и сохранением индивидуальных свобод. Столь же важна необходимость признать базовые принципы применения разума в свободной публичной дискуссии, что обеспечивает возможность обсуждать исходное понимание политических прав, свобод и возможностей граждан.

Стоит отметить, что поздний Ролз часто и подробно обращается к понятию публичного разума. Однако в вышедшей в 1971 г. «Теории справедливости» оно при беглом рассмотрении оставляет скорее маргинальное впечатление, в отличие от более общей идеи публичности как краеугольного камня аргументации. Не упоминает Ролз и о том, что использует понятие из кантовского эссе о Просвещении. Связь с Кантом очевидна, однако первое (и скорее косвенное) признание преемственности можно найти лишь в лекциях по истории моральной философии (прочитаны Ролзом в Гарварде в период с 1970-х по начало 1990-х гг.). В них понятие публичного разума названо одним из пяти главных элементов политической философии Канта, наряду с идеей социального контракта, представлением о гражданах как участниках законодательного процесса, отрицанием принципа счастья как базового критерия публичного права, а также свободой религии и стремления к личному счастью – при условии уважения к правам других [*Rawls* 2000, p. 362–363]. При углубленном и продолжительном взгляде легко заметить, что используемое Ролзом понятие публичности тесно связано с его пониманием разума, в котором он, в свою очередь, опирается на Канта. Так, в 25-м параграфе, посвященном рациональности сторон в исходном положении, Ролз утверждает: для реализации рационального жизненного плана каждого человека в социальной сфере необходим набор базовых условий взаимной рациональности, к которым относится публичность знания о способности к чувству справедливости у каждой стороны [*Ролз* 1995, с. 133]. В обсуждении условий и форм социальной кооперации для достижения личных рациональных целей Ролз, на взгляд автора, вплотную подходит к кантовской концепции необщительной общительности, но не переходит этот рубеж по причинам, о которых пойдет речь ниже.

В «Политическом либерализме» обсуждение публичности начинается с тезиса о том, что необходимо наличие публичной концепции справедливости, играющей регулятивную роль. В ходе обсуждения идеи справедливости как честности Ролз уточняет, что его идея публичности имеет три основных уровня [*Rawls* 1993, p. 66–67]. Они описаны, соответственно, понятиями исходной позиции, занавеса неведения и способности суждения. Первый реализуется в тот момент, когда граждане знают о принципах справедливости и принимают их, причем факт принятия тоже становится публичным знанием. Второй уровень затрагивает представления о принципах функционирования социальных институтов, а также общие идеи о человеческой природе. (Очевидно, что Ролз прямо намекает на необходимость принимать во внимание антропологические факторы – хотя здесь и в дальнейшем обходит большинство из них молчанием.) Наконец, третий уровень публичности обеспечивает полноценное публичное обоснование концепции справедливости как честности, включающее соображения о рационально возможных и невозможных способах и следствиях ее применения. При выполнении этих условий политическая жизнь, по мнению Ролза, будет устроена так, что ни одному из ее участников не потребуется ничего скрывать [*Rawls* 1993, p. 68].

В поздних работах, в первую очередь в уже упомянутой статье 1997 г., понятие публичного разума у Ролза трансформируется за счет введения оговорки (*proviso*). Согласно последней, можно использовать в публичной дискуссии и аргументы, связанные с личными убеждениями (в том числе нелиберального, но обязательно рационального характера), – при условии, что «со временем» они будут подкреплены политическими аргументами в пользу той же позиции [*Rawls* 1997, p. 765]. Предвосхищая вопрос, когда же должно наступить «время» для дополнения индивидуальных аргументов публичными, Ролз уточняет, что детальные правила применения оговорки нельзя расписать заранее: в каждом случае они будут определяться конкретными обстоятельствами [*Rawls* 1997, p. 765]. Будем ли мы считать столь расплывчатое объяснение философски удачным и реалистичным [*Dreben* 2003, p. 343]? Или, напротив, подвергнем его критике как шаг назад по сравнению с позицией Ролза в «Политическом либерализме» [*Larmore* 2003, p. 386]? Во всяком случае очевидно, что такое дополнение расширяет сферу применения публичного разума, делая более гибкими границы между личными убеждениями и публичными доводами.

Наиболее заметно в ранних и поздних работах Ролза неантропологическое отличие от кантовского описания публичности. Оппозиция публичного (полного) и частного (неполного) применения разума уступает место противопоставлению публичного разума и разумно обоснованных моральных принципов индивидов или групп[10]. Ключевые акценты смещены с условий и причин ограничения использования разума к разделению между публичной сферой и областью личных убеждений, неприкосновенной для публичного критического обсуждения. В свою очередь, для доступа к использованию разума в публичной сфере необходимо признать базовый набор социально-политических ценностей. Кроме того, понятие публичности и публичной дискуссии у Канта тесно связано с понятием просвещения. Ролз же подчеркивает, что его понимание либерализма не имеет отношения к просвещению, поскольку предполагает плюрализм разумно обоснованных личных убеждений, отдельные из которых могут иметь и религиозный характер [*Rawls* 1993, p. XL][11].

При всей значимости упомянутых суждений, антропологические различия между позициями Ролза и Канта, на мой взгляд, не менее принципиальны: ведь именно антропологические факторы заявлены Ролзом как существенные для его теории справедливости, хотя фактически он не принимает их во внимание. Одна из ключевых проблем, определяющих несимметричность отношений между аргументацией в «Теории справедливости» и «Политическом либерализме», – вопрос о механизмах поведения в ситуации острых или даже неразрешимых конфликтов в публичной сфере. Уже в «Теории справедливости» Ролз, как и Кант, признает, что идея общества, члены которого не имеют конфликтующих требований, – умозрительная абстракция, лежащая за пределами справедливости [*Ролз* 1995, с. 251]. Что же необходимо для успешного публичного и коллективного обсуждения проблем, как и для коллективного действия (включая такие его формы, как публичное неповиновение)? Конфликты между участниками обсуждения не должны касаться базовых принципов, в том числе самого принципа справедливости. В свою очередь, конфликтам между личными убеждениями, согласно тезисам Ролза в «Политическом

[10] Ролз формулирует эту оппозицию в явной форме лишь в своих поздних статьях (в том числе в [*Rawls* 1997]), хотя она определяет его аргументацию и в более ранних работах, в которых под ограничениями понимаются не границы применения разума, а, например, дискриминация по этническому происхождению, расовой или половой принадлежности.

[11] С этой проблемой связана справедливая критика в адрес кантовского понятия публичного применения разума. В частности, П. Гайер отмечает недостатки кантовского представления о постепенном снижении культурной роли религиозных различий на фоне возрастающего значения разума. Кантовские аргументы в пользу свободы вероисповедания крайне важны, хотя его представление о роли религий, по мнению Гайера, следует значительно смягчить, приняв во внимание позицию современника Канта М. Мендельсона, скептически относившегося к идее исчезновения религиозного плюрализма [*Guyer* 2020, p. 276].

либерализме», не место в публичной дискуссии, поскольку она не только была бы непродуктивной, но и нарушала бы индивидуальные границы каждой из сторон.

Однако даже если согласиться с подобным разграничением между публичной и приватной сферой (или с его более мягкой, пересмотренной в поздних текстах версией), остаются вопросы о причинах публичных конфликтов, а также о том, всегда ли можно их окончательно разрешить. Кант с помощью своей концепции «необщительной общительности» вполне ясно отвечает на первый вопрос: причина в перманентном противостоянии между эгоизмом индивидов и необходимостью социализации и коллективного действия для достижения целей высокого порядка. Уже ранний Ролз косвенно соглашается с антропологической предпосылкой необщительной общительности, признавая ограниченность человеческой способности к применению разума [*Ролз* 1995, с. 121]. Однако он считает эгоизм не условием, а препятствием общности, вносящим хаос в спор между конкурирующими притязаниями сторон [*Ролз* 1995, с. 126]. Отсюда следует, что эгоизм, по Ролзу, не может быть исходной предпосылкой, принимаемой всеми, и не может входить в группу публично принятых и разделяемых всеми сторонами идей о человеческой природе, о которых идет речь в «Политическом либерализме»[12].

В поздних статьях Ролз возвращается к обозначенной уже в «Теории справедливости» проблеме достижения пересекающегося (нестрогого), то есть ситуативного и основанного на условиях взаимности, консенсуса между участниками дискуссии в публичной сфере. Косвенно отвечая на последний из двух упомянутых выше вопросов, он констатирует, что невозможно перманентно устранить противоречия во многих случаях, и предлагает взамен идею временного, подходящего для конкретной ситуации решения [*Rawls* 1997, p. 765]. Однако и здесь кантовская идея необходимости социальных конфликтов, прямо вытекающая из концепции «необщительной общительности» и нашедшая свое применение, помимо прочего, в социологической теории конфликтов Р. Дарендорфа, оказывается недоступной для применения в теории Ролза.

Причина не только в существенных расхождениях с Кантом о моральной роли эгоизма и необходимости учитывать его в качестве социального и антропологического фактора. Мотив заключается в более базовом и принципиальном для Ролза отсутствии прагматической перспективы в предложенной Кантом форме, определяющей отношения между теоретическим и практическим употреблением разума. Вновь мы видим сходство базовых предпосылок и принципиальные различия в выводимых из них следствиях. Как и у Канта, у Ролза речь в целом идет о публичном использовании разума с практической целью достичь благополучия в общественных отношениях. Для Канта это благополучие связано с прагматико-антропологической перспективой систематического познания мира, предполагающего и знакомство с позициями различных социальных групп (а также с рациональными и выходящими за рамки рациональности основаниями этих позиций). Ролз в своем понимании благополучия имеет в виду в первую очередь успешное функционирование социальных институтов, основанное на консенсусе относительно базовых прав граждан, ограниченном рамками либеральной политической теории.

Для Ролза, как и для Канта, наличие конфликтов, в том числе неразрешимых, – признак здорового общества. Однако у Канта такое устройство общества отвечает базовым особенностям человеческой природы, в то время как у Ролза оно следует из устоявшейся и публичной политической культуры [*Rawls* 1999, p. 474] и свободы социальных институтов. То, что у Канта – цель развития человека как социального существа, у Ролза превращается в исходное условие, задающее границы его анализа взаимодействия граждан в политической сфере.

[12] В ранних работах и статьях Ролз часто обращается к понятию эгоизма, исключая его из моральной сферы и жестко разграничивая с применяемым им в теории справедливости принципом взаимной незаинтересованности.

Значение антропологических аспектов публичного разума для его политических интерпретаций

Отмеченные выше характерные различия позиций Канта и Ролза дают предварительное представление, почему антропологически ориентированная трактовка публичного применения разума видится автору более продуктивной, чем предложенная Ролзом уточненная, но сокращенная интерпретация. В первую очередь, отказ Ролза углубляться в вопрос о возможности полноценно использовать разум в публичной сфере уводит от крайне актуального обсуждения ограничений, налагаемых политическими агентами и структурами на применение разума. Более того, он не позволяет более детально взглянуть и на само понятие разума с прагматической точки зрения, которая как раз и намечает его границы в конкретных жизненных обстоятельствах. Приведу небольшой пример. Для советского дискурса было характерно стремление отделить академическую, строго научную сферу применения разума, от сферы общественной, в которой не было условий для его полноценного, неограниченного использования. Недоверие к возможностям публичного применения разума, унаследованное от советской традиции, сохранилось и по сей день. Вывести такое заключение можно хотя бы из того, сколь редко рациональные аргументы находят свое реальное, а не мнимое применение в публичном обосновании тех или иных политических решений. О той же тенденции свидетельствуют и ограничения на дискуссии в публичной сфере: критерием для них часто становится не отсутствие рациональных аргументов (характерное, например, для нарратива *fake news*), а соображения того, что некоторые темы вообще нельзя выносить на общественное обсуждение. На взгляд автора, для данного случая, как и для других, ему подобных, кантовская антропологически ориентированная модель имеет больший, чем у Ролза, объяснительный потенциал для критики ограничений социальной и политической рациональности.

Вторым недостатком интерпретации Ролза в сравнении с оригинальной кантовской концепцией, несмотря на внешнюю абстрактность последней, видится отсутствие глубокого исследования вопроса о причинах и механизмах социальных конфликтов, выраженных в том числе в публичных разногласиях между индивидами или группами. Представленные Ролзом критерии достижения консенсуса выглядят слишком идеальными – не в последнюю очередь потому, что он и в ранних, и в поздних работах решительно исключает эгоизм из числа базовых факторов, которые следует принимать в расчет при публичной дискуссии. Заменяющая идею необщительной общительности концепция конфликта интересов у Ролза описывает различия между взглядами различных групп и формы возможного консенсуса. Однако во главе угла оказываются вовсе не причины их возникновения. Механизмы достижения вариантов консенсуса Ролз переносит исключительно в политическую сферу и рассматривает перспективы поддержания стабильности системы, но не развития социальных структур. Иными словами, модель Ролза лучше подходит для функционирования системы в обычном режиме, но не для ситуаций кризиса традиционных понятий и ценностей, лежащих в ее основе.

С политическими аспектами применения публичного разума связан и третий фактор: кантовская концепция публичности не привязана к конкретной политической теории либерализма, а описывает более общие закономерности взаимодействия между гражданами. В то же время она предполагает, что это взаимодействие будет демократическим, обеспечивающим свободу выбора позиции для каждого из участников. Поздняя теоретическая оговорка Ролза несколько приближает его к Канту. Однако теоретическое ее основание представляется значительно менее гибким. Кроме того, сфера применения этого понятия ограничена обществами, в которых публичное знание о справедливости – давняя и базовая часть культуры, а не цель, которую еще предстоит достичь. Утверждая, что для плодотворной коммуникации в публичном пространстве необходимо наличие

общих базовых идеалов у всех сторон социального процесса, Ролз фактически оказывается ближе к модели гражданской идентичности Руссо, а не к Канту [*Deligiorgi* 2005, p. 8]. По сравнению с его позицией, кантовская модель, возможно, теряя в конкретности описания критериев социального взаимодействия, выигрывает в широте ее применения, не ограниченного традиционными либеральными схемами социального устройства.

Подобно Ю. Хабермасу и Т. Скэнлону, Ролз объясняет трансформации кантовских понятий равенства, справедливости и разума необходимостью устранить характерные для Канта «дуализмы» необходимого и случайного, формы и содержания, разума и желания, феноменального и ноуменального [*Rawls* 1999, p. 264]. Цель настоящего исследования состояла не в призыве вернуться к этим дуализмам, а в том, чтобы учесть антропологические аспекты кантовского понятия публичного разума, еще почти не затронутые рецепцией идей Канта в политических теориях. Расширение применения и смысловое углубление понятия публичного разума особенно важно в современном контексте радикализации форм общественных дебатов и усиливающихся тенденций его вытеснения из пространства публичного обсуждения. Антропологическая составляющая этого понятия превращает его в универсальный ориентир и базовое условие любой рациональной дискуссии в социальной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грановская О.Л. (2015) Кантианский этос в политической философии Дж. Ролза // Кантовский сборник. Вып. 2(52). С. 76–85.

Жаворонков А.Г. (2019) Социальные аспекты антропологии Канта и их влияние на социологию XX века: проблемы и примеры // Вопросы философии. № 12. С. 198–208.

Кант И. (1994) Собр. соч. В 8 т. М.: Чоро.

Кашников Б.Н. (2004) Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого.

Ролз Дж. (1995) Теория справедливости / Пер. В.В. Целищева, при участии В.Н. Карповича и А.А. Шевченко. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета.

Deligiorgi K. (2005) Kant and the Culture of Enlightenment. Albany: State Univ. of New York Press.

Dreben B. (2003) On Rawls and Political Liberalism. The Cambridge Companion to Rawls. Ed. S. Freeman. Cambridge/New York: Cambridge Univ. Press. Pp. 316–346.

Guyer P. (2020) Reason and Experience in Mendelssohn and Kant. Oxford: Oxford Univ. Press.

Honneth A. (2007) The Irreducibility of Progress: Kant's Account of the Relationship between Morality and History // Critical Horizons. Vol. 8. №. 1. Pp. 1–17.

Kaulbach F. (1966) Weltorientierung, Weltkenntnis und pragmatische Vernunft bei Kant. Kaulbach F., Ritter J. (Hg.). Kritik und Metaphysik. Studien: Heinz Heimsoeth zum 80 Geburtstag. Berlin: De Gruyter. S. 60–75.

Kennett J. (2017) The Cost of Conscience: Kant on Conscience and Conscientious Objection // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. Vol. 26. Pp. 69–81.

Larmore C. (2003) Public Reason. The Cambridge Companion to Rawls. Ed. S. Freeman. Cambridge/New York: Cambridge Univ. Press. Pp. 368–393.

Lenk H. (1979) Pragmatische Vernunft. Philosophie zwischen Wissenschaft und Praxis. Stuttgart: Reclam.

Louden R. (2000) Kant's Impure Ethics: From Rational Beings to Human Beings. New York/Oxford: Oxford Univ. Press.

O'Neill O. (1986) The Public Use of Reason // Political Theory. Vol. 14. № 4. Pp. 523–551.

O'Neill O. (1989) Constructions of Reason: Explorations of Kant's Practical Philosophy. Cambridge/New York: Cambridge Univ. Press.

Rawls J. (1975) A Theory of Justice. Revised Edition. Cambridge: Harvard Univ. Press.

Rawls J. (1997) The Idea of Public Reason Revisited // University of Chicago Law Review. Vol. 64. Pp. 765–807.

Rawls J. (1999) Collected Papers. Ed. by S. Freeman. Cambridge/London: Harvard Univ. Press.

Rawls J. (2000) Lectures on the History of Moral Philosophy. Ed. by B. Herman. Cambridge/London: Harvard Univ. Press.

Sturm T. (2009) Kant und die Wissenschaften vom Menschen. Paderborn: Mentis Verlag.

Wood A. (1991) Unsocial sociability: The anthropological basis of Kantian ethics // Philosophical Topics. Vol. 19. Pp. 325–351.

Žižek S. (2012) Less than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism. London/New York: Verso.

REFERENCES

Deligiorgi K. (2005) *Kant and the Culture of Enlightenment*. Albany: State Univ. of New York Press.

Dreben B. (2003) On Rawls and Political Liberalism. *The Cambridge Companion to Rawls*. Ed. S. Freeman. Cambridge/New York: Cambridge Univ. Press, pp. 316–346.

Granovskaja O.L. (2015) Kantianskij jetos v politicheskoj filosofii Dzh. Rolza [Kantian Ethos in J. Rawls' Political Philosophy]. *Kantovskij sbornik*, vyp. 2(52), pp. 76–85.

Guyer P. (2020) *Reason and Experience in Mendelssohn and Kant*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Honneth A. (2007) The Irreducibility of Progress: Kant's Account of the Relationship between Morality and History. *Critical Horizons*, vol. 8, no. 1, pp. 1–17.

Kant I. (1994) *Sobranie sochinenij* [Collected Works], 8 vols. Moscow: Choro.

Kashnikov B.N. (2004) *Liberal'nye teorii spravedlivosti i politicheskaja praktika Rossii* [Liberal Theories of Justice and Political Praxis in Russia]. Velikij Novgorod: NovGU im. Jaroslava Mudrogo.

Kaulbach F. (1966) Weltorientierung, Weltkenntnis und pragmatische Vernunft bei Kant. Kaulbach F., Ritter J. (Hg.). *Kritik und Metaphysik. Studien: Heinz Heimsoeth zum 80 Geburtstag*. Berlin: De Gruyter. S. 60–75.

Kennett J. (2017) The Cost of Conscience: Kant on Conscience and Conscientious Objection. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, vol. 26, pp. 69–81.

Larmore C. (2003) Public Reason. *The Cambridge Companion to Rawls*. Ed. S. Freeman. Cambridge/New York: Cambridge Univ. Press, pp. 368–393.

Lenk H. (1979*) Pragmatische Vernunft. Philosophie zwischen Wissenschaft und Praxis*. Stuttgart: Reclam.

Louden R. (2000) *Kant's Impure Ethics: From Rational Beings to Human Beings*. New York/Oxford: Oxford Univ. Press.

O'Neill O. (1986) The Public Use of Reason. *Political Theory*, vol. 14, no. 4, pp. 523–551.

O'Neill O. (1989) *Constructions of Reason: Explorations of Kant's Practical Philosophy*. Cambridge/New York: Cambridge Univ. Press.

Rawls J. (1975) *A Theory of Justice*. Revised Edition. Cambridge: Harvard Univ. Press.

Rawls J. (1995) *Teorija spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Transl. by V.V. Celishev, in cooperation with V.N. Karpovich and A.A. Shevchenko. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta.

Rawls J. (1997) The Idea of Public Reason Revisited. *University of Chicago Law Review*, vol. 64, pp. 765–807.

Rawls J. (1999) *Collected Papers*. Ed. by Samuel Freeman. Cambridge/London: Harvard Univ. Press.

Rawls J. (2000) *Lectures on the History of Moral Philosophy*. Ed. by Barbara Herman. Cambridge/London: Harvard Univ. Press.

Sturm T. (2009) *Kant und die Wissenschaften vom Menschen*. Paderborn: Mentis Verlag.

Wood A. (1991) Unsocial sociability: The anthropological basis of Kantian ethics. *Philosophical Topics*, vol. 19, pp. 325–351.

Zhavoronkov A. (2019) Social'nye aspekty antropologii Kanta i ih vlijanie na sociologiju XX veka: problemy i primery [Social Aspects of Kant's Anthropology and Their Influence of the 20th Century Sociology: Problems and Cases]. *Voprosy Filosofii*, no. 12, pp. 198–208.

Žižek S. (2012) *Less than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London/New York: Verso.

Информация об авторе

Жаворонков Алексей Геннадьевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; старший научный сотрудник Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, г. Калининград, 236041, ул. Александра Невского, д. 14. E-mail: outdoors@yandex.ru

About the author

Alexey G. Zhavoronkov – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240. Senior Researcher at the Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University. Address: ul. Aleksandra Nevskogo 14, Kaliningrad, 236041. E-mail: outdoors@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 01.03.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 19.03.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 25.03.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 2. С. 126–143
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 2, pp. 126–143

DOI: 10.31857/S086904990014439-4

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
MIDDLE EAST

Оригинальная статья / Original Article

«Силы народной мобилизации» («Кувват аль-хашд аш-шааби») как фактор изменения военно-политической обстановки в Ираке после 2014 года

© Г.Л. КРЫЛОВ

Крылов Герман Леонидович, Институт востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия), german_krylov@mail.ru

«Силы народной мобилизации» («Кувват аль-хашд аш-шааби») сыграли критически важную роль в восстановлении суверенитета иракского государства над обширными территориями к северу и западу от Багдада, захваченными экстремистами из группировки «Исламское государство». Поддержав в 2014 г. деморализованные вооруженные силы страны, ополчение превратилось в «государство в государстве» с собственными спецслужбами. Ключевые лидеры шиитского ополчения, тесно связанные с Ираном, участвовали в сопротивлении американской оккупации, что не могло не беспокоить США. Масштабы этого беспокойства продемонстрировала боевая операция на выезде из багдадского аэропорта по ликвидации одного из символов иракского шиитского ополчения Абу Махди аль-Мухандиса вместе с иранским генералом Сулеймани. Правительство Ирака обозначило курс на интеграцию шиитского ополчения в ВС. Параллельно его организационные структуры из военизированных формирований превратились в политические организации. Естественным союзником правительства Ирака выступило высшее шиитское духовенство, также скептически настроенное по отношению к иранской теократической доктрине.

Ключевые слова: Ирак, шииты, политика, ополчение.

Для цитирования: Крылов Г.Л. (2021) «Силы народной мобилизации» («Кувват аль-хашд аш-шааби») как фактор изменения военно-политической обстановки в Ираке после 2014 года // Общественные науки и современность. № 2. С. 126–143. DOI: 10.31857/S086904990014439-4

Popular Mobilization Forces (Quwwat al-Hashd ash-Shaabi) as a Factor Influencing Security and Political Situation in Iraq after 2014

© G.L. KRYLOV

German L. Krylov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, german_krylov@mail.ru

Abstract. Popular Mobilization Forces (PMF, Quwwat al-Hashd ash-Shaabi) were critically important for the restoration of the Iraqi state sovereignty over the vast territories to the west and north of Baghdad occupied by the radical Islamic State group. Having provided its mighty support to the demoralized armed forces in 2014, the PMF became a kind of "imperium in imperio" that has even its intelligence and by itself represents a new challenge to the federal center. The key figures of the de facto Shia PMF having strong ties with Iran waged warfare against American occupation forces; the fact that could not but worry Washington. The degree of this concern was illustrated by the American decision to eliminate the PMF most symbolic figure Abu Mahdi al-Muhandis along with Iranian general Suleimani on the territory of Iraq, formally a sovereign state. The Iraqi government which is skeptical towards the perspective of making Iraq an Iranian satellite, has drafted a plan to integrate the Shia PMF forces into the armed forces, at the same time transforming its military structures into political organizations. The government's natural ally in these efforts is the supreme leadership of Iraqi Shias that is also skeptical about the wilayat al-faqih theocratic doctrine of Iran, unlike the majority of Iranian bred historical leaders of PMF.

Keywords: Iraq, Shia, policy, mobilization forces.

For Citation: Krylov G. (2021) Popular Mobilization Forces (Quwwat al-Hashd ash-Shaabi) as Factor Influencing on Security and Political Situation in Iraq after 2014. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 126–143. DOI: 10.31857/S086904990014439-4 (In Russ.)

2020 год стал годом серьезных перемен для «Сил народной мобилизации» («Кувват аль-хашд аш-шааби», сокр. хашд) – формально подчиняющихся правительству шиитских вооруженных формирований[1], созданных рядом религиозно-политических деятелей. Без исключения связанные с Ираном, эти лидеры не без оснований воспринимались в Вашингтоне как проводники влияния Исламской Республики в государстве, основателями которого в его современной форме пытались представить себя американские внешнеполитические стратеги. Нельзя забывать и о том, что Пентагон официально относит гибель более 600 военнослужащих ВС США в Ираке после 2003 г. к последствиям нападений шиитских вооруженных формирований [*Rempfer* 2019]. Страх Вашингтона

[1] Так как эти формирования создавались в помощь регулярной армии и в основном на добровольных началах, есть все основания называть их ополчением (довод в пользу этого и лексическое значение арабского слова хашд). Однако в российской научной среде и в СМИ в обиход вошло выражение «Силы народной мобилизации», взятое как калька с английского «popular mobilization forces» (оно фигурирует в ключевых местах данной статьи, несмотря на его стилистическую ущербность). Прямое калькирование отражает общую тенденцию опираться на англоязычные источники при изучении современной ситуации в Ираке, что автор попытался преодолеть. В статье широко использованы материалы арабских информационных сайтов и приведены подробности, отсутствующие в англоязычных публикациях. С нашей точки зрения, эти детали, игнорируемые англоязычным Интернетом, не только отражают специфические интересы арабоязычного читателя, но и дают представление об эмоционально-мировоззренческой компоненте – характерной для региона политической психологии.

В России к теме негосударственных вооруженных формирований и их роли в формировании современного политического контекста обращались, в частности, Р. Мамедов [*Мамедов* 2017], С. Александров и Е. Савичева [*Александров, Савичева* 2020] и др. О неоднозначном отношении шиитов Ирака к иранской теократической идеологии писал Г. Мачитидзе [*Мачитидзе* 2020].

утратить контроль над ситуацией в Ираке был столь велик, что правящая в США корпорация[2] не остановилась перед весьма сомнительным с точки зрения международного права решением силовой ликвидации на территории формально независимого государства двух военных деятелей генеральского ранга – иракского и иранского.

Событие, в одночасье потрясшее баланс сил не только в Ираке, но и во всем регионе, произошло в ночь со 2 на 3 января 2020 г. Около часу после полуночи на выезде из багдадского аэропорта ударом американского беспилотника были ликвидированы командующий иранского Корпуса Аль-Кудс генерал Касим Сулеймани и заместитель командующего иракским шиитским ополчением Абу Махди аль-Мухандис. Еще в 2009 г. Вашингтоном его признал угрозой безопасности Ирака и обвинил в планировании нападений на военнослужащих сил возглавляемой США коалиции, наряду с иракской шиитской группировкой «Катаиб Хезболла» [Treasury Designates… 2019]. Отрицательное реноме аль-Мухандиса на Западе не смогло исправить даже его активное участие в вооруженной борьбе против экстремистов из «Исламского государства» в качестве руководителя операций шиитского ополчения. В этот период на него было совершено три покушения. По крайней мере к одному из них, согласно совместному заявлению аль-Мухандиса и лидера влиятельного проиранского формирования ополченцев «Организация Бадр» Хади, могли быть причастны силы возглавляемой США коалиции[3].

Атака дрона на кортеж аль-Мухандиса и Сулеймани, с точки зрения событийного контекста, стала американским ответом на нападение проиранских демонстрантов на посольство США 31 декабря. Тогда сотни сторонников проиранских шиитских организаций без какого-либо противодействия со стороны иракских официальных силовых структур прошли на территорию «зеленой зоны». Премьер-министр Ирака заявил, что власти страны были против прохода протестующих к американскому посольству. Таким образом, спекуляции о том, что данная акция координировалась между проиранскими формированиями Ирака и официальными силовыми структурами были опровергнуты. Д. Трамп 31 декабря 2019 г. положительно отозвался о реакции правительства Ирака на события вокруг посольства США. Однако через два дня последовал американский удар по окрестностям багдадского аэропорта, жертвами которого стали Сулеймани, и встречавший его аль-Мухандис. Конечно, Трамп использовал ликвидацию Сулеймани и аль-Мухандиса в своей предвыборной кампании. Вместе с тем факты свидетельствуют, что спецслужбы США вынашивали планы подобной операции уже давно.

Непосредственные последствия убийства иранского и иракского военачальников в январе 2020 г., на первый взгляд, противоречили интересам США. Акция сплотила лояльные Ирану иракские силы, спровоцировав взрыв антиамериканских настроений: прежде всего, состоялась целая серия многотысячных демонстраций в различных городах Ирака (в том числе, в священных для шиитов городах Эн-Наджаф и Кербела), сопровождавших прощание с аль-Мухандисом и Сулеймани [Marasim janaiziya… 2020]. Консолидация подкреплялась религиозными мотивами – сам лидер шиитов Ирака, великий аятолла

[2] Несмотря на смену президентов, внешняя политика США характеризуется устойчивой преемственностью. Формально неправительственные структуры оказывают на нее прямое влияние (к примеру, Совет по международным отношениям).

[3] 24 ноября 2016 г., вскоре после того, как премьер-министр Ирака Хайдар аль-Аббади покинул базу ополчения в Телль-Афаре в непосредственной близости от палатки, где собрались командиры формирований ополчения, разорвалась ракета. Предварительное расследование показало, что ракета была выпущена не с позиций «Исламского государства», а беспилотником с лазерным наведением. Командиры ополчения потребовали объяснений от сил американской коалиции, но та предпочла отмолчаться. Этому покушению предшествовали два других. Одно, согласно источникам в ополчении, было организовано иранцами из-за внутреннего конфликта в рядах иранских спецслужб. Второе – одним из командиров шиитского ополчения с баасистским прошлым, которого контрразведка ополченцев подозревала в работе на США (см. [*Al-Salhy* 2020]).

Али ас-Систани назвал убийство Сулеймани и аль-Мухандиса нарушением суверенитета Ирака, противоречащим принципам международного права [As-Sistani: Qatl Suleimani… 2020]. На какое-то время и конкурировавшие разрозненные проиранские группы образовали что-то вроде монолита, солидаризировались с ними и шиитские массы.

5 января 2020 г. иракский парламент проголосовал за то, чтобы обязать правительство (находящееся в отставке со 2 декабря 2019 г. во главе в исполняющим обязанности премьер-министра А. Абдельмахди) подготовить вывод иностранных войск из Ирака, а просьбу к международной коалиции воевать против ИГИЛ отменить в связи с окончанием боевых действий и победой над ним. Несмотря на символизм, этот шаг был лишен реального юридического содержания. Ни Стратегическое рамочное соглашение об отношениях дружбы и сотрудничества между США и Ираком (2008), ни Соглашение между США и Республикой Ирак о выводе американских сил из Ирака и организации их деятельности во время их временного присутствия в Ираке (2008), ни какие-либо другие документы, необходимые для пересмотра, не упоминались. Само решение не имело статуса закона и фактически было декларацией, обязательность которой к исполнению не подтверждена законодательно [Iraq parliament… 2020]. Отставка премьер-министра лишила правительство возможности заключать или аннулировать какие-либо международные соглашения, оставив лишь функцию координации текущих вопросов управления государством. Такое положение правительства фактически нейтрализовало весь негативный для США эффект от ликвидации двух командиров антиамериканского проиранского фронта.

Основным стратегическим выигрышем для Вашингтона стала серьезная дезорганизация сил народного ополчения Ирака: они лишились своего ведущего стратега, игравшего основную роль в координации его силовых акций с Ираном. Как самостоятельное вооруженное формирование ополчение не отличалось стройной системой единого командования. Большую роль в функционировании этой во многом аморфной структуры играли личные отношения между различными лидерами. Фигура аль-Мухандиса, с его безусловным авторитетом, помимо всего прочего, была эффективным организующим началом.

Возникновение «Сил народной мобилизации»

Через три дня после падения Мосула 13 июня 2014 г. представитель великого аятоллы Али ас-Систани – Абдульмахди аль-Кербелаи от имени верховного лидера шиитов Ирака призвал единоверцев «встать на защиту Ирака, его народа и святынь, и добровольно присоединиться силам безопасности» [Fatwa al-jihad al-kafaiy 2016]. Впоследствии данный призыв был назван «фетвой о джихаде по способностям» (фатва аль-джихад аль-кафаий) и стал первым публичным документом, обозначившим существование ополчения.

Однако работа по формированию «аль-хашд аш-шаабий» началась за несколько месяцев до этого. В Интернете есть видеокадры встречи бывшего премьер-министра аль-Малики с командирами шиитского ополчения. Хади аль-Амири, лидер проиранской «Организации Бадр» – старейшего из всех формирований, влившихся в шиитское ополчение, прямо утверждает: оно создалось именно по решению аль-Малики и произошло еще «до 9 июня» (2014 г. – дня взятия Мосула игиловцами. – *К.Г.*] [As-Seyid Hadi al-Amiri 2016]. Более того, аль-Амири утверждал, что непосредственное отношение к созданию шиитского ополчения имел К. Сулеймани. Его усилия уже в середине апреля 2014 г. привели к формированию «Рот народной защиты» («Сарая ад-дифаа аш-шаабий») [*Kazimi* 2016].

Согласно опубликованному в Интернете протоколу состоявшейся 7 апреля 2014 г. встречи аль-Малики с лидерами Национального альянса (Ат-Тахалюф аль-ватаний),

объединяющего шиитские исламистские организации[4], идея создания хашда существовала уже тогда и обосновывалась низким уровнем подготовки и оснащенности иракской национальной армии [*Kazimi* 2016]. Документ свидетельствует, что глава правительства заявил тогда о невозможности положиться на иракские вооруженные силы, «представляющие собой комбинацию суннитов, шиитов и курдов», плохо вооруженную по сравнению с ИГИЛ и не имеющую адекватного опыта боевых действий.

Аль-Малики сообщил тогда о своих контактах с «иранцами и ливанцами»[5]: «Я говорил с иранцами и ливанцами по этому вопросу (противостояния ИГИЛ в соседней Сирии. – *К.Г.*). Они опытнее нас, так как являются стратегами, работающими "в поле" в Сирии открыто. Если бы не их позиция и не наша позиция, то Сирии сейчас бы не было» [*Kazimi* 2016]. На той же встрече иракский премьер объявил, что требовал от США «остановить формирование суннитской арабо-турецкой оси», предупреждая, что «иначе ей придется столкнуться с иранско-шиитской осью». Однако американцы, по словам аль-Малики, ничего не смогли сделать. Возникновение ИГИЛ аль-Малики связал с подавлением правительственными силами Ирака суннитских протестов в провинции Анбар[6]. «Сунниты в Анбаре захотели расширить свое движение под предлогом протестов и некоторые стали взаимодействовать с ними, однако мы не позволили дойти до Багдада и рассеяли их в Анбаре, – цитирует протокол слова аль-Малики. – Получилось то, что получилось, и теперь мы противостоим ИГИЛ со всеми ее возможностями и высокоразвитым вооружением» [*Kazimi* 2016].

Согласно протоколу, аль-Малики констатировал, что уже тогда фактически было начато формирование шиитского ополчения: «В эти дни мы обратились к воинам из числа сыновей Ирака и на данный момент уже сформировали 20 группировок в окрестностях Багдада. Мы продолжаем работу в Хилле, Баляде и Дуджейле по формированию такого рода группировок, потому что они лучше, чем армия, владеют методами партизанской войны. Будем формировать группировку и в Кербеле» [*Kazimi* 2016]. Очевидно, аль-Малики говорил о создаваемых тогда «Ротах народной защиты» («Сарая ад-дифаа аш-шаабий»), которые стали, таким образом, непосредственными предшественниками известного ныне ополчения (хашда).

Что касается «воинов из числа сыновей Ирака», ставших, по словам аль-Малики, ядром формируемого ополчения, то свой боевой опыт в реалиях современного Ирака они могли получить в составе шиитских отрядов, противостоявших американским оккупантам в первом десятилетии XXI в. Старшее поколение в составе Корпуса Аль-Бадр участвовало в операциях против правительства Саддама Хусейна еще во времена войны с Ираном.

Абу Махди аль-Мухандис предпочитал публично не акцентировать роль аль-Малики в создании ополчения. Более того, даже пытался публично дезавуировать слова аль-Малики о том, что силы аль-хашд возникли благодаря его решению [Abu Mahdi al-Muhandis yarudd alal-Maliki 2017]. Фактически же фетва ас-Систани, последовавшая за падением Мосула, легитимизировала с религиозной точки зрения работу по формированию шиитского ополчения, уже начатую премьер-министром аль-Малики. Мосульское пора-

[4] Конкретно это блок «Государство закона» («Даулят аль-Канун») Нури аль-Малики, «Аль-Хикма» Аммара аль-Хакима, Высший исламский совет Химама Хаммуди, Партия реформы (Хизб аль-Ислах) Ибрагима аль-Джаафари, движение Муктады ас-Садра (Ат-Тайяр ас-садрий), Организация Бадр Хади аль-Амири, Исламская партия добродетели (Хизб аль-фадыля аль исламий) Аммара Туамы.

[5] Нетрудно понять, что здесь аль-Малики имеет в виду ливанскую «Хезболлу» и Корпус стражей исламской революции, представляющий собой элиту ВС Ирана.

[6] Начавшись в декабре 2012 года в Эль-Фаллудже (провинция Анбар), они перекинулись на другие суннитские районы. В некоторых случаях имело место очевидно избыточное применение силы против демонстрантов – так, 23 апреля 2013 г. военнослужащие иракских вооруженных сил осуществили рейд против протестующих суннитов в города Хавиджа к западу от Киркука, в ходе которого были убиты десятки людей (см. [Al-Hukuma al-iraqiya… 2013]).

жение свидетельствовало о глубочайшем кризисе иракской армии. В сформировавшемся в иракском государстве «силовом вакууме» мобилизация масс под знаменами ополчения обладала, в отличие от армейских структур, еще и высокой моральной мотивацией. Для существования иракского государства, по крайней мере в его современном виде, это имело критическое значение.

В официальном дискурсе, вошедшем в обиход арабских СМИ, для обозначения действий шиитского ополчения активно использовали термин «фасаиль» (подразделения). Можно было избежать упоминаний конкретных воинских формирований и их командиров. В отсутствие стройной системы центрального командования они фактически действовали на свой страх и риск, а координация их взаимодействия во многом носила спонтанный характер. С другой стороны, такая ситуация способствовала безнаказанности виновников преступлений против мирных жителей, факты которых фиксировали международные правозащитники после установления контроля хашда над территориям, ранее занятыми боевиками «Исламского государства» [Iraq: Turning a Blind Eye 2017]. Иракское государство неизменно занимало сторону ополченцев. Отрицая факты насилия с их стороны в отношении жителей оккупированных территорий, они предъявляли претензии правозащитникам, в частности организации «Хьюман райтс уотч», что их обвинения «основаны на ошибочной или неполной информации» [Mufawwadhiyat huquq al-insan tarudd… 2018].

Угроза раскола

История возникновения аль-хашд аш-шаабий допускает разные трактовки: во-первых, по решению премьер-министра аль-Малики, поддержанного «иранским братом» в лице Касема Сулеймани; во-вторых, в силу фетвы главного религиозного авторитета шиитов Ирака великого аятоллы Али ас-Систани. Здесь кроется принципиальное идеологическое противоречие в шиитской среде. С победой исламской революции в Иране в качестве господствующей установилась идеология «вилаят аль-факих». Термин существует в шиитской среде уже столетия и означает необходимость руководствоваться авторитетом исламских богословов в период «великого сокрытия» с 941 г. последнего из 12 имамов – Мухаммада ибн аль-Хасана аль-Махди. По верованиям шиитов-двунадесятников[7] он жив и явится в конце времен. Арабское слово «факих» и можно перевести как «богослов», с учетом специфики этого понятия в исламе. Богослов – это человек, способный трактовать текст Корана и других авторитетных религиозных текстов не только для разъяснения вопросов метафизического характера, но и связанных с правом – как государственным, так и частным. Понятое собирательно, слово «факих» придает словосочетанию «вилаят аль-факих» значение необходимости руководствоваться мнением богословов вообще. Понятое же в смысле единичности, оно стало основой для теократической идеологии Исламской Республики Иран, где высшая власть принадлежит конкретному факиху – верховному руководителю (рахбару).

За немногими исключениями большинство религиозных авторитетов иракских шиитских центров Эн-Наджафа и Кербелы понимали «вилаят аль-факих» во втором смысле, считая, что этот принцип осуществляется в реальности и выражается в признании верующими авторитета шейхов ислама. Нынешний верховный лидер шиитов Ирака – великий аятолла ас-Систани также придерживается этой точки зрения. Менее многочисленное, но более активное течение считало, что «вилаят аль-факих» – идеал теократии, которую необходимо построить на земле (поборником этой идеологии в Ираке был Мухаммад Бакир ас-Садр, в 1980 г. поплатившийся за ее поддержку жизнью). Реализацией данного идеала и объявил свое политическое детище – исламскую революцию и возникшую в ее резуль-

[7] Преобладающее направление в шиитском исламе, к которому принадлежат все шииты Ирака.

тате Исламскую Республику Иран – аятолла Хомейни. Среди сторонников политической идеологии «вилаят аль-факих» и руководители ливанской «Хезболлы» и взращенных Ираном организаций иракских шиитов-исламистов (аль-Мухандис, аль-Амири и др.).

Аль-Амири возводил историю хашда к решению премьер-министра аль-Малики, поддержанному Тегераном и воплощенному на практике при активном участии иранского генерала Касема Сулеймани. Аль-Амири обозначил проиранское крыло шиитского народного ополчения. Фетва ас-Систани 2014 г. в этом смысле – попытка скептически настроенного к иранскому влиянию духовенства Эн-Наджафа и Кербелы обозначить свое участие во внутренней политике государства в борьбе с ИГИЛ. Аль-Мухандис (чья биография свидетельствует о проиранском характере его убеждений) упомянутым выше заявлением о первенстве ас-Систани в формировании сил народного ополчения как бы попытался смягчить нарождающиеся противоречия между двумя течениями в хашде.

Говоря о «националистах» и проиранских «лоялистах» в рядах шиитского народного ополчения, важно понимать: речь в данном случае идет об общих тенденциях тяготения к определенному полюсу. Стремление отстаивать интересы Ирака, пусть даже через призму конфессиональной идентификации и личных амбиций, свойственно всем лидерам ополчения. Иран не может не считаться с авторитетом шиитской хаузы (пользующейся политическим влиянием религиозно-академической корпорации шиитских лидеров Ирака во главе с аятоллой ас-Систани). Последняя не может абстрагироваться от религиозно-политической жизни тегеранской теократии. Одновременно симпатии к аятолле Али Хаменеи и к аятолле Али ас-Систани вполне уживаются в сознании лидеров шиитского ополчения, не говоря о простых бойцах. С этой точки зрения, фетва ас-Систани 2014 г. имела значение для всего шиитского сообщества Ирака, в том числе и для тех, кто привык руководствоваться идеологемами, свойственными правящей религиозно-политической корпорации в Тегеране.

Невозможно найти публичные заявления представителей проиранского крыла, в котором бы они заявили, что защищают интересы Тегерана в Ираке. Напротив, «лоялисты» видят в своей позиции как раз выражение патриотизма. В этой связи характерны рассуждения заместителя главы иракской Организации народного ополчения Джамаля Джаафара Мухаммада Али Аль Ибрагима (известного как Абу Махди аль-Мухандис): «Я прожил в Иране 20 лет, как я могу не иметь отношений? Я был военным и политическим представителем иракской оппозиции, хотел установить связи со всеми сторонами, но думать, что Иран работает в Ираке через меня, глупо» [*Rudolf* 2020]. Видимо, иное мнение было у Национальной службы разведки Ирака, пристально наблюдавшей за аль-Мухандисом еще во времена антиигиловской кампании. Не мог не заметить слежки и сам лидер ополчения, открыто высказавший недовольство главе этой спецслужбы – Мустафе аль-Казыми. Кстати через несколько месяцев после его гибели он занял пост премьер-министра [*Al-Salhy* 2020].

В одном из последних видео аль-Мухандис, как бы предчувствуя скорую смерть, подводит итоги своей жизни и обозначает цели для единомышленников [Ajil.. Wasiyat ash-shahid Abu Mahdi… 2020]. Он говорит о стремлении «служить людям, кем бы они ни были, суннитами, шиитами, христианами или йезидами». Его целью и целью тех, «кто пролил свою кровь», были «улучшение жизни, борьба против терроризма, достижение мира и безопасности Ирака», «борьба с тиранией и стабильность в Ираке и регионе». Завершая краткое выступление, аль-Мухандис сказал, что просит у Аллаха своим единомышленникам «стойкости, продолжения борьбы и духа джихада, послушания наместнику нации сейиду Хаменеи» (главе иранской теократии, верховному руководителю Ирана аятолле Али Хаменеи. – *К.Г.*), «заботы о шиитах региона и мира, поддержки угнетаемых, к какой бы религии они не принадлежали». Ролик, по сути, представляет собой краткий манифест сторонников идеологии «вилаят аль-факих». Здесь зафиксирован взгляд на са-

мих себя как на представителей интересов всех этнических и конфессиональных групп не только Ирака, но и всего региона, борцов с любыми формами тирании, верных делу иранской теократии, в которой им видится оплот справедливости во всем мире.

Для обозначения противников иранского влияния в среде ополченцев в Ираке получил распространение термин «хашд аль-атабат» («ополчение святынь». Имеются в виду шиитские святыни Кербелы и Эн-Наджафа; в этой статье будем для краткости называть сторонников независимости от Ирана «патриотами»). Термин «хашд аль-атабат» прозвучал в названии первой конференции представителей этого направления, состоявшейся в Кербеле и Эн-Наджафе 1 и 3 декабря 2020 г.: «Хашд аль-атабат: хадынат аль-фатва ва бина ад-дауля» («Ополчение святынь: оплот фетвы и строительства государства»). Ас-Систани не стал публично выражать поддержку этой конференции. Однако сам факт ее проведения в священных городах шиитов косвенно свидетельствует о согласовании с шиитской хаузой Ирака. Противоположное направление получило распространенное обозначение «аль-хашд аль-валяий» («лоялистское ополчение» – имеется в виду верность теократической идеологии ИРИ, о которой не часто говорят открыто, но которая неизменно проявляется в проиранских позициях) [Bawadir al-inqisam 2020].

Ополченцы-«патриоты» были представлены на конференции четырьмя группировками – «Боевая дивизия имама Али» («Фиркат аль-имам Али аль-кыталийя»), «Боевая дивизия Аббаса» («Фиркат аль-Аббас аль-кыталийя»), «Бригада Али Акбара» («Лива Али аль-Акбар») и «Бригада сторонников духовенства» («Лива ансар аль-маржъийя»)[8]. Расхождения ополченцев-патриотов с проиранским направлением можно свести к трем основным пунктам [Bawadir al-inqisam 2020]:

Несправедливое распределение вооружений и финансов. Претензия звучала в адрес лично аль-Мухандиса как заместителя главы Организации народного ополчения, который, по мнению «патриотов», ущемлял их интересы.

Отношение к иранскому влиянию. «Националисты» стремятся проводить политику, независимую от Тегерана, в то время как проиранские лидеры ориентированы на его политику.

Отношение к участию в политической деятельности. «Патриоты» вслед за ас-Систани признают возможность для ополченцев участвовать в политической деятельности лишь в качестве избирателей, но не самостоятельных политических сил. Вместе с тем целые ряды проиранских командиров ополчения стали видными политиками, прежде всего – Хади аль-Амири, возглавивший парламентский блок «Аль-Фатх».

Абу Махди аль-Мухандис, будучи ярким представителем проиранского крыла как заместитель главы Организации народного ополчения Ирака прилагал усилия, чтобы устранить разногласия с командирами формирований, ассоциируемых с кругом великого аятоллы ас-Систани. Впрочем, каких-либо успехов в этом направлении он достичь не успел [*Al-Salhy* 2020].

Юридический статус «Сил народной мобилизации»

С юридической точки зрения, верховный лидер шиитов Ирана не принадлежит к субъектам государственной власти. Однако его религиозный статус на первых порах оказался достаточным для легализации усилий по созданию новой массовой военизированной структуры в масштабе государства[9]. Фетва фактически катализировала гибридизацию

[8] С общей численностью личного состава около 20 тысяч человек (см. [Bawadir al-inqisam 2020]).

[9] Фетва ас-Систани не содержит эксплицитного обращения именно к шиитам Ирака, что дает повод считать ее адресованной всему народу страны. Об этом говорит, в частности, Р. Мамедов, отмечающий наличие суннитских и христианских отрядов в «Силах народной мобилизации», указывая при этом на значительно меньшую численность нешиитских формирований [*Мамедов* 2017].

силовых структур Ирака и распространение государственной монополии на применение силы на действующее под эгидой государства ополчение, дав ему солидное каноническое основание.

В составе ополчения имеются суннитские и даже христианские формирования, однако подавляющее большинство его отрядов – чисто шиитские. Претензии, прозвучавшие в вышеупомянутых высказываниях аль-Мухандиса вполне согласуются с интересами всех этнорелигиозных групп Ирака.

Почти два года ополчение действовало, не имея определенного легального статуса. Статус юридического лица было получено лишь с выходом правительственного указа №91 от 24 февраля 2016 г. Ополчение стало частью вооруженных сил Ирака с подчинением верховному главнокомандующему, по конституции премьер-министру. 26 ноября 2016 г. иракский парламент принял Закон об Организации народного ополчения (Закон №40 от 2016 года), согласно которому ополчение – самостоятельное военное формирование, входящее в состав иракских вооруженных сил [Qanun hayat… 2016].

В комментарии к этому закону отмечено, что данный акт «придал высшую степень юридической защиты задачам народного ополчения, выполненным с 11/6/2014» [*Al-Greity* 2016]. В частности, предусмотрена возможность привлечения к уголовной ответственности физических и юридических лиц, в том числе – СМИ, «за использование определения “милиции” при описании подразделений ополчения, нападки и обвинения в их адрес теми или иными средствами» [*Al-Greity* 2016].

Очевидно, руководство хашда осознавало собственную уязвимость с юридической точки зрения в отсутствие каких-либо официальных законодательных актов, легитимирующих проводимые ими от имени иракского государства боевые операции. Принятие закона дало им надежную правовую основу и даже возможность подавать в суд за публикации, порочащие их репутацию. Комментатор сайта отмечает, что закон «гарантировал независимость Организации народного ополчения от министерств обороны и внутренних дел, поставив ее в непосредственное подчинение главнокомандующему ВС Ирака». Важно, по мнению автора статьи, – распространение на бойцов хашда дисциплинарных норм, регулирующих деятельность военнослужащих ВС Ирака, предоставление им тех же прав и льгот в сфере социального обеспечения.

В то же время закон обязал бойцов ополчения «воздержаться от членства в любых политических, партийных и иных структурах». По мнению комментатора хашда, это «является здравым юридическим требованием, гарантирующим эффективность Организации народного ополчения и защищающим ее институциональный характер». Реальное выполнение требования весьма проблематично: командиры ополчения, ставшие политиками, как, например, аль-Амири и Кайс аль-Хазаали, сохраняют непосредственное влияние на созданные ими или когда-то возглавляемые формирования ополчения.

Важным моментом в институциональном оформлении народного ополчения стал указ премьер-министра Хайдара аль-Аббади от 8 марта 2018 г. (изданный в преддверии состоявшихся в июне того года парламентских выборов). Данный акт установил точное соответствие званий ополченцев воинским званиям ВС Ирака, уравнял ополченцев различного уровня с соответствующими категориями офицерского и рядового состава ВС с точки зрения денежного довольствия и мер социальной поддержки. Ополченцам было предоставлено право на равных основаниях с другими категориями слушателей и курсантов в статусе военнослужащих обучаться в военных учебных заведениях и т.п. [Насс аль-амр ад-диваний лиль-Аббади 2018].

Шиитское ополчение, в котором, несмотря на пестроту его состава, фактически доминируют созданные Ираном структуры, такие как «Катаиб Хезболла» («Батальоны Хезболлы», госдепартамент США в 2009 г. признал террористической организацией [Treasury Designates Individual… 2009]). «Муназзамат Бадр» («Организация Бадра»)

и связанные с ними многочисленные ответвления получили доступ к государственному финансированию, а его бойцы – статус военнослужащих со всеми положенными правами на материальное обеспечение, получение пособий, пенсий и т.п.

В условиях крайней зависимости экономики Ирака от нефтедобычи получение легального статуса и доступа к бюджетному финансированию имело для ополчения особое значение. Формальная подчиненность верховному главнокомандующему не могла прекратить деятельность формирований шиитского ополчения не только в качестве силовой группы с высокой степенью самостоятельности (отряд ополчения может действовать как организованная преступная группировка). Фактически они представляют собой и автономные субъекты экономической деятельности с теневыми составляющими, свойственными экономикам в зонах военных конфликтов [*Eaton, Cheng, Mansour, Salisbury, Yazigi, Khatib* 2019].

Руководство ополчения осознавало необходимость строгой внутренней дисциплины в рамках системы единого командования. В частности, наказанию подвергся лидер группировки «Силы Абу-ль-Фадля аль-Аббаса» под командованием Ауса аль-Хафаджи, отколовшегося от движения Муктады ас-Садра из-за разногласий с последним. Аль-Хафаджи, хотя и принимал участие в боевых действиях в Сирии на стороне правящего там режима, известен своей критикой не только в отношении Башара Асада, но и политики Тегерана в Ираке. 7 февраля 2019 г. его арестовали сотрудники «Управления безопасности народного ополчения» – ранее неизвестной структуры в рамках Организации народного ополчения. Само ее появление говорит о своеобразном институциональном развитии в сторону формирования «государства в государстве», с собственными спецслужбами.

Иракский публицист Хамид ас-Саррадж подверг тогда резкой критике демарш новой спецслужбы, явно направленный против противников «проиранских лоялистов». Он отметил, что она могла бы сражаться против «банд убийц и похитителей, действующих в кварталах Багдада и в провинциях», «а не против оси, лояльной заместителю главы Организации народного ополчения Абу Махди аль-Мухандиса, имеющего тесные связи с командованием иранского Корпуса стражей исламской революции» [Baad I'tiqal al-Haffaji 2019].

29 июля 2019 г. премьер-министр Адиль Абдульмахди издал указ № 237, который многие восприняли как окончательное решение проблемы «государства в государстве», созданного ополченцами. Указ гласил, что до 31 июля 2019 г. собственные имена подразделений народного ополчения должны быть заменены общей армейской номенклатурой (дивизия, бригада, полк и т.д. с соответствующей нумерацией). Каждому из них назначалось определенное место дислокации по аналогии с другими подразделениями ВС. Какая-либо политическая идентификация не предполагалась, представительства закрывались, коммерческая и иная деятельность вне рамок регулярной воинской службы была запрещена. Подразделения, которые не пожелают интегрироваться в состав ВС согласно указу, должны были быть разоружены и преобразованы в политические организации в соответствии с Законом о партиях и другими законодательными актами [Amr divaniy 237, 2019].

За этим последовал указ премьер-министра Абдульмахди № 331 от 19 сентября 2019 г. В новой структуре командования народным ополчением было место для командующего – Фалеха аль-Файяда, но его не оказалось для наделенного особыми полномочиями заместителя [Al-Iraq. Amr diwani bi shaan al-hasd ash-shaabi 2019]. Полномочия аль-Мухандиса отныне были четко определены официально утвержденным штатным расписанием.

Спустя три с половиной месяца ликвидация аль-Мухандиса американцами, хоть и была открытым нарушением иракского государственного суверенитета, однако отвечала интересам федеральной власти с точки зрения наведения порядка в силовых структурах. Амбициозный Аль-Мухандис, с его огромным авторитетом в силовых кругах, не мог вписаться в формируемую для ополчения бюрократическую структуру. В конце февраля

2020 г. проиранские лидеры ополчения договорились, что опустевшее место аль-Мухандиса в статусе главы начальника штаба хашда займет Абдульазиз аль-Мухаммадауи, известный под псевдонимом Абу Фадак, – давний участник силовых операций шиитских вооруженных группировок. Однако против его кандидатуры выступили командиры формирований, близких к высшему шиитскому духовенству Ирака («патриоты»). По мнению последних, «для назначения заместителя Организации народного ополчения должны быть соответствующие условия, которых на данный момент нет» [Rajul az-zill yakhruj ilan-nur 2021].

Таких условий, действительно, не было. Премьер-министр Абдульмахди ушел в отставку 29 ноября 2019 г. в результате массовых антиправительственных выступлений. К тому времени, как надо было определяться с кандидатурой преемника аль-Мухандис, он был в статусе исполняющего обязанности премьер-министра и не обладал полномочиями утверждать назначения такого рода. Новый премьер-министр – Мустафа аль-Казыми был утвержден парламентом лишь 6 мая 2020 г. С тех пор сообщения об официальном утверждении верховным главнокомандующим Абдельазиза аль-Мухаммадауи на высокий пост в структуре ВС Ирака не появлялись. Вопрос так и остался в подвешенном состоянии: для аль-Казыми, известного тесным сотрудничеством с США[10], вряд ли возможно поставить свою подпись под указом о назначении выбранного проиранскими лидерами хашда аль-Мухаммадауи. К тому же Вашингтон в лице главы американского госдепартамента М. Помпео 3 сентября 2020 г. признал аль-Мухаммадауи международным террористом, представляющим угрозу США [Designation of Abd al-Aziz… 2021]. Опубликовано этот решение было лишь 19 января 2021 г., через три недели после объявления министерством финансов США санкций против командующего Организацией народного ополчения Фалиха аль-Файяда. В ответ на санкции МИД Ирака выразило недоумение, назвав их введение «неприятным сюрпризом» [Press Statement 2021]. Санкции против аль-Мухаммадауи так и остались без реакции Багдада, что косвенно подтверждает его отсутствие в списках иракской высшей государственной номенклатуры.

Фалих аль-Файяд, будучи командующим силами ополчения, не пользовался популярностью его харизматичного заместителя аль-Мухандиса. Аль-Файяд имел репутацию политика, аль-Мухандиса воспринимали как бойца. Шок от гибели аль-Мухандиса для шиитских масс и их симпатизирующих Ирану «комиссаров» был велик. Лишившись своего символа, они стали искать ему замену, обратив взоры на другуюо харизматическую личность – Муктада ас-Садра. Когда-то этот религиозно-политический деятель вдохновлял знаменитую «Армию Махди», изрядно потрепавшую американцев в Эн-Наджафе в 2004 г. В дальнейшем его ассоциировали с ополченскими формированиями «Сарая ас-Салям» («Роты мира»), преобразованными в соответствии с указом премьер-министра № 237 в бригады 313 и 314 ВС Ирака.

Хотя ас-Садр и ответил на чаяния оскорбленных масс организацией «миллионного марша» против военного присутствия США в Ираке 24 января 2020 г., его позиции в отношении ополчения далеко не однозначны. В 2017 г., при премьер-министре Хайдари аль-Аббади, он заявлял, что необходимо соблюдать монополию государства на действия

[10] Аль-Казыми с июня 2016 г. по апрель 2020 г. возглавлял Национальную службу разведки Ирака. Удар американского беспилотника по кортежу Сулеймани и аль-Мухандиса был осуществлен во время его руководства. Из его ранней биографии известна работа в качестве теледокументалиста на BBC и Channel 4, а также корреспондента ведущих арабских газет и журналов. С 1999 по 2003 г. аль-Казыми был программным директором иракской службы радиостанции «Свободная Европа», в 2003 г. присоединился к Фонду Память Ирака (Iraq Memory Foundation) – международному пиар-проекту Вашингтона для оправдания вторжения в Ирак фактами массовых нарушений прав человека режимом Саддама Хусейна после того как выяснилось, что американские утверждения о разработке им оружия массового поражения не соответствовали действительности (см. [Mustafa Al-Kadhimiy]).

В материалах Викиликс аль-Казыми упоминается в 2009 г. в качестве строго конфиденциального информатора посольства США в Багдаде (см. [Public Condemnation…]).

с оружием, призывая разоружить формирования хашда и распределить их бойцов по подразделениям ВС Ирака [Muqtada as-sadr yutalib… 2017]. Глава правительства возражал ас-Садру, который, предположительно, вбросил в общество эту идею в качестве пробного шара для дальнейшего внедрения. На практике идею ассимиляции ополченцев ВС Ирака реализовал преемник аль-Аббади – Адиль Абдульмахди.

Курс на восстановление монополии государства на действия с оружием продолжил и премьер-министр Мустафа аль-Казыми при партнерстве с ас-Садром как основным партнером главы государства. Это произошло после телеинтервью Кайса аль-Хазаали — лидера шиитского формирования «Асаиб ахль аль-хакк». Он заявил, что некоторые стороны «на самом деле говорят не о реально неподконтрольной силе, а о конкретных формированиях». Другой деятель ополчения, депутат парламента от шиитского блока «Аль-Фатх» Карим Альяуи напомнил, что оружие ополченцев «было причиной сокрушения ИГИЛ и освобождения провинций, захваченных террористическими бандами». Двойной ответный удар по противникам расформирования ополчения последовал в Твиттере: глава правительства объявил об идущих «операциях по восстановлению престижа государства и верховенства закона». Вслед ас-Садр призвал отряды ополчения избавиться от «вредных элементов», чтобы внести вклад в «восстановление престижа государства» и предпринять усилия «для интеграции положительных элементов в силы безопасности» [*Ash-Shammari* 2020].

Влияние народного ополчения на развитие политической ситуации в Ираке можно проиллюстрировать следующими основными фактами и тенденциями:

– хашд за время своего существования с 2014 г. превратился во влиятельную военно-политическую организацию, сыгравшую важную роль в борьбе против экстремистов «Исламского государства» на фоне изначально низкой моральной мотивации ВС Ирака;

– тесная связь лидеров хашда с иранскими силовыми структурами сделала его проводником влияния Тегерана в Ираке. Со стороны иракского правительства, взявшего курс на интеграцию ополчения в федеральные силовые структуры, это вызвало противодействие. Устранение Вашингтоном Абу Махди аль-Мухандиса вместе с иранским генералом Сулеймани на территории формально суверенного государства породило мощную волну антиамериканских настроений в иракском обществе;

– антиамериканские настроения не имели никаких реальных юридических и организационных последствий для возглавляемого США международного контингента в Ираке, что продемонстрировало ограниченный суверенитет иракского государства в важнейших вопросах государственного функционирования, связанных с безопасностью;

– само появление хашда обозначило важную роль высшего шиитского духовенства в определении военно-политического курса Ирака. Его основной задачей стала ликвидация квазигосударственного образования, созданного на обширных территориях к западу и северу от Багдада суннитскими экстремистами. Существованию Ирака как единого и независимого государства это представляло серьезную угрозу. В начальный период своего существования хашд еще не имел четкого юридического оформления, однако обладал серьезным каноническим обоснованием с точки зрения исламского религиозного права, обеспеченным фетвой ас-Систани;

– лидеры шиитского ополчения с опытом руководства шиитскими вооруженными формированиями становились частью иракского политического истеблишмента, с влиянием которого Вашингтону так или иначе приходилось считаться. Параллельно с этим бойцы ополчения приобретали официальный статус военнослужащих со всеми правами и обязанностями;

– еще не будучи частью ВС Ирака, шиитское ополчение фактически несло основную тяжесть задачи по восстановлению государственного суверенитета на захваченных экстремистами территориях, что заставило федеральный центр закрывать глаза на сообщения о военных преступлениях ополченцев;

– серьезной проблемой для иракского государства была лояльность наиболее влиятельных лидеров хашда доктрине «валаят аль-факих», что сделало высшее шиитское духовенство Ирака, скептически относящееся к этой идеологии, естественным союзником федеральной власти. Однако ни Багдад, ни шиитский истеблишмент Ирака к активному противостоянию иранскому влиянию не способны;

– хашд сыграл критически важную роль в восстановлении суверенитета государства над захваченными экстремистами территориями. Превратившийся в «государство в государстве» с собственными спецслужбами он стал угрозой государственному суверенитету. Нынешний курс Багдада на ассимиляцию ополчения в ряды ВС особенно актуален.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров С.А., Савичева Е.М. (2020) Ирак сегодня: на пути к стабильности или новым политическим кризисам? // Азия и Африка сегодня. №10. С. 22–28.

Мамедов Р.Ш. (2017) Негосударственные вооруженные формирования в сирийско-иракской конфликтной зоне // Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. Мировое развитие. Вып. 18. Отв. ред.: Квашнин Ю.Д., Тоганова Н.В. М.: ИМЭМО РАН.

Мачитидзе Г.Г. (2020) Борьба Ирана с международным терроризмом // Вестник МГИМО-Университета. №13 (5). С. 252–265.

Abu Mahdi al-Muhamdis yarudd alal-Maliki: al-Marjiya hiya man assasat al-hashd (2017) [Абу Махди аль-Мухандис ответил аль-Малики: шиитское религиозное руководство создало ополчение] // Youtube. 03.12 (https://youtu.be/NzQ1BKLbZw8).

Ajil. Wasiyat ash-shahid Abu Mahdi al-Muhandis qabl maqtalihi bil-ghara al-amrikiya (2020) [Срочно: Завещание шахида Абу Махди аль-Мухандиса до его убийства во время американского налета] // Youtube. 03.01 (https://youtu.be/4jD_6gQNJPo).

Al-Greity, Haydar. Qiraa fi qanun al-hashd ash-shaabi (2016) [Трактовка Закона о народном ополчении]. Официальный сайт «Сил народной мобилизации». 26.11 (http://al-hashed.net/2016/11/26/% D9%82%D8%B1%D8% A7%D8%A1%D8%A9-%D9%81%D9%8A-%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D9%8A/).

Al-Hukuma al-iraqiya: shakkalna lajnatan lit-tahqiq fi ahdath al-Hawija (2013) [Иракское правительство: мы сформировали комиссию для расследования событий в Хавидже]. Аль-Хизб ад-димукратый аль-курдистаний (сайт Демократической партии Курдистана). 24.04 (https://www.kdp.info/a/d. aspx?l=14&a=48343).

Al-Iraq. Amr diwaniy bi shaan al-hashd ash-shaabi wa hathihi at-tafasil (2019) [Ирак: Указ премьер-министра о народном ополчении в подробностях]. *Al-arabiya.net*. 21.09 (https://www.alarabiya.net/arab-and-world/iraq/2019/09/21/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%A3%D9%85%D8%B1-%D8%AF%D9%8A%D9%88%D8%A7%D9%86%D9%8A-%D8%A8%D8%B4%D8%A3%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D9%8A-%D9%88%D9%87%D8%B0%D9%87-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D9%81%D8%A7%D8%B5%D9%8A%D9%84).

Al-Salhy Suadad (2020) REVEALED: The true story behind Kataeb Hezbollah and Kadhimi's conflict // Middle East Eye. 21.08 (https://www.middleeasteye.net/news/iraq-kadhimi-kataeb-hezbollah-conflict-true-story).

Amr divaniy 237 (2021) [Указ премьер-министра №237]. Официальный сайт премьер-министра Ирака (https://www.pmo.iq/press2019/1-7-201903.htm).

Ash-Shammari, Baraa (2020) Muqtada as-Sadr yad'u li damj «al-anasir al-jeyida» bil-hashd ash-shaabi bil-ajhiza al-amniya al-iraqiya [Муктада ас-Садр призвал интегрировать «положительные элементы» народного ополчения в иракские силовые структуры] // Alaraby.co.uk. 01.09 (https://www.alaraby.co.uk/%D8%A7%D9%84%D8%B5%D8%AF%D8%B1-%D9%8A%D8%AF%D8%B9%D9%88-%D9%84%D8%AF%D9%85%D8%AC-%22%D8%A7%D9%84%D8%B9%D9%86%D8%A7%D8%B5%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%8A%D8%AF%D8%A9%22-%D8%A8%D9%80%22%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D9

%8A%22-%D8%A8%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%AC%D9%87%D8%B2%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D9%85%D9%86%D9%8A%D8%A9).

As-Seyid Hadi al-Amiri: Al-Maliki huwa man assas al-hashd as-shaabi (2016) [Сейид Хади аль-Амири: Аль-Малики это тот, кто создал народное ополчение] // Youtube. 29.06 (https://youtu.be/6--9hwA_p9A).

As-Sistani: Qatl Suleimani intihak li siyadat al-Iraq yajib kabh jamahih (2020) [Ас-Систани: убийство Сулеймани – нарушение суверенитета Ирака, которое необходимо обуздать] // CNN Arabic. 03.01 (https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2020/01/03/sistani-iraq-iran-soleimani-usa).

Baad iatiqal al-Khafaji. Tahthirat min taazum nufuz amn al-hashd (2019) [После ареста аль-Хафаджи: Предупреждения о росте влияния управления безопасности ополчения]. Al-Arabiya.net. 11.02 (https://www.alarabiya.net/arab-and-world/iraq/2019/02/11/%D8%A8%D8%B9%D8%AF-%D8%A7%D8%B9%D8%AA%D9%82%D8%A7%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%81%D8%A7%D8%AC%D9%8A-%D8%AA%D8%AD%D8%B0%D9%8A%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D9%85%D9%86-%D8%AA%D8%B9%D8%A7%D8%B8%D9%85-%D9%86%D9%81%D9%88%D8%B0-%D8%A3%D9%85%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF).

Bawadir al-inqisam fil-"hashd as-shaabi" fil-Iraq (2020) [Признаки раскола в «народном ополчении» в Ираке] // Swissinfo.ch. 12.12 (https://www.swissinfo.ch/ara/%D8%A8%D9%88%D8%A7%D8%AF%D8%B1-%D8%A7%D9%86%D9%82%D8%B3%D8%A7%D9%85-%D9%81%D9%8A--%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D9%8A--%D9%81%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82/46220204).

Designation of Abd al-Aziz Malluh Mirjirash al-Muhammadawi as a Specially Designated Global Terrorist (2021) // Federal register. 19.01 (https://www.federalregister.gov/documents/2021/01/19/2021-01003/designation-of-abd-al-aziz-malluh-mirjirash-al-muhammadawi-as-a-specially-designated-global).

Eaton T., Cheng C., Mansour R., Salisbury P., Yazigi J., Khatib L. (2019) Conflict Economies in the Middle East and North Africa // Chatham House Report, June (https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2019-06-21-Conflict-Economies-MENA_0.pdf).

Fatwa al-jihad al-kafaiy (13/6/2014) (2016) [Фетва о джихаде по способностям (13/6/2014)] // Официальный сайт «Сил народной мобилизации». 26.12 (http://al-hashed.net/2016/12/26/%D9%81%D8%AA%D9%88%D9%89-%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%87%D8%A7%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D9%83%D9%81%D8%A7%D8%A6%D9%8A-13-6-2014/).

Iraq parliament passes resolution to expel US-led coalition troops from country (2020) // France 24. 05.01 (https://www.france24.com/en/20200105-iraq-parliament-passes-resolution-to-expel-us-led-coalition-troops-from-country).

Iraq: Fleeing civilians being punished for Daesh's crimes (2017) // Amnesty International UK. 16.02 (https://www.amnesty.org.uk/iraq-isis-is-daesh-crimes-revenge-attacks-fleeing-civilians).

Iraq: Turning a Blind Eye: the Arming of the PMU (2017) // Amnesty International. 03.01 (https://www.amnestyusa.org/reports/iraq-turning-a-blind-eye-the-arming-of-the-pmu/).

Kazimi Nibras (2016). The Origins of the PMUs. *Talisman-gate.com.* 01.07 (https://talisman-gate.com/2016/07/01/the-origins-of-the-pmus/).

Marasim janaiziya li Suleimani fi Karbala wan-Najaf qabl naql al-juthman ila Tahran as sabt (2020) [Похороны Сулеймани в Кербеле и Эн-Наджафе перед отправкой останков в Тегеран в субботу] // CNN Arabic. 03.01 (https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2020/01/03/iraq-iran-soleimani-funeral-tehran).

Mufawwadhiyat huquq al-insan tarudd alat-tihamat «Human Rights Watch» lil-hukuma al-iraqiya wal-hashd ash-shaabi (2018) [Комиссариат по правам человека ответил на обвинения «Хьюман райтс уотч» в адрес иракского правительства и народного ополчения] // Официальный сайт «Сил народной мобилизации». 05.02 (https://al-hashed.net/2018/02/05/%D9%85%D9%81%D9%88%D8%B6%D9%8A%D8%A9-%D8%AD%D9%82%D9%88%D9%82-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%86%D8%B3%D8%A7%D9%86-%D8%AA%D8%B1%D8%AF-%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%A7%D8%AA%D9%87%D8%A7%D9%85%D8%A7%D8%AA-%D9%87%D9%8A/).

Muqtada as-sadr yutalib bi hall al-hashd wal-Abbadi yarfudh (2017) [Муктада ас-Садр призывает распустить хашд, а аль-Аббади против] // Dailysabah.com. 05.08 (https://www.dailysabah.com/arabic/arab-world/2017/08/05/%D9%85%D9%82%D8%AA%D8%AF%D9%89-%D8%A7%D9%84%D8%B5%D8%AF%D8%B1-%D9%8A%D8%B7%D9%84%D8%A8-%D8%AD%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D9%8A-%D9%88%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%A8%D8%A7%D8%AF%D9%8A-%D9%8A%D8%B1%D9%81%D8%B6).

Mustafa Al-Kadhimiy // Официальный сайт Iraqi Memory Foundation. (http://www.iraqmemory.com/en/about).

Nass al-amr ad-diwaniy lil-Abbadi bi takyif awdhaa muqatili al-hashd ash-shaabi (2018) [Текст правительственного указа аль-Аббади об урегулировании статуса бойцов народного ополчения] // Alalamtv.net. 09.03 (https://www.alalamtv.net/news/3416296/%D9%86%D8%B5-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%85%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%8A%D9%88%D8%A7%D9%86%D9%8A-%D9%84%D9%84%D8%B9%D8%A8%D8%A7%D8%AF%D9%8A-%D8%A8%D8%AA%D9%83%D9%8A%D9%8A%D9%81-%D8%A7%D9%88%D8%B6%D8%A7%D8%B9-%D9%85%D9%82%D8%A7%D8%AA%D9%84%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D9%8A).

Press Statement. Republic of Iraq, Ministry of Foreign Affairs (2021) // Mofa.gov.iq. 09.01 (https://www.mofa.gov.iq/2021/01/?p=20255).

Public Condemnation of Corruption and Poverty on the Sidelines of Ashura Commemoration in Karbala // Wikileaks.org. (https://wikileaks.org/plusd/cables/ 09BAGHDAD3361_a.html).

Qanun hayat al-hashd ash-shaabi [Закон об Организации народного ополчения] // Официальный сайт министерства юстиции Ирака. (https://www.moj.gov.iq/view.2899/).

Rajul az-zill yakhruj ilan-nur.. Man huwa Abu Fadak, khalifat al-Muhandis bil-Iraq? (2021) [Человек тени выходит на свет: Абу Фадак, наместник аль-Мухандиса, кто он?] // Al-jazeera.net. 23.02 (https://www.aljazeera. net/news/politics/2020/2/23/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D9%8A-%D8%A3%D8%A8%D9%88-%D9%81%D8%AF%D9%83-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%87%D9%86%D8%AF%D8%B3).

Rempfer K. (2019) Iran killed more US troops in Iraq than previously known, Pentagon says // Military Times. 04.04 (https://www.militarytimes.com/news/your-military/2019/04/04/iran-killed-more-us-troops-in-iraq-than-previously-known-pentagon-says/).

Rudolf I. (2020) «The Future of the Popular Mobilization Forces after the Assassination of Abu Mahdi al-Muhandis». Iraq in Transition: Competing Actors and Complicated Politics // Foreign Policy Research Institute.

Treasury Designates Individual, Entity Posing Threat to Stability in Iraq (2009) // US Department of Treasury. 07.02 (https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/tg195.aspx).

REFERENCES

Abu Mahdi al-Muhamdis yarudd alal-Maliki: al-Marjiya hiya man assasat al-hashd (2017) [Abu Mahdi al-Muhandis in Response to al-Maliki: the Marj'iya Is the One Who Created the Mobilization Forces]. *Youtube,* 03.12 (https://youtu.be/NzQ1BKLbZw8).

Ajil. Wasiyat ash-shahid Abu Mahdi al-Muhandis qabl maqtalihi bil-ghara al-amrikiya (2020) [Ugent: The Last Will of the Martyr Abu Mahdi al-Muhandis before Being Killed in the American Raid]. *Youtube.* 03.01 (https://youtu.be/4jD_6gQNJPo).

Aleksandrov S.A., Savicheva E.M. (2020) Iraq segodnya: na puti k stabilnosti ili novym politicheskim krizisam? [Iraq Today: On the Way to Stability or New Political Crises?]. *Azia i Afrika Segognia*, no. 10, pp. 22–28.

Al-Greity H. Qiraa fi qanun al-hashd ash-shaabi (2016) [The Reading of the Popular Mobilization Forces Law]. *Official Site of the Popular Mobilization Forces,* 26.11 (http://al-hashed.net/2016/11/26/%D9% 82%D8%B1%D8%A7%D8% A1%D8%A9-%D9%81%D9%8A-%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D9%8A/).

Al-Hukuma al-iraqiya: shakkalna lajnatan lit-tahqiq fi ahdath al-Hawija (2013) [Government of Iraq: We Created a Fact finding Commission for Hawija Events]. *Site of the Kurdistan Democratic Party,* 24.04 (https://www.kdp.info/a/d. aspx?l=14&a=48343).

Al-Iraq. Amr diwaniy bi shaan al-hashd ash-shaabi wa hathihi at-tafasil (2019) [Iraq: Executive Order about the Popular Mobilization Forces in Detail]. *Al-arabiya.net,* 21.09 (https://www.alarabiya.net/arab-and-world/iraq/2019/09/21/% D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%A3%D9%85%D8%B1-%D8%AF%D9%8A%D9%88% D8%A7%D9%86%D9%8A-%D8%A8%D8%B4%D8%A3%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%

D9%8A-%D9%88%D9%87%D8%B0%D9%87-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D9%81%D8%A7%D8%B5%D9%8A%D9%84).

Al-Salhy Suadad (2020) REVEALED: The true story behind Kataeb Hezbollah and Kadhimi's conflict. *Middle East Eye,* 21.08 (https://www.middleeasteye.net/news/iraq-kadhimi-kataeb-hezbollah-conflict-true-story).

Amr divaniy 237 (2021) [Executive Order No. 237]. *Official site of the Prime-Minister of Iraq* (https://www.pmo.iq/press2019/1-7-201903.htm).

Ash-Shammari, Baraa (2020) Muqtada as-Sadr yad'u li damj "al-anasir al-jeyida" bil-hashd ash-shaabi bil-ajhiza al-amniya al-iraqiya [Muqtada as-Sadr Calls to Integrate "the positive elements in the Popular Mobilization Forces" into Iraqi Security Structures]. *Alaraby.co.uk,* 01.09 (https://www.alaraby.co.uk/ %D8%A7%D9%84%D8%B5%D8%AF%D8%B1-%D9%8A%D8%AF%D8%B9%D9%88-%D9%84%D8%AF%D9%85%D8%AC-%22%D8%A7%D9%84%D8%B9%D9%86%D8%A7%D8%B5%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%8A%D8%AF%D8%A9%22-%D8%A8%D9%80%22%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D9%8A%22-%D8%A8%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%AC%D9%87%D8%B2%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D9%85%D9%86%D9%8A%D8%A9).

As-Seyid Hadi al-Amiri: Al-Maliki huwa man assas al-hashd as-shaabi (2016) [Seyid Hsdi al-Amiri: Al-Maliki is the One Who Created the Popular Mobilization Forces]. *Youtube,* 29.06 (https://youtu.be/6--9hwA_p9A).

As-Sistani: Qatl Suleimani intihak li siyadat al-Iraq yajib kabh jamahih (2020) [As-Sistani: Assasination of Suleimani Represents Violation of Iraqi Sovereignty That Must Be Curbed]. *CNN Arabic,* 03.01 (https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2020/01/03/sistani-iraq-iran-soleimani-usa).

Baad iatiqal al-Khafaji.. Tahthirat min taazum nufuz amn al-hashd (2019) [After the Arrest of al-Khafaji: Warnings about the Growth of Influence of the Security Directorate of the Popular Mobilization Forces]. *Al-Arabiya.net,* 11.02 (https://www.alarabiya.net/arab-and-world/iraq/2019/02/11/%D8%A8% D8%B9%D8%AF-%D8%A7%D8%B9%D8%AA%D9%82%D8%A7%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%81%D8%A7%D8%AC%D9%8A-%D8%AA%D8%AD%D8%B0%D9%8A%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D9%85%D9%86-%D8%AA%D8%B9%D8%A7%D8%B8%D9%85-%D9%86%D9%81%D9%88%D8%B0-%D8%A3%D9%85%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF).

Bawadir al-inqisam fil-"hashd as-shaabi" fil-Iraq (2020) [Signs of Split in the "popular mobilization forces" of Iraq]. *Swissinfo.ch.* 12.12 (https://www.swissinfo.ch/ara/%D8%A8%D9%88%D8%A7%D8%AF%D8%B1-%D8%A7%D9%86%D9%82%D8%B3%D8%A7%D9%85-%D9%81%D9%8A--%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%-A8%D9%8A--%D9%81%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82/46220204).

Designation of Abd al-Aziz Malluh Mirjirash al-Muhammadawi as a Specially Designated Global Terrorist (2021) *Federal register,* 19.01 (https://www.federalregister.gov/documents/2021/01/19/2021-01003/designation-of-abd-al-aziz-malluh-mirjirash-al-muhammadawi-as-a-specially-designated-global).

Eaton T., Cheng C., Mansour R., Salisbury P., Yazigi J., Khatib L. (2019) Conflict Economies in the Middle East and North Africa. *Chatham House Report*, June (https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2019-06-21-Conflict-Economies-MENA_0.pdf).

Fatwa al-jihad al-kafaiy (13/6/2014) (2016) [Fatwa about the Jihad According to Capacities (13/6/2014)]. *Official Site of the Popular Mobilization Forces,* 26.12 (http://al-hashed.net/2016/12/26/%D9%81%D8%AA%D9%88%D9%89-%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%87%D8%A7%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D9%83%D9%81%D8%A7%D8%A6%D9%8A-13-6-2014/).

Iraq parliament passes resolution to expel US-led coalition troops from country (2020) *France 24,* 05.01 (https://www.france24.com/en/20200105-iraq-parliament-passes-resolution-to-expel-us-led-coalition-troops-from-country).

Iraq: Fleeing civilians being punished for Daesh's crimes (2017) *Amnesty International UK,* 16.02 (https://www.amnesty.org.uk/iraq-isis-is-daesh-crimes-revenge-attacks-fleeing-civilians).

Iraq: Turning a Blind Eye: the Arming of the PMU (2017). *Amnesty International,* 03.01 (https://www.amnestyusa.org/reports/iraq-turning-a-blind-eye-the-arming-of-the-pmu/).

Kazimi N. (2016). The Origins of the PMUs. *Talisman-gate.com.,* 01.07 (https://talisman-gate.com/2016/07/01/the-origins-of-the-pmus/).

Machtidze G.G. (2020) Borba Irana s mezhdunarodnym terrorizmom [Iran's Fight against Intenational Terrorism]. *Vestnik MGIMO-Univesiteta*, no. 13 (5), pp. 252–265.

Mamedov R.Sh. (2017) Negosudarstvennye vooruzhennye formirovania v siriisko-irakskoi konfliktnoi zone [Non-state armed formations in the Syrian-Iraqi conflict zone*]. Bolshoi Blizhnii Vostok v mirovoi ekonomike i politike. Mirovoe razvitie.* Issue 18. Eds. by Yu.D.Kvashnin, N.V.Toganova. Moscow: IMEMO RAS.

Marasim janaiziya li Suleimani fi Karbala wan-Najaf qabl naql al-juthman ila Tahran as sabt (2020) [Suleimany's Farewell Processions in Kerbela and Najaf before Sending Their Mortal Remains to Tehran on Saturday]. *CNN Arabic,* 03.01 (https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2020/01/03/iraq-iran-soleimani-funeral-tehran).

Mufawwadhiyat huquq al-insan tarudd alat-tihamat «Human Rights Watch» lil-hukuma al-iraqiya wal-hashd ash-shaabi (2018) [Human Rights Commissariat Responds to «Human Rights watch Accusations» against the Iraqi government and Popular Mobilization Forces]. *Official Site of the Popular Mobilization Forces,* 05.02 (https://al-hashed.net/2018/02/05/%d9%85%d9%81%d9%88%d8%b6%d9%8a%d8%a9-%d8%ad%d9%82%d9%88%d9%82-%d8%a7%d9%84%d8%a7%d9%86%d8%b3%d8%a7%d9%86-%d8%aa%d8%b1%d8%af-%d8%b9%d9%84%d9%89-%d8%a7%d8%aa%d9%87%d8-%a7%d9%85%d8%a7%d8%aa-%d9%87%d9%8a/).

Muqtada as-sadr yutalib bi hall al-hashd wal-Abbadi yarfudh (2017) [Muqtada as-Sadr Calls to Disband the Hashd, and al-Abbadi Is Against This]. *Dailysabah.com.,* 05.08 (https://www.dailysabah.com/arabic/arab-world/2017/08/05/ %D9%85%D9%82%D8%AA%D8%AF%D9%89-%D8%A7%D9%84%D8%B5%D8%AF%D8%B1-%D9%8A%D8%B7%D9%84%D8%A8-%D8%AD%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D-8%B4%D8%B9%D8%A8%D9%8A-%D9%88%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%A8%D8%A7%D8%AF%D9%8A-%D9%8A%D8%B1%D9%81%D8%B6).

Mustafa Al-Kadhimiy. *Iraqi Memory Foundation Official Site,* (http://www.iraqmemory.com/en/about).

Nass al-amr ad-diwaniy lil-Abbadi bi takyif awdhaa muqatili al-hashd ash-shaabi (2018) [The Text of the Executive Order of al-Abbadi about Settling the Status of Popular Mobilization Forces Fighters]. *Alalamtv.net*., 09.03 (https://www.alalamtv.net/news/3416296/%D9%86%D8%B5-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%85%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%8A%D9%88%D8%A7%D9%86%D9%8A-%D9%84%D9%84%D8%B9%D8%A8%D8%A7%D8%AF%D9%8A-%D8%A8%D8%AA%D9%83%D9%8A%D9%8A%D9%81-%D8%A7%D9%88%D8%B6%D8%A7%D8%B9-%D9%85%D9%82%D8%A7%D8%AA%D9%84%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D9%8A).

Press Statement. Republic of Iraq, Ministry of Foreign Affairs (2021) *Mofa.gov.iq.* 09.01 (https://www.mofa.gov.iq/2021/01/?p=20255).

Public Condemnation of Corruption and Poverty on the Sidelines of Ashura Commemoration in Karbala. *Wikileaks.org.* (https://wikileaks.org/plusd/cables/ 09BAGHDAD3361_a.html).

Qanun hayat al-hashd ash-shaabi [Law about the Popular Mobilization Forces Commission]. *Official Site of the Ministry of Justice of Iraq* (https://www.moj.gov.iq/view.2899/).

Rajul az-zill yakhruj ilan-nur.. Man huwa Abu Fadak, khalifat al-Muhandis bil-Iraq? (2021) [The Shadow Man Goes out to the Light: Abu Fadak, the Successor of al-Muhandis, Who Is He?]. *Al-jazeera.net.* 23.02 (https://www.aljazeera. net/news/politics/2020/2/23/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D9%8A-%D8%A3%D8%A8%D9%88-%D9%81%D8%AF%D9%83-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%87%D9%86%D8%AF%D8%B3).

Rempfer K. (2019) Iran killed more US troops in Iraq than previously known, Pentagon says. *Military Times,* 04.04 (https://www.militarytimes.com/news/your-military/2019/04/04/iran-killed-more-us-troops-in-iraq-than-previously-known-pentagon-says/).

Rudolf I. (2020) «The Future of the Popular Mobilization Forces after the Assassination of Abu Mahdi al-Muhandis». *Iraq in Transition: Competing Actors and Complicated Politics. Foreign Policy Research Institute.*

Treasury Designates Individual, Entity Posing Threat to Stability in Iraq (2009). *US Department of Treasury,* 07.02 (https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/tg195.aspx).

Информация об авторе

Крылов Герман Леонидович – соискатель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН. Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: german_krylov@mail.ru

About the author

German L. Krylov – PhD student, Center of Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 12, Ulitsa Rozhdestvenka, Moscow, Russian Federation, 107031. E-mail: german_krylov@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 23.03.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 26.04.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 29.04.2021

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru